

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»

Центр частноправовых исследований
НИИ Трудовых и социальных отношений

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

Выпуск второй

Минск
Международный университет «МИТСО»
2013

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ежегодный сборник
научных трудов

Издается с ноября 2012 г.

Выпуск второй

Учредитель и издатель:
Учреждение образования
Федерации профсоюзов
Беларуси «Международный
университет «МИТСО».

ЛИ № 02330/437.
Действительна
до 14.10.2014 г.
ул. Казинца, 21-3,
220099, г. Минск.

Адрес редакции:
ул. Казинца, 21/3
220099, г. Минск

Редактор
И.А. Маньковский
E-mail: mia-65@Tut.by

Подписано в печать
21.06.2013. Формат 60 x 84^{1/16}.

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,16.
Уч.-изд. л. 12,46.
Тираж 105 экз.
Зак. № 1465

Отпечатано в
Республиканском унитар-
ном предприятии «Минск-
типпроект»
ЛП № 02330/0494102 от
11.03.2009 г.
Ул. В. Хоружей, 13/61,
220103, г. Минск

ISSN 2306-255X

Научно-редакционный совет:

доктор юридических наук, профессор, главный научный
сотрудник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО»

Н.Л. Бондаренко;

кандидат юридических наук, доцент, главный научный со-
трудник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО»

С.С. Вабищевич;

доктор юридических наук, профессор, главный научный
сотрудник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО»

В.А. Витушко (зам. председателя науч.-ред. совета);

доктор юридических наук, профессор, директор Института
переподготовки и повышения квалификации судей, работни-
ков прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского
государственного университета

В.Н. Годунов;

кандидат юридических наук, доцент, первый проректор
Международного университета «МИТСО»

А.Л. Козик;

доктор юридических наук, профессор кафедры граж-
данского права Пермского государственного национально-
го исследовательского университета

О.А. Кузнецова;

кандидат юридических наук, доцент, начальник центра
частноправовых исследований НИИ ТиСО Международного
университета «МИТСО»

И.А. Маньковский (председатель науч.-ред. совета);

доктор юридических наук, профессор кафедры граж-
данского права Финансового университета при Правитель-
стве Российской Федерации

В.П. Павлов;

член-корреспондент НАН Беларуси, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный юрист БССР, главный
научный сотрудник центра частноправовых исследований
НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

В.Г. Тихиня;

доктор юридических наук, профессор, заведующая ка-
федрой хозяйственного права Восточноукраинского наци-
онального университета им. Владимира Даля, старший науч-
ный сотрудник Института экономико-правовых исследова-
ний НАН Украины

О.В. Шаповалова.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ 4

Бондаренко Н.Л.

ПРАВА АКЦИОНЕРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ..... 4

Вабищевич С.С.

СУБЪЕКТЫ ЛИЧНЫХ ПРАВ 20

Витушко В.А.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ 29

Довнар Т.И.

ОСНОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI в. 65

Козик А.Л.

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ АВТОРСКОГО ПРАВА В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 100

Козьревская Л.А.

КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ИМУЩЕСТВЕННЫМИ ПРИТЯЖАНИЯМИ СУПРУГОВ И УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации) 112

Маньковский И.А.

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ НОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ 130

Талыкин Е.А.

РЕАЛИЗАЦИЯ СУЩНОСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ (на примере хозяйственного процесса Украины и Республики Беларусь)..... 155

РАЗДЕЛ II. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО 166

Гарчичко С.А.

ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ... 166

Листунов О.В.

ЖИЛИЩНЫЕ ОБЛИГАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ: ПОРЯДОК ЭМИССИИ, ПРИОБРЕТЕНИЯ И ОТЧУЖДЕНИЯ 171

Мартынюк А.И.

СООТНОШЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 179

Сукора А.А.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФРАНЧАЙЗИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 185

РАЗДЕЛ I

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

ПРАВА АКЦИОНЕРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Бондаренко Наталья Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры частного права, главный научный сотрудник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

Аннотация: проанализированы имущественные и личные неимущественные права акционеров по законодательству Республики Беларусь. Выявлены основные проблемы реализации указанных прав, а также предложены пути их преодоления. Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие законодательства о хозяйственных обществах актуализирует проблему соблюдения прав и интересов их участников, в особенности «мелких» акционеров, обеспечения гарантий от злоупотреблений со стороны «крупных» акционеров и органов управления акционерными обществами. Доказана целесообразность использования в процессе совершенствования законодательства о хозяйственных обществах Республики Беларусь позитивного зарубежного опыта.

The summary: the property and personal non-property rights of shareholders by the legislation of Republic of Belarus are analysed. The main problems of realization of the specified rights are revealed, and also ways of their overcoming are offered. The conclusion that further development of the legislation on economic societies staticizes a problem of observance of the rights and interests of their participants, in particular "small" shareholders, providing guarantees from abuses of major shareholders and governing bodies of joint-stock companies is drawn. Expediency of use in the course of improvement of the legislation on economic societies of Republic of Belarus of positive foreign experience is proved.

Поступила 07.03.2013 г.

Гражданско-правовой доктриной выработано множество классификаций прав акционеров. Первые попытки их классификации по различным критериям предпринимались еще в XIX в. немецкими юристами, которые предлагали делить права акционеров на неотъемлемые и отъемлемые, права в рамках корпорации и права по отношению к корпорации, права общепользные и установленные в личном интересе [1, с. 577]. На основные и специальные подразделял права акционера И.Т. Тарасов. К основным правам акционера ученым были отнесены права на долю акционерного капитала в случае ликвидации общества,

на долю прибыли, на участие в управлении, на контроль, на жалобы, иск и протест. К специальным – все остальные [2, с. 203]. В свою очередь, Г.Ф. Шершеневич подразделял права акционеров на имущественные и права личного участия в делах предприятия. К правам на имущество он относил право на участие в доходах и право на имущество акционерного товарищества. Право личного участия характеризовалось им как возможность акционера «проявить свою личность в товарищеском деле». В частности, быть избранным в члены правления или ревизионной комиссии, «домогаться, чтобы ему открыты были книги, журналы, документы, необходимые для проверки баланса», участвовать в общих собраниях, «требовать личного извещения его по месту жительства повесткою о назначенном общем собрании» [3, с. 36]. Имели место в российской правовой науке того периода и другие классификации прав акционеров.

Предлагаемые современными учеными классификации прав акционеров в своей основе имеют вышеназванные. Так, В.В. Долинская выделяет общие и специальные права акционеров. Причем последняя группа прав, по мнению ученой, может быть выделена по специальному субъектному составу, специальным основаниям или форме реализации прав акционеров и иным особенностям [1, с. 47]. На основные и прочие, имеющие в качестве своей цели обеспечение реализации основных прав, подразделяет все права акционеров Г.С. Шапкина. Согласно ее мнению, основными являются права, которые непосредственно связаны со статусом акционера как лица, вкладывающего свой капитал в общество с целью получения доходов на него.

Прочими следует считать права, направленные на обеспечение реализации основных прав, предусматривающие гарантии и способы их защиты [4, с. 57].

Наиболее развернутая классификация прав акционеров предложена Ю.С. Поваровым, который выделяет:

– по критерию субъектного состава правовых связей, в содержание которых входит то или иное право акционера, – права, обращенные к обществу, и права, обращенные к иным лицам;

– по характеру взаимосвязи акционерного права и акции – права, удостоверенные акциями, и права на акции;

– в зависимости от обусловленности реализации права видом и количеством принадлежащих участнику акций – права, предоставляемые в связи с принадлежностью любых акций, и права, предоставляемые акциями определенного вида и (или) определенного количества;

– с учетом назначения (целевой направленности) – права участия в «капиталах», права участия в «делах» общества, права, связанные с

приобретением и отчуждением акций, права, направленные на обеспечение защиты своих интересов; по наличию (отсутствию) экономического содержания – на имущественные и неимущественные [5, с. 332].

Однако наибольшую популярность среди ученых все же имеет классификация, имеющая в качестве своей основы предмет гражданского права, включающий две группы общественных отношений – имущественные и личные неимущественные отношения. Соответственно, данная классификация прав акционеров связана с делением всех прав акционеров на имущественные (право на получение части прибыли, на распоряжение акциями, на долю имущества, оставшегося после ликвидации общества, преимущественное право на приобретение размещаемых акций, право требовать от акционерного общества выкупа принадлежащих ему акций), и неимущественные (право на участие в управлении акционерным обществом, на информацию об акционерном обществе, на судебную защиту и др.) [6; 7].

В соответствии со ст. 64 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), важнейшими имущественными правами акционеров являются право:

- принимать участие в распределении прибыли;
- получать в случае ликвидации общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость [8]. Именно на их рассмотрении мы и остановимся.

Право акционеров на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов закреплено также специальным законодательством, в частности, частью 1 ст. 71 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах) [9]. Однако порядок и условия реализации данного права надлежащим образом законодательством не урегулированы. Вопросы выплаты дивидендов в Законе о хозяйственных обществах отводится всего одна статья, специальные же нормативные правовые акты, регулирующие выплату обществом дохода по акциям, на сегодняшний день в Республике Беларусь отсутствуют. Законодательные пробелы становятся причиной отсутствия единообразия правоприменительной практики и могут создать потенциальную угрозу защите прав акционеров.

Так, право на выплату дивидендов акционер может реализовать лишь при наличии у общества по результатам соответствующего периода прибыли для выплаты дивидендов, определяемой в соответствии с законодательством, и при принятии акционерами решения о выплате дивидендов по результатам первого квартала, полугодия, девяти месяцев и по результатам года. Принятие решения о выплате дивидендов по результатам соответствующего периода и по результатам года отнесено

к исключительной компетенции общего собрания акционеров. Общество вправе выплачивать дивиденды из реально полученной в соответствующем периоде части прибыли, остающейся в распоряжении общества после уплаты налогов и иных обязательных платежей и покрытия убытков текущего периода, образовавшихся по вине акционерного общества (ч. 1 ст. 72 Закона о хозяйственных обществах). В то же время, законодательством не запрещается распределять в текущем году прибыль, полученную в предшествующие годы и оставшуюся нераспределенной.

Таким образом, у общества сохраняется возможность увеличить размер дивидендов, направив на их выплату не только прибыль текущего периода, но и нераспределенную прибыль прошлых лет [10, с. 103].

Статьей 72 Закона о хозяйственных обществах закреплен срок выплаты дивидендов – 60 дней со дня принятия решения об их объявлении и выплате в случае, если иной срок не установлен уставом общества или решением общего собрания акционеров. Такая периодичность выплаты дивидендов соответствует практике многих стран, законодательство которых не ограничивает частоту этих выплат и не применяет «правило» не платить дивиденды. Данная норма вызывает ряд вопросов в связи с ее применением, поскольку для акционера важным является как принятие решения о выплате дивидендов, так и непосредственное их получение, причем в достаточно короткие сроки. Вместе с тем практике уже известны случаи, когда объявив о выплате дивидендов, некоторые общества не спешат их выплачивать. Будучи диспозитивной, норма ст. 72 Закона о хозяйственных обществах защищает интересы акционеров достаточно условно, так как начинает действовать лишь в случае, когда срок выплаты не определен уставом или решением общего собрания акционеров. Нельзя исключать, что в уставе или решении общего собрания может быть установлен иной период и любой крайний срок выплаты дивидендов, например, 31 декабря текущего года. Для общества выгодно предусмотреть в уставе норму, позволяющую выплачивать дивиденды в течение всего года до 31 декабря, что соответствует п. 1 ст. 295 ГК Республики Беларусь, согласно которой, если предусмотрены определенный день или период времени, в течение которого обязательство должно быть исполнено, оно подлежит исполнению в этот день или в любой момент в пределах такого периода.

На наш взгляд, белорусскому законодателю следует учесть рекомендации, изложенные в Модельных законодательных Положениях для государств – участников СНГ о защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг, утвержденных постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 апреля 2005 г. № 25-7 [11]. В этом рекомендательном до-

кументе во избежание негативной практики выплаты объявленных дивидендов по прошествии длительного срока после их объявления предлагается предусмотреть в законодательстве государств Содружества требование о выплате объявленных дивидендов не позднее чем через шестьдесят дней, если уставом не предусмотрен более короткий срок. Полагаем целесообразным внести изменения в ст. 72 Закона о хозяйственных обществах, установив предельный срок для выплаты дивидендов императивной нормой закона.

Для принятия общим собранием акционеров решения о сроках выплаты дивидендов необходимо квалифицированное большинство (не менее двух третей от числа лиц, принимающих участие в собрании). По замыслу законодателя, данная норма направлена на защиту интересов участников общества, владеющих небольшим количеством голосов. Однако следует принимать во внимание то обстоятельство, что состав владельцев акций многих компаний представляет собой достаточно диверсифицированную группу акционеров. Крупный акционер, заинтересованный в развитии компании, готов отказаться от выплаты дивидендов в пользу роста цены принадлежащего ему инвестиционного портфеля. В то время как акционер-миноритарий заинтересован в получении дивидендов, поскольку влиять на принятие стратегических решений он может в самой незначительной степени. Акционер, обладающий двумя третями голосов от числа голосов лиц, принимающих участие в собрании, может проголосовать против выплаты дивидендов, и «мелкие» акционеры не получают доходов, которые планировали получить в связи с наличием у общества чистой прибыли по результатам соответствующего периода или отчетного года. Поэтому мы полагаем, что данная норма защищает интересы «мелких» акционеров лишь теоретически.

Следует признать, что в Законе о хозяйственных обществах отсутствует механизм, гарантирующий получение дивидендов акционерами при наличии прибыли общества, что дает основание некоторым акционерным обществам не выплачивать дивиденды даже при наличии прибыли. Особенно это характерно для тех обществ, где имеется большое количество миноритарных акционеров, лишь номинально участвующих в управлении обществом и где основные собственники не хотят делиться с ними прибылью. Рекомендации о размере дивидендов исходят от совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества, а, значит, акционеры не вправе принять решение как о выплате дивидендов в размере больше рекомендованного, так и вообще о выплате дивидендов, если совет директоров (наблюдательный совет) рекомендовал дивиденды не выплачивать. То есть если акционеры при подготовке к собранию предлагают больший размер дивидендов, то совет директоров

(наблюдательный совет) вправе не решать вопрос о том, включать эти предложения в бюллетени для голосования или нет. Поскольку в совет директоров (наблюдательный совет) общества входят, как правило, представители владельцев крупных пакетов акций, постольку «крупные» акционеры с большой долей вероятности примут то решение, которое наиболее удовлетворяет их интересам. Гарантией реализации прав акционеров на получение дивидендов явилась бы норма, закрепляющая обязательную минимальную долю (процент) от чистой прибыли общества, которая должна направляться на выплату дивидендов.

Относительно формы выплаты дивидендов ст. 72 Закона о хозяйственных обществах не содержит конкретных указаний. Следовательно, дивиденды могут выплачиваться как в денежной форме, так и в натуральной. На наш взгляд, дивиденды должны выплачиваться исключительно в денежной форме, как это рекомендуется в Кодексе корпоративного поведения, утвержденном приказом Министерства финансов Республики Беларусь от 18 августа 2007 г. № 293 [12].

Например, если большинством голосов акционеров будет принято решение о выплате дивидендов готовой продукцией предприятия, то в таком случае акционеры получают имущество, и для получения денежных средств будут вынуждены реализовывать его, понеся издержки, уменьшающие их фактическую прибыль. Поэтому для случаев, когда устав общества предусматривает возможность выплаты дивидендов иным имуществом (помимо денежных средств) и при условии, что решение о выплате дивидендов принимается простым большинством голосов акционеров, а не всеми акционерами общества единогласно, в законодательстве необходимо предусмотреть возможность замены «имущественного» дивиденда денежным эквивалентом в размере, определяемом независимым оценщиком, или возможность отказа от получения дивидендов имуществом. Акционерам, голосовавшим против выплаты дивидендов имуществом, а также не принимавшим участия в голосовании, должна быть предоставлена возможность получения дивидендов не имуществом, в котором такие акционеры совершенно не заинтересованы, а деньгами.

В пользу данного тезиса можно привести и еще один довод. Так, только в случае установления выплаты дивидендов исключительно денежными средствами, а не иным имуществом, акционеры имеют возможность в полной мере защитить свои права в случае невыплаты или несвоевременной выплаты объявленных дивидендов, используя правовую норму ст. 366 ГК Республики Беларусь «Ответственность за неисполнение денежного обязательства». В соответствии с названной статьей, за пользование чужими денежными средствами вследствие их

неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму этих средств. То есть указанная статья подлежит применению только в случае, если дивиденды были объявлены к выплате в денежной форме.

На наш взгляд, Закон делегирует чрезмерные полномочия акционерным обществам в установлении процедуры выплаты дивидендов. Согласно ч. 3 ст. 72 Закона, указанный порядок определяется в уставе общества, и может быть определен в локальном нормативном правовом акте в части, не урегулированной уставом (ч. 6 ст. 72 Закона), а также решением общего собрания акционеров. Вместе с тем, очевидно, что устав, как единственный учредительный документ акционерного общества, не может быть настолько детализирован, чтобы содержать четко прописанный механизм выплаты дивидендов. Наиболее «добросовестные» общества принимают положения о порядке объявления и выплате дивидендов, однако обязанность утверждения такого локального нормативного правового акта законодательно не установлена, что порождает возможность злоупотреблений.

Что касается места выплаты дивидендов, то поскольку Законом о хозяйственных обществах данный вопрос не решен, надлежит руководствоваться общими нормами гражданского законодательства о месте исполнения обязательства (ст. 297 ГК Республики Беларусь).

Мы полагаем, что в Законе должна быть закреплена норма, обязывающая общество установить в локальном нормативном правовом акте принципы и правила, которыми необходимо руководствоваться при принятии решений о выплате дивидендов. Эти принципы и правила, как рекомендует Министерство финансов Республики Беларусь в вышеназванном Кодексе корпоративного поведения, целесообразно определить в Положении о дивидендной политике, утверждаемом общим собранием акционеров. В Положении следует определить правила, регламентирующие порядок определения размера дивидендов, их объявления и выплаты, сроки, место и форму выплаты дивидендов, ответственность за их неполную и несвоевременную выплату.

Коммерческой статус акционерного общества предполагает возможность участия акционеров в распределении не только прибыли функционирующей организации, но и имущества ликвидируемого общества. Таким образом, всякий акционер – будь то владелец обыкновенной либо привилегированной акции – имеет право на получение части имущества общества в случае его ликвидации [5, с. 357]. При ликвидации акционерного общества за счет его имущества, прежде всего, удовлетворяются требования кредиторов. После их удовлетворения в соответствии со ст. 90 Закона о хозяйственных обществах оставшееся имущество рас-

пределяется между его акционерами в следующем порядке:

- в первую очередь осуществляются выплаты по подлежащим выкупу акциям акционеров, имеющих право требовать выкупа акций;
- во вторую очередь выплачиваются начисленные, но еще не выплаченные дивиденды по привилегированным акциям;
- в третью очередь осуществляется выплата владельцам всех типов привилегированных акций фиксированной стоимости имущества, определенной уставом общества или в установленном им порядке, либо передача им части имущества, соответствующей этой стоимости;
- в четвертую очередь оставшееся имущество ликвидируемого акционерного общества распределяется между акционерами – владельцами простых (обыкновенных акций).

Распределение имущества каждой очереди осуществляется после полного распределения имущества предыдущей очереди.

Неимущественные права не связаны с имущественными отношениями, но опосредованно они способствуют получению дохода и эффективному использованию капитала акционерного общества, т.е. неимущественные права акционеров – это права, вытекающие из акции как инструмента управления акционерным обществом.

К неимущественным правам акционеров традиционно относятся:

- право на участие в управлении акционерным обществом;
- право на получение информации о деятельности общества.

Право на участие в управлении акционерным обществом, в свою очередь, распадается на три составляющие: право участия в общем собрании акционеров, право голосования на общем собрании акционеров и право осуществления контроля за деятельностью общества.

В качестве основных правомочий, конкретизирующих право акционера на участие в общем собрании, можно выделить: право голосования по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания, позволяющее акционеру участвовать в формировании воли юридического лица; право участия в формировании повестки дня общего собрания акционеров; право требования созыва внеочередного общего собрания акционеров; право обжалования в суд решения общего собрания акционеров, принятого с нарушением требований Закона о хозяйственных обществах и иных нормативных правовых актов Республики Беларусь, устава общества, в случае, если акционер не принимал участия в общем собрании акционеров или голосовал против принятия такого решения и указанным решением нарушены его права и законные интересы.

Обязательной предпосылкой возникновения права акционера на участие в общем собрании является включение акционера в реестр владельцев ценных бумаг, сформированный на дату, установленную

уполномоченным органом общества. Частью 1 ст. 81 Закона о хозяйственных обществах предусмотрено, что список лиц, имеющих право на участие в общем собрании, составляется обществом на основе данных реестра. Список составляется депозитарием и передается соответственно совету директоров (наблюдательному совету) или инициаторам созыва внеочередного собрания акционеров. Форма списка произвольна, но в нем надлежит указать данные, необходимые для идентификации лица, имеющего право на участие в общем собрании: имя (фамилию, имя, отчество), а для юридических лиц – наименование (полное и сокращенное), адрес, которым обозначается место жительства (для физических лиц) или место нахождения (для юридических лиц). В списке следует также привести сведения о количестве и категории (типе) акций, правом голоса по которым данное лицо обладает. Необходимо также указать почтовый адреса, по которому будут направляться документы, связанные с проведением общего собрания акционеров, бюллетени для голосования и решения, принятые общим собранием. Наличие в списке указанных данных позволяет идентифицировать реальных участников общего собрания и не допустить нежелательных манипуляций при проведении голосования по повестке дня.

Право на участие в общем собрании акционеров осуществляется акционером как лично, так и через своего представителя. Представитель акционера на общем собрании акционеров действует в соответствии с полномочиями, основанными на указаниях законодательства, акта уполномоченного на то государственного органа или органа местного управления и самоуправления либо доверенности, составленной в письменной форме.

Доверенность на голосование должна содержать сведения о представляемом и представителе (имя или наименование, место жительства или место нахождения, паспортные данные).

Право акционера на участие в общем собрании относится к числу его важнейших прав, так как именно оно обеспечивает возможность реализации других его прав как акционера, включая право влиять на дела общества, от состояния которых, в свою очередь, зависят имущественные интересы акционера.

Голосование в акционерных обществах – предусмотренная законом или уставом общества процедура выборов органов управления и контроля и принятия решений по основным аспектам деятельности акционерного общества. Право голоса – это право, гарантированное законом. Правом голоса на общем собрании обладают акционеры – владельцы простых (обыкновенных) акций общества и акционеры – владельцы привилегированных акций в случаях, предусмотренных законом. Про-

стые (обыкновенные) акции дают их владельцу право участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции. Особенность простых (обыкновенных) акций заключается в том, что предоставляемое ими право на голосование на общем собрании носит безусловный характер и не зависит от количества самих акций.

Акционеры-владельцы привилегированных акций общества вправе участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса при решении вопросов о реорганизации и ликвидации общества, о внесении изменений и (или) дополнений в устав общества, ограничивающих их права (ст. 71 Закона о хозяйственных обществах). В случае, если на общем собрании акционеров принято решение о невыплате дивидендов по привилегированным акциям определенного типа или было принято решение об их неполной выплате, либо решение о выплате дивидендов не было принято, акционеры-владельцы привилегированных акций такого типа могут участвовать в последующих общих собраниях акционеров с правом голоса с момента принятия (непринятия) такого решения и до момента выплаты по указанным акциям дивидендов в полном объеме. Право акционеров-владельцев привилегированных акций такого типа участвовать в общем собрании акционеров прекращается с момента первой выплаты по указанным акциям дивидендов в полном размере.

Право голоса, как и право на участие в общем собрании, акционер может реализовать прямо или опосредованно. Вторая форма реализации права на управление предусматривает либо выдачу доверенности акционером на право голосования своему представителю, либо представление интересов акционера номинальным держателем, либо использование заочной формы голосования. Голосование на общем собрании акционеров осуществляется по принципу «одна голосующая акция общества – один голос», за исключением проведения кумулятивного голосования.

Участвовать в управлении обществом акционер может и посредством осуществления контроля за его деятельностью. Право контролировать деятельность общества и его органов управления в ч. 2 ст. 86 Закона о хозяйственных обществах конкретизируется следующим образом: акционеры (акционер), являющиеся в совокупности владельцами 10 % акций или более, вправе в любое время требовать ревизии или проверки финансовой и хозяйственной деятельности общества.

К неимущественным правам акционеров следует отнести право на получение информации о деятельности общества, закрепленное в ст. 64 ГК Республики Беларусь и в ст. 13 Закона о хозяйственных обществах. Данное право не только служит гарантией защиты и реализации иных прав, предоставляемых владельцам акций, но и создает предпо-

сылки эффективного, осознанного участия в управлении юридическим лицом [5, с. 361]. Законодательство не предоставляет участникам общества права вмешиваться в текущую финансово-хозяйственную деятельность компании, что увеличивает для них риск утраты вложенных инвестиций. Поэтому полная и правдивая информация, позволяющая акционерам судить об эффективности работы общества и его руководства, может существенно повлиять на принимаемые ими решения. Это особенно важно в случае необходимости определения способа голосования на общем собрании, предъявления требования выкупа обществом принадлежащих акционерам акций, внесения предложений в повестку дня общего собрания, предъявления требования проведения внеочередного общего собрания.

Представление и раскрытие информации о деятельности общества способствует сохранению доверия акционеров к нему и служит подтверждением стабильности и рентабельности такого акционерного общества. При этом о реальном наличии у акционеров права на получение информации можно утверждать лишь в случае четкого закрепления в законодательстве условий и порядка его реализации, о чем на сегодняшний день утверждать еще рано.

Так, в Законе о хозяйственных обществах прямо указывается, что участники хозяйственного общества вправе получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его документацией в объеме и порядке, установленном уставом (абз. 3 ч. 8 ст. 13). Тот факт, что уставы многих акционерных обществ не регламентируют объем и процедуру предоставления информации либо устанавливают это недостаточно четко, дает возможность соответствующим лицам органов управления общества отказать акционерам в предоставлении требуемой информации. Поэтому мы полагаем, что механизм реализации права на получение информации должен устанавливаться непосредственно в законе, а не в уставе акционерного общества. Каждый акционер независимо от размера пакета принадлежащих ему акций должен заранее знать, к каким из регламентированным законодательством документам у него имеется свободный доступ. Было бы целесообразным, чтобы в Законе о хозяйственных обществах праву на получение информации корреспондировала обязанность общества предоставлять акционеру по его запросу документы, определенные для хранения обществом, а также регламентировались общие требования к порядку предоставления информации. В уставе акционерного общества перечень данных документов может быть только расширен, а порядок его предоставления уточнен.

Обратимся к опыту Российской Федерации. Российское законодательство предоставляет участникам общества гораздо больше гарантий

и свободы в доступе к информации по сравнению с отечественным. В п. 1 ст. 89 Федерального закона «Об акционерных обществах» дан достаточно обширный перечень документов, которые акционерное общество обязано хранить, обеспечивая к ним доступ акционеров [13]. Акционер, сделавший соответствующий запрос, может ознакомиться с указанными документами и получить с них копии.

Механизм реализации права на получение информации детализируется в постановлении Федерального Комитета по ценным бумагам от 31 мая 2002 г. «Об утверждении положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров» № 17/ПС [14]. Такой подход российского законодателя может быть принят за основу.

Право акционера на получение информации об обществе, акциями которого он владеет, реализуется двумя способами: путем установления обязанности общества предоставить информацию акционерам независимо от их требований на этот счет, и путем предоставления акционерам права на получение информации по их желанию (заявлениям).

Общество обязано публично раскрывать информацию о своей деятельности на регулярной (периодической) основе в соответствии с требованиями законодательства. Так, ОАО обязано ежегодно публиковать для всеобщего сведения годовой отчет в объеме, определяемом законодательством (п. 1 ст. 97 ГК и ст. 88 Закона о хозяйственных обществах). ЗАО может, а в случаях, установленных законодательством, обязано публиковать для всеобщего сведения годовой отчет в объеме, определяемом законодательством (например, если ЗАО общество является банком или страховой организацией). Наряду с этим, акционерное общество обязано самостоятельно доставлять и раскрывать информацию в соответствии с требованиями законодательства и устава при совершении существенных корпоративных действий, наступлении определенных обстоятельств, которые могут привести к серьезным корпоративным изменениям, в том числе к изменению прав акционеров. К существенным корпоративным действиям следует отнести такие действия, как реорганизация, приобретение крупного пакета акций общества, совершение крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, уменьшение или увеличение уставного фонда, внесение изменений в устав и ряд других действий, проведение которых принципиально важно как для общества, так и для акционеров. При этом Законом о хозяйственных обществах установлен достаточно ограниченный перечень материалов (документов), которые общество самостоятельно и в обязательном порядке доставляет акционерам. К ним относятся:

1) извещение о проведении общего собрания участников хозяйственного общества. Извещение должно быть направлено лицам, имеющим право на участие в общем собрании, заказным письмом, если уставом хозяйственного общества не предусмотрен иной способ направления этого извещения в письменной форме, или вручено каждому из указанных лиц под роспись либо, если это предусмотрено уставом общества, опубликовано в доступном для всех участников общества печатном средстве массовой информации, определенном уставом общества, и (или) размещено на сайте хозяйственного общества в глобальной компьютерной сети Интернет.

Закон о хозяйственных обществах относит к обязательной информации, доводимой до участников общества и содержащейся в извещении, следующие сведения: наименование и место нахождения хозяйственного общества; дату, время и место (с указанием адреса) проведения общего собрания; повестку дня общего собрания; орган хозяйственного общества или иных лиц, созывающих общее собрание участников хозяйственного общества, основание его созыва (в случае созыва и проведения внеочередного общего собрания); порядок ознакомления лиц, имеющих право на участие в собрании, с информацией (документами), подлежащими предоставлению при подготовке к проведению этого собрания, с указанием адреса, по которому можно с ней ознакомиться; порядок регистрации лиц, имеющих право на участие в общем собрании; иные сведения, предусмотренные уставом общества и (или) решением о проведении общего собрания.

2) решения, принятые общим собранием, которые не оглашены на этом собрании, доводятся до сведения его участников не позднее десяти дней после даты подписания протокола этого собрания;

3) бюллетени для заочного голосования;

4) уведомление акционеров об имеющемся у них преимущественном праве приобретения дополнительно выпускаемых акций, включая требования к информации, содержащейся в таком уведомлении;

5) уведомление акционеров – владельцев акций, решение о приобретении которых принято;

6) уведомление акционеров об их праве требовать выкуп обществом принадлежащих им акций с указанием в нем порядка и срока подачи соответствующих требований.

Самую значимую и существенную информацию о деятельности общества общество обязано представлять акционерам при подготовке к общему собранию акционеров, через участие и голосование в котором реализуются иные права акционеров. Наиболее важным источником раскрытия информации о деятельности общества, позволяющим акци-

онерам оценить работу общества за год, является годовой отчет общества и годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность. Перечень основных сведений, которые обязаны ежегодно раскрывать открытые акционерные общества, детализирован в Инструкции о порядке представления и публикации участниками рынка ценных бумаг отчетности и иной информации, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 21 декабря 2010 г. № 157 [15].

Данный перечень включает: бухгалтерский баланс; отчет о прибылях и убытках; отчет об изменении капитала; отчет о движении денежных средств; приложение к бухгалтерскому балансу; аудиторское заключение (п. 11.2).

Закон о хозяйственных обществах предоставляет участникам обществ право на получение информации, содержащейся в его документах, с которой они могут ознакомиться непосредственно в обществе либо получить эту информацию в установленный срок посредством почтовой связи или иными обеспечивающими ее подлинность способами, установленными уставом или соответствующими локальными нормативными правовыми актами (ст. 64).

С целью реализации данной правовой нормы устав акционерного общества, на наш взгляд, должен в обязательном порядке относиться к документам, ознакомиться с которыми вправе каждый акционер на основании письменного требования, документы, указанные в ст. 63 и ст. 87 Закона о хозяйственных обществах, а также иные документы. К ним, в первую очередь, следует отнести:

- устав общества и все зарегистрированные к нему изменения;
- документы, подтверждающие права общества на имущество, находящееся на его балансе (свидетельства о регистрации права собственности на здания, свидетельства о регистрации транспортных средств и т.п.);
- документы, удостоверяющие права на земельные участки;
- локальные нормативные правовые акты общества, регламентирующие его деятельность;
- положения о филиалах и представительствах общества;
- уставы унитарных предприятий, учрежденных обществом;
- платежный или иной документ, подтверждающий внесение денежного вклада в уставный фонд общества и (или) заключение об оценке стоимости неденежного вклада в уставный фонд общества и прилагаемый к нему отчет об этой оценке, и (или) заключение экспертизы достоверности оценки стоимости неденежного вклада в уставный фонд общества, а также иные акты оценки стоимости имущества, отчеты независимых оценщиков;

- годовые отчеты общества, документы бухгалтерского учета и бухгалтерской (финансовой) отчетности;
- протоколы общих собраний акционеров, протоколы счетной комиссии, протоколы заседаний совета директоров (наблюдательного совета);
- бюллетени для голосования, доверенности на участие в собрании;
- списки аффилированных лиц общества;
- списки лиц, имеющих право на участие в собрании, на получение дивидендов; заключения ревизионной комиссии (ревизора), аудиторской организации, государственных органов финансового контроля;
- проспекты эмиссии, ежеквартальные отчеты эмитента и иные документы, содержащие информацию, подлежащую опубликованию или раскрытию иным способом в соответствии с законодательством Республики Беларусь;
- судебные акты по спорам, связанным с созданием общества, управлением им или участием в нем;
- иные документы, предусмотренные законодательством, уставом, локальными нормативными правовыми актами, решениями общего собрания акционеров, совета директоров (наблюдательного совета) общества, органов управления общества.

Закон о хозяйственных обществах содержит указание на то, что документы должны быть представлены обществом в максимально короткие сроки, однако какие – не уточняет. Представляется, что в данном случае также следует принять за основу положения Федерального закона «Об акционерных обществах», устанавливающего максимальный семидневный срок удовлетворения соответствующего требования акционера. Акционер, которому не была предоставлена информация в соответствии с положениями нормативных актов, вправе требовать от обязанных лиц ее предоставления, а в случае отказа – обратиться за защитой своего нарушенного права в суд с требованием обязать ответчика совершить действия по предоставлению информации.

Итогом проведенного в рамках настоящей статьи исследования является следующий вывод. Гражданское законодательство Республики Беларусь, как и ряда других стран постсоветского пространства, в настоящее время проходит этап становления. Дальнейшее развитие законодательства о хозяйственных обществах актуализирует проблему соблюдения прав и интересов их участников, в особенности «мелких» акционеров, обеспечения гарантий от злоупотреблений со стороны «крупных» акционеров и органов управления акционерными обществами. В процессе совершенствования законодательства о хозяйственных обществах целесообразно использовать позитивный зарубежный опыт.

Список использованных источников

1. Долинская, В.В. Акционерное право : основные положения и тенденции / В.В.Долинская. – М., 2006. – 581 с.
2. Тарасов, И.Т. Учение об акционерных компаниях : Классика российской цивилистики / И.Т.Тарасов. – М., 2000. – 411 с.
3. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права : в 2-х т. / Г.Ф.Шершеневич. – М., 2003. – Т. 1. – 436 с.
4. Шапкина, Г.С. Арбитражно-судебная практика применения Федерального закона «Об акционерных обществах» / Г.С.Шапкина. – М., 2007. – 157 с.
5. Поваров, Ю.С. Акционерное право России : учебник / Ю.С.Поваров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – 705 с.
6. Лаптев, В.В. Акционерное право / В.В.Лаптев. – М., 1999. – 342 с.
7. Ломакин, Д.В. Акционерное правоотношение / Д.В.Ломакин. – М., 1997. – 303 с.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 окт. 1998г.; Одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2013.
9. О хозяйственных обществах : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 18. – 2/1197.
10. Галич, В. Новый закон – новые проблемы? / В.Галич // Право и бизнес. – 2011. – № 1. – С. 103–109.
11. О модельных законодательных Положениях для государств – участников СНГ о защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 14 апреля 2005 г. № 25-7 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2013.
12. Кодекс корпоративного поведения, утв. Приказом Министерства финансов Респ. Беларусь, 18 авг. 2007 г., № 293 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2013.
13. Об акционерных обществах : Федер. Закон Рос. Федерации, 26 дек. 1995 г., № 208-ФЗ : в ред. Закона Рос. Федерации от 18.07.2009 г. // КонсультантПлюс: Российская Федерация [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр». – М., 2013
14. Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров : Постановление Федер. комис. по рынку ценных бумаг, 31 мая 2002 г., № 17/пс // КонсультантПлюс: Российская Федерация [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.
15. Инструкция о порядке представления и публикации участниками рынка ценных бумаг отчетности и иной информации : Постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 21 декабря 2010 г., № 157 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2013.

СУБЪЕКТЫ ЛИЧНЫХ ПРАВ

Вабищевич Светлана Степановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ГОУ ВПО «РГСУ», филиал в г. Минске, главный научный сотрудник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

Аннотация: в статье рассматриваются субъекты личных прав, обосновывается вывод о том, что носителями личных прав могут выступать не только физические лица, но и организации со статусом юридического лица, публично-правовые образования, а также группы лиц.

The summary: in article subjects of the personal rights are considered, the conclusion that as carriers of the personal rights the organisations with the status of the legal person can act not only physical persons, but also, publicly-legal formations, and also groups of persons is proved.

Поступила 09.02.2013 г.

Свойства нематериальных благ как объектов субъективных гражданских прав обусловили природу и содержание самостоятельной разновидности последних – личных прав. Характерной чертой правового регулирования общественных отношений по поводу формирования и (или) использования данного вида объекта гражданских прав является отсутствие специального раздела Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), посвященного личным правам, в то время как, например, отношения по поводу вещей и результатов интеллектуальной деятельности стали предметом регулирования специальных подотраслей гражданского права – «Вещные права» (Раздел II ГК) и «Исключительные права» (Раздел V ГК). Указанное обстоятельство не отменяет необходимости постановки вопроса о субъект-объектной характеристике личных прав.

Ответ на вопрос о субъектах личных прав тесно связан с ответом на вопрос об объектах названной разновидности гражданских прав. В соответствии с правилом ст. 17 ГК физическому лицу могут принадлежать личные права, а в силу прямого указания в ст. 151 ГК управомоченным лицом в отношении перечисленных в названной норме нематериальных благ выступает физическое лицо.

Кроме того, «от своего имени приобретать и осуществлять личные неимущественные права» (п. 1 ст. 44 ГК) могут организации со статусом юридического лица, от имени Республики Беларусь и административно-территориальных единиц могут своими действиями приобретать и осуществлять личные неимущественные права государственные

органы и органы местного управления и самоуправления, соответственно, в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов (п. 1, п. 2 ст. 125 ГК). Следовательно, в соответствии с нормами ГК носителями личных прав могут выступать физические лица, организации со статусом юридического лица, государство и административно-территориальные единицы.

На основе некоторых из перечисленных в норме п. 1 ст. 151 ГК благ можно по аналогии назвать блага, принадлежащие организациям и государствовподобным образованиям. Так, если учесть отсутствие у названных субъектов соответствующих, необходимых для обладания некоторыми перечисленными в норме ст. 151 ГК личными благами, природных качеств, то можно предположить, что организациям принадлежат личные права на внешний облик, обозначения (наименование, в том числе фирменное, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения), деловую репутацию.

В ст. 139 ГК перечисленные обозначения называются приравненными к результатам интеллектуальной (творческой) деятельности средствами индивидуализации и относятся к объектам интеллектуальной собственности, а права на эти обозначения относятся к исключительным. Такой подход является, по сути, традиционным и в цивилистической доктрине, представители которой относят даже в виде исключения к нематериальным благам результаты творческой деятельности и средства индивидуализации, подчеркивают, что таковые становятся объектами интеллектуальных прав [1, с. 187, 300].

На наш взгляд, заслуживает поддержки точка зрения, согласно которой в подобного рода обозначениях в большинстве случаев творчества как такового нет. Их ценность состоит в идентификации субъектов правоотношений, т.е. в создании условий для участия в гражданском обороте, а не в оригинальных свойствах, привнесенных творческими способностями их создателей. Но поскольку обладателю того или иного обозначения принадлежит возможность исключительного его (обозначения) использования, такую возможность вполне оправданно включать в содержание личного права [2, с. 645].

По мнению В.С. Толстого, права юридического лица на обозначения (имеется в виду права на их приобретение – *прим. автора*) относятся к разряду личных прав, а права на уже приобретенные обозначения «<...> не могут быть личными неимущественными потому, что допускается передача их другим лицам и обозначения нередко включаются в состав имущественного комплекса юридического лица. Они также могут быть прекращены до прекращения самого юридического лица, которому принадлежат» [3, с. 196]. Однако неотчуждаемость

личных благ не свидетельствует о невозможности перехода самих личных прав, соответственно, сама возможность такого перехода не препятствует отнесению прав на обозначения к числу личных. Далее, деловая репутация (а точнее, ее оценка) названа в качестве вклада в простое товарищество (ст. 912 ГК), однако вследствие этого сама деловая репутация не становится предметом сделки и не приобретает имущественное содержание. Что же касается прекращения прав организации на обозначение до момента ее ликвидации, то, например, в процессе своей деятельности организация может изменить свое фирменное наименование, также как и физическое лицо может переменить свое имя, отчего последнее не перестает быть объектом личных прав.

Таким образом, названные выше обозначения организации со статусом юридического лица следует относить к объектам личных прав. Необходимо отметить, что наличие у таких организаций личных прав не находит всеобщей поддержки. Так, по мнению А.Е. Шерстобитова, «<...> эти права могут принадлежать только гражданам. Какой бы теории не придерживались при определении сущности юридического лица, следует иметь в виду, что оно является искусственным субъектом права и потому не может вообще иметь личных прав (право на деловую репутацию непосредственно связано с имущественными правами) [1, с. 887]».

Данный подход строится на смешении понятия юридического лица и конкретной организации со статусом юридического лица, поскольку только у реально существующей организации, имеющей такой правовой статус, может быть, в частности, деловая репутация.

Как совершенно справедливо отмечает И.П. Грешников, мир права – «это мир фикций, понятий и абстракций, отсутствующих в реальной жизни. Более того, именно практика во многом диктует жесткое различие обыденной жизни и правовой действительности» [4, с. 126]. Даже если исходить из того, что юридическое лицо – это персонифицированное имущество, наделенное законом качествами «персоны» (субъекта), то, допуская очередную фикцию и наделяя такой субъект, например, вещными или исключительными правами, законодатель без каких-либо препятствий признает за ним права личные¹.

Если бы в основе теории и правотворческой деятельности до сих

¹ Именно на основе этой концепции, предложенной Е.А. Сухановым, построен учебник, одним из авторов которого является А.Е. Шерстобитов. (см.: Гражданское право : учебник : в 2 т. / В.С.Ем [и др.] ; отв. ред. Е.А.Суханов. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – С. 176). По мнению Е.А. Суханова, «рассмотрение юридического лица в качестве персонифицированного имущества объясняет и тот факт, что у него нет и не может быть никаких личных неимущественных прав, ибо даже деловая репутация <...> целиком обусловлена его участием и имущественных отношениях» (там же).

пор лежал метод аналогии с человеком, многие правовые конструкции не появились бы вовсе.

Соответственно, право признает и защищает не только личность человека, но и личность организации или юридическую личность. Кстати последний термин использует сам Е.А. Суханов [1, с. 175].

В подтверждение вывода о том, что личные права могут принадлежать не только физическим лицам, но и организациям со статусом юридического лица, можно привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «конституционные права человека и гражданина распространяются на юридических лиц в той степени, в какой эти права могут быть к ним применимы» [5].

Если предположить, что личные права и свободы присущи только человеку и гражданину, то из этого последует вывод о существовании таких общественных отношений, которые не являются объектом конституционно-правового регулирования.

В частности, в приводимом в российской юридической литературе примере из судебной практики Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации за организацией фактически была признана такая возможность, как свобода слова, а именно, суд сделал вывод о том, что руководитель организации в силу своих должностных полномочий может выражать ее интересы не только путем издания актов, относящихся к его компетенции, но и посредством предоставления официальной информации должностного лица по вопросам деятельности возглавляемой организации [6, с. 55–58].

В то же время нельзя, на наш взгляд, признавая за человеком такое благо, как жизнь, по аналогии конструировать «право юридического лица на существование», которое, по мнению В.С. Толстого, «вытекает из положений о прекращении юридического лица: оно не может быть прекращено по чьему бы то ни было произволу, а лишь в случаях и порядке, предусмотренных законом» [3, с. 176–178].

В целом соглашаясь с самим утверждением, отметим, что если бы из такового вытекало право организации на существование, то учредители последней были бы лишены права в добровольном порядке прекратить ее деятельность. Выделяемое названным автором «право юридического лица на внешний облик», который формируется из внешних признаков принадлежащих организации предметов (например, здание, помещение), также не имеет под собой каких-либо оснований. Если внешние свойства таких предметов будут кем-либо незаконно изменены, например, внешнему виду здания будет придан современный стиль (пример В.С. Толстого), то речь будет идти либо о нарушении вещных прав на них, либо о нарушении прав исключительных или личных прав

автора, если, например, здание является произведением архитектуры.

Таким образом, конструируя личные права организаций со статусом юридического лица, нельзя в качестве объектов таковых рассматривать те блага, которые принадлежат исключительно физическому лицу в силу природных качеств (жизнь, здоровье, достоинство, авторство и т.д.).

С другой стороны, и физическим лицам, и организациям принадлежит личное право на сохранение неизвестности (конфиденциальности) сведений. Это же право следует признать за государством, если речь идет о сведениях, составляющих государственные секреты, которые бывают двух категорий: государственная тайна и служебная тайна.

Применительно к такому благу, как информация (сведения), необходимо указать следующее. В нормах Закона об информации идет речь о собственнике программно-технических средств, информационных ресурсов, информационных систем и информационных сетей, но в отношении самой информации, также как и в норме ст. 140 ГК, – о ее обладателе.

В соответствии с правилами ст. 16 и ст. 24 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. «О государственных секретах» последние определяются как сведения <...> и объявляются собственностью Республики Беларусь. О владельце, а не об обладателе коммерческой тайны, идет речь в Законе Республики Беларусь от 5 января 2013 г. «О коммерческой тайне».

В российской юридической литературе, в том числе с учетом положений отдельных федеральных законов, также предлагается относить информацию к объектам права собственности и некоторых ограниченных вещных прав (права хозяйственного ведения и права оперативного управления) [3, с. 65]. На наш взгляд, распространение режима вещных прав на объекты, не являющиеся вещами, противоречит самой природе этих объектов.

С учетом таковой необходимо конструировать самостоятельное субъективное право, предоставляющее обладателю возможность сохранять режим тайны соответствующих сведений, изменять этот режим и требовать от других лиц соблюдать условия этого режима, за исключением лиц, имеющих доступ к такой информации на законных основаниях. Таким образом, сохранение конфиденциальности сведений о лице и его частной жизни (личная, семейная, коммерческая, служебная и т.д. тайна) является абсолютным личным правом их обладателя.

Публично-правовые образования, выступающие в качестве субъектов гражданского права, также имеют права на обозначения: Республика Беларусь – на собственное официальное наименование и произ-

водные от него слова¹, гимн, официальные геральдические символы и т.д.; административно-территориальные единицы – на наименование, геральдические символы и т.д.

Рассматривая вопрос о субъектах личных прав, необходимо иметь в виду, что в некоторых случаях такие права могут быть многосубъектными. Так, множественность субъектов личных прав возможна, если объектом этих прав выступают сведения, охраняемые в режиме тайны частной жизни, а именно, семейной тайны, если речь идет об осуществлении и защите личных прав, принадлежавших умершему, наследниками – членами его семьи.

В завершение отметим, что перечень личных благ, закрепленный в ст. 151 ГК, не является исключительным, т.е. дополняется положениями как самого ГК, так и других нормативных правовых актов. Например, Законом Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. «О погребении и похоронном деле» закреплено право каждого на достойное отношение к телу после смерти, нормой п. 1 ст. 1004 ГК – право автора селекционного достижения определять его название.

Кроме того действующее законодательство предусматривает необходимость иметь обозначения, в частности, наименование хозяйственным группам и холдингам, не имеющим статуса юридического лица и в силу этого не признаваемым субъектами гражданского права (см., например, Приложение 1 к Постановлению Министерства экономики Республики Беларусь от 11 февраля 2010 г. № 31 (в редакции Постановления Министерства экономики Республики Беларусь от 12 декабря 2011 г. № 199), Положение о государственной регистрации хозяйственных групп, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 октября 1999 г. № 1665 (в редакции Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 27 сентября 2002 г. № 1334)). Поскольку названные объединения создаются с целью осуществления предпринимательской деятельности, они имеют специальное наименование, т.е. индивидуализирующую объединение часть наименования, содержащуюся в кавычках² (например, зарегистрированы

¹ Например, специальной регламентации подвергается использование названия Республики Беларусь, слов «национальный» и «белорусский» в наименованиях юридических лиц и средств массовой информации (см.: Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2000 № 172 «Об использовании названия Республики Беларусь юридическими лицами», Указ Президента Республики Беларусь от 31 мая 2005 г. № 247 «О дополнительных мерах по упорядочению использования слов «национальный» и «белорусский», Указ Президента Республики Беларусь от 8 сентября 2005 г. № 425 «Об использовании слов «национальный» и «белорусский» в наименованиях юридических лиц и средств массовой информации».

² В соответствии с традиционной терминологией ГК – фирменное наименование.

в Министерстве экономики Республики Беларусь холдинги с наименованиями «Пинскдрев», «Белорусские обои», «Автокомпоненты», «Горизонт»), однако их исключительная возможность на использование такого наименования в нормах права не закреплена. Представляется, что в этом случае возможно обращение к аналогии закона (ст. 5 ГК).

Рассматривая вопрос о субъектах личных прав, нельзя не остановиться на проблеме «переживания» личными правами своих обладателей. В соответствии с правилом ст. 151 ГК «в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться *другими лицами, в том числе наследниками правообладателя*», например, «по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти» (ч. 2 п. 1 ст. 153 ГК). Несколько иначе данное правило сформулировано в п. 3 ст. 1033 ГК: «личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие наследодателю, могут осуществляться и защищаться *наследниками, если иное не установлено законодательством*».

Представляется, что в последнем случае законодатель вступил в явное противоречие с самим собой в рамках одного нормативного правового акта, но даже при отсутствии такого противоречия имело бы место простое дублирование норм, причем включение нормы об осуществлении и защите личных прав умершего, исключенных из состава наследства (п. 2 ст. 1033 ГК), в раздел о наследовании не имеет под собой никаких оснований.

Механизм осуществления и защиты личных прав, принадлежавших умершему, раскрывается в юридической литературе по-разному.

Так, по мнению В.А. Белова, сделавшего подробный анализ предлагаемых в современной юридической литературе комментариев аналогичной по содержанию нормы, закрепленной в ст. 150 ГК Российской Федерации, законодатель посредством конструкции осуществления и защиты личных прав умершего лица допустил «возможность осуществления и защиты личных прав, *переживших своих носителей*, публичными образованиями в *общественных интересах* (выделено мною – С.В.)».

В противном случае для защиты личных прав умерших было бы достаточным на законодательном уровне «признать, что условия общественного существования одного лица могут быть объектом не только его личного права, но и объектом личных прав ряда других лиц» [3, с. 638–639], т.е. закрепить многосубъектность личных прав (наподобие прав соавторства и права общей собственности), при которой интерес в охране того или иного личного блага имеют не одно, а несколько

лиц, связанных между собой, например, фактом родства. Но именно такое положение дел и признал законодатель, указав на возможность осуществления и защиты личных прав умерших лицами, имеющими в этом собственный законный интерес. При этом в норме п. 1 ст. 151 ГК закреплена презумпция, согласно которой подобный интерес всегда имеется у наследников.

Предлагаемое В.А. Беловым более позднее объяснение¹ также основывается на интересе, хотя и общественном. «Правило интереса» позволяет избежать рассуждений о возможности существования «некоторых нематериальных благ в отрыве от человека в усеченном объеме (составе)» [7, с. 156] или прав, «переживших своих носителей» [2, с. 639], обеспечить достойное отношение к результатам общественно-полезной деятельности человека после его смерти и защиту личных прав лиц, связанных с умершим тем или иным объективным фактом (соавторства, нахождения в браке, близкого родства, отношениями своейства, наследования и т.п.). При этом речь идет об одновременной охране интересов умершего, третьих лиц и самого общества. Как отмечает Н.С. Малеин, если отрицать интересы умершего как объект правовой охраны, то возникает вопрос о целях конструирования норм гражданского права, предусматривающих наследование по завещанию, выплату страховой суммы в соответствии с заключенным договором страхования другому лицу (выгодоприобретателю) после смерти страхователя [8, с. 111].

Таким образом, личные права как разновидность субъективных гражданских абсолютных прав могут принадлежать различным участникам гражданских правоотношений и их коллективам. Осуществляя и защищая личные права умершего, заинтересованное лицо (группа лиц) осуществляет и защищает свои личные права.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 2 т. / В.С.Ем [и др.] ; отв. ред. Е.А.Суханов. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. –958 с.
2. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / А.Б.Бабаев [и др.] ;

¹ В учебнике гражданского права 2004 г. (Гражданское право : Особенная часть : учебник. – М. : Центр ЮрИнфоР – 2004. – П. 1673, 1674) В.А. Белов высказал предложение о возможности изменения традиционного представления о субъективном праве в смысле прикрепления такового не только к субъекту, но и к какому-либо иному элементу правоотношения, например, к объекту или основанию возникновения правоотношения. Соответственно, личные права прикрепляются к юридическому факту (например, авторству), который «ни объективно, ни юридически не может быть отменен, изменен или иным образом изглажен, <...>, а следовательно, существуют бессрочно и независимо от своего субъекта, по крайней мере – после смерти (прекращения) такового». Данная точка зрения, как отмечалось, была существенно пересмотрена в последующих работах ученого.

под общ. ред. В.А.Белова. – М. : Юрайт–Издат, 2007. – 993 с.

3. Толстой, В.С. Личные неимущественные правоотношения / В.С.Толстой. – М. : Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 216 с.

4. Грешников, И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве / И.П.Грешников. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 331 с.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. "О федеральных органах налоговой полиции"» // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

6. Костюк, В.Д. Нематериальные блага. Защита чести, достоинства и деловой репутации / В.Д.Костюк. – М. : Лекс-Книга, 2002. – 320 с.

7. Гражданское право : Часть первая : учебник / М.В.Антокольская [и др.] ; под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 536 с.

8. Малеин, Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР / Н.С.Малеин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 215 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Витушко Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры частного права, главный научный сотрудник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

Аннотация: рассматриваются основы понятийного регулирования общественных отношений. Отмечается крайне низкий уровень понятийного подхода к формированию законодательства, его толкованию и применению. Указывается на отсутствие сознательного и прямого применения правовых теорий как высшей формы мышления. Даются предложения по совершенствованию законодательства.

The summary: bases of conceptual regulation of public relations are considered. The lowest level of the conceptual approach to legislation formation, its interpretation and application is marked. It is underlined absence of conscious and direct application of legal theories as higher form of thinking. Offers on legislation perfection are given.

Поступила 01.02.2013 г.

Несмотря на возможность применения общенаучных и философских подходов к определению юридических понятий, при всей их специфике, в современной отечественной философии правовым понятиям не уделяется существенного внимания. В то же время юридические науки также не уделяют должного внимания юридическим понятиям. В правоведении исследуются только индивидуальные понятия либо родовые понятия с точки зрения их институционального аспекта. При этом исследование функционального аспекта взаимосвязи и взаимодействия правовых институтов в рамках системы или отрасли права практически отсутствует. Все это является следствием традиционной абсолютизации дискретного и индивидуального подхода к познанию правовых явлений в ущерб комплексному подходу, поиску универсального, всеобщего и типового в праве.

Говоря о **методологических основах определения понятий**, надо отметить, что здесь выделяется множество подходов к определению понятия. Обычным является представление, согласно которому понятие есть форма мышления, наряду с суждениями, умозаключениями, доказательствами и высшей формой мышления, – теориями. Кроме того, понятие рассматривается как информационный образ окружающего мира; отражение наших знаний о природных или социальных явлениях; абстракция; система знаний; способ воспроизведения предметов и явле-

ний действительности в мышлении; способ организации знания; способ выделения познаваемых предметов; средство обобщения в процессе познания; мысль о чем-либо или вид мысли; инструмент теоретического освоения реального и знаково-символическое его выражение; специфическая логическая форма отражения мира; самостоятельный объект познания [1, с. 11–18, 21; 2, с. 33; 3, с. 137; 6, с. 209; 9, с. 8, 23]. Нельзя не отметить, что в таком многообразии родо-видовых качеств понятия допускается сходство разнообразных их проявлений. Так, способы, по общему представлению, есть методы познания или воздействия на окружающий мир. А средства есть рычаги использования методов при познании или воздействии на окружающий мир. В механизме правового регулирования общественных отношений в качестве способов используются принципы и методы правового регулирования общественных отношений. А к средствам такого механизма относят нормы права, правоотношения, сделки, договоры и др. Представляется, что указанное отождествление не есть недоразумение, а следствие современного состояния понятийного мышления. Допустимость отождествления различных явлений, институтов, учреждений и их понятий вытекает из самой сущности природы, в которой взаимно трансформируются различные виды вещества и энергии. А значит, научное понятие должно содержать в себе единые, общие признаки разнообразных предметов окружающего мира. Взаимозаменяемость явлений окружающего мира и понятий оказывается, таким образом, естественной, объективной. «Объективное единство противоположностей в самой сущности отражаемой вещи необходимо предполагает и единство, тождество противоположных определений понятия в процессе познания <...>. Многозначность понятия, многозначность его определения составляет условие подлинного понимания сущности вещей» [9, с. 33].

Кроме того, понятия отражают возможность проявления одними и теми же явлениями окружающего мира различных свойств в одно и то же время. Это наглядно видно в известных положениях о том, что право одновременно и регулятивная система, и наука, и учебная дисциплина, и др.

Понятие, будучи относительно самостоятельным явлением окружающего мира и объектом познания, имеет свою специфическую структуру, форму и содержание. С точки зрения формальной логики структура понятия содержит три элемента. Это наименование познаваемого явления, выраженное определенным термином, а также копулятивный элемент, то есть связка по типу «есть», «значит», «является» и иные, которые формально могут и отсутствовать, и базисное описание познаваемого объекта. Таким образом, понятия выражаются в определениях,

дефинициях. Но не исключается возможность и иных структур понятий [1, с. 26–27].

В любом понятии предметы отражаются в единстве своей целостности и расчлененности, т.е. как явления комплексные. Коль скоро познаваемые предметы всегда структурированы, то и понятия о них являются системно-структурными образованиями. Понятия отражают многогранность, многопорядковость сущности исследуемых систем. Структура познаваемого объекта олицетворяет единство его формы и содержания, а также единство формы и содержания понятия о нем [1, с. 16, 18, 22–23].

С точки зрения содержания понятия во второй половине XX-го в. актуальным стало выведение синтетических понятий [2, с. 27]. Это значит, что в структуре понятия может содержаться комплекс разнопорядковых представлений о познаваемых объектах, учитывая комплексную природу этих объектов.

Форма и содержание понятия могут рассматриваться в различных аспектах. Формой может считаться вид соответствующего объекта познания. Однако в философии считается, что такой подход не корректен, поскольку в связке с понятием содержания объекта в таком случае должен быть поставлен род, как более общее по отношению к виду явление, считающееся абстракцией, безотносительной к конкретной форме. Однако в юриспруденции все ее абстракции имеют конкретную правовую форму и содержание. Поэтому юридические формы могут соотноситься как родовые и видовые, – по вертикали, и как видовые – по горизонтали. Так, тип и вид гражданского договора обладают соответствующей юридической формой и содержанием. Тип (род) договора имеет одну форму и содержание, его виды (подчиненные типу формы) имеют свое юридическое содержание.

Другой философский подход в определении формы заключается в том, что формой считается способ организации и выражения содержания, тогда как под содержанием понимается единство всех элементов познаваемого объекта. Содержание понятия включает также совокупность признаков познаваемого объекта [6, с. 210–211].

Понятия имеют свои функции. Одной из основных является функция познания окружающей действительности. К другим функциям относят: выделение познаваемых предметов в качестве самостоятельного объекта познания, организация познаваемых явлений и др. [3, с. 136].

«Понятие субъекту «дается», по крайней мере, в двух аспектах: как идеально представленный материально-предметный момент объективной реальности, и как момент собственного отношения. Во втором аспекте выражается богатство внутреннего мира субъекта, его способ-

ность идеального усвоения внешних предметов [4, с. 176–177]. А значит, научное понятие обусловлено историческими обстоятельствами развития общества и личности, а также их ценностными установками [9, с. 27; 12, с. 169–170, 175, 181]. Развитие понятия в истории человечества носит последовательный эволюционный характер, который разделен на определенные стадии в рамках отдельных народов и государств. Процесс становления понятий имеет и гносеологическую обусловленность. Понятия могут возникать из суждений, а также быть составными частями суждений, умозаключений, доказательств и теорий.

Начало формирования научных юридических понятий связывается со временем зарождения научных теорий и адекватных им понятий, которые основывались на сознании, освобожденном от языческих, христианских, иных религиозных догм, а также укоренившейся схоластики. В Европе это время XVI–XVII вв. Оно связывается с именами английского философа, юриста и государственного деятеля Ф. Бэкона, а также первой научной теорией механики Г. Галилея. Восставая против формальной логики с ее силлогизмами в мышлении людей своего времени и ставя перед собой задачу поиска подлинно научных форм мышления, Ф. Бэкон избрал для этой цели индукцию, а на ее основе получение понятий разума.

При этом понятия должны были быть пригодными для практики, являться реальным, ясным и определенным отражением познаваемых объектов, составлять «душу слов» [18, с. 74–75]. Будучи составной частью человеческой культуры и юридического мышления, юридические понятия имеют свои особенности.

Юридические понятия и соответствующие им терминологические обозначения – это такие явления, которые должны быть легализованы законодательством или иным правомерным способом. Помимо законодательства, термины легализуются судебной практикой, доктриной или обычаями. Легализованное юридическое понятие – это легализованная его дефиниция или иным образом легализованная совокупность его признаков.

Юридический термин, который не имеет легализованного юридического содержания, можно рассматривать только как оценочное юридическое понятие, допустимое к применению в юриспруденции в определенных случаях, либо как юридически нейтральное понятие. Для использования такого юридического термина, понятия, не имеющего легализованных признаков и содержания, необходимо иметь соответствующее право. Этим правом наделяются суды, административные органы и должностные лица для решения конкретных вопросов правоприменения, сами субъекты правоотношений для осуществления своих

прав, которые не запрещены или дозволены им, специалисты для целей толкования права.

В этом имеется существенное отличие юридических понятий и терминов от иных понятий и терминов, поскольку в искусстве, науке и иной практической деятельности каждый волен самостоятельно номинировать и использовать приемлемую для него терминологию и понятийный аппарат. Определенные ограничения такого вольного использования терминологии и понятий имеют место в науке, если новые термины признаются научной общественностью и вводятся в терминологический аппарат соответствующей науки, либо новые понятия и их признаки вписываются в известные научные теории. Но с точки зрения авторского права каждый волен применять свои личные термины, словосочетания и понятия во всех сферах творческой деятельности, кроме случаев, когда эти новые идеи посягают на национальную безопасность, расовую толерантность и другие особо важные социальные интересы, определяемые исчерпывающим образом в конституциях и специальном законодательстве. В юриспруденции такие вольности не допустимы, по общему правилу, либо разрешены в определенных случаях, в пределах правоспособности и компетенции субъектов правотворчества, правоприменения, специального юридического познания и др. Таким образом, юридическая лексика имеет свое специфическое содержание. Речь профессионального юриста отличается от обычной разговорной речи, касающейся правовых вопросов. Поэтому написание или толкование законов на бытовом уровне может осуществлять каждый, но профессионального подхода при этом не будет. Это исключительная прерогатива юристов.

Оценочные понятия относят к относительно-определенным. В противоположность им используются так называемые абсолютно-определенные юридические понятия. К абсолютно-определенным понятиям причисляются те, дефиниции которым даны в законодательстве. Однако, учитывая динамизм развития законодательства, релятивную природу мышления, культуры и понятий, следует указать, что рассматриваемое деление юридических понятий носит условный характер. Всякая абсолютизация методологически предполагается относительной.

Юридически нейтральными понятиями, широко применяемыми в современной юриспруденции, являются понятия глобализма, универсализма, имплементации, интеграции и др. Они считаются юридически нейтральными постольку, поскольку их термины и содержание не определены законодательством, либо судебной, административной практикой, обычаями правоприменения или допустимой к судебному правоприменению доктриной. Но с момента, когда соответствующие тер-

мины получают легализацию, понятия приобретают оценочный характер и их юридическая нейтральность утрачивается. А если будут легализованы и их существенные признаки, то, как сказано выше, они приобретают юридическую форму и содержание, т.е. полноценный характер юридического понятия.

Юридические понятия должны содержать общие, типовые, конкретные и иные существенные признаки познаваемого и применяемого в праве явления. Процесс выведения юридических понятий представляет собой выделение общих признаков, присущих соответствующим единичным правовым явлениям из числа познаваемого класса явлений, либо выделение конкретных признаков одного познаваемого правового явления. Таким образом, юридические понятия должны отражать общие (типовые) или конкретные признаки объекта правоведения и правоприменения. При этом эти признаки должны иметь существенное значение для определения юридического объекта.

Юридические понятия и термины могут иметь различное юридическое содержание и назначение. Так, например, юридический термин «объединение» имеет различные понятийные значения. Он отражает, в частности, формы объединения юридических лиц в более крупную корпорацию, в рамках которой они не прекращают своего самостоятельного правового статуса юридического лица, сохраняют свое имущество, права и обязанности. В связи с этим ГК Беларуси выделяет такие организационно-правовые формы, как государственные объединения и др. Другое значение термин «объединение» имеет при реорганизации юридических лиц в форме объединения. В процессе такого объединения юридические лица прекращают свой правовой статус, а на основе объединения их имущества, прав и обязанностей возникает другое юридическое лицо. С учетом этого термин «объединение» не может иметь единого, универсального понятийного значения для указанных случаев его применения. Для этих случаев его применения могут быть установлены соответствующие понятия индивидуального характера. Поэтому юридические понятия могут быть различными, даже если они отражены одним термином. В свою очередь, различные юридические термины могут отражать одно понятие. Например, понятия ничтожных и оспоримых сделок могут обозначаться одним термином «недействительные сделки». В данном случае индивидуальные юридические понятия охватываются родовым понятием.

Юридические понятия, исходя их общенаучных методологических положений, можно подразделять на виды. Помимо сказанного к таким видам относятся общие и специальные понятия, имея в виду применение общих понятий для всех отраслей права и специальных

понятий для отдельных отраслей и институтов. Однако надо учитывать, что в рамках общей теории права имеются свои специальные понятия, а у отраслей права выделяются общие положения, содержащие общие понятия для данных отраслей. Общие положения выделены в Разделе 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь, Разделе 1 Кодекса Республики Беларусь «Об административных правонарушениях». Кроме того, в рамках групп отраслей могут применяться общие для них понятия. Так, понятие договора будет межотраслевым и общим для отраслей гражданского, трудового и семейного права.

В составе юридических понятий следует выделять юридические категории как наиболее общие и фундаментальные понятия. К числу юридических категорий можно отнести категории формы и содержания договоров, содержания вещных прав, наследственных правоотношений и внедоговорных обязательств. Сюда же включаются категории юридических фактов, прав и обязанностей, юридических отраслей, подотраслей, институтов, субинститутов и норм.

Исходя из деления права на частное и публичное, следует выделять публично-правовые и частноправовые понятия.

Среди понятий выделяются понятийные ряды по типу: система права – система отрасли права – система подотрасли права – система института права; юридические факты – сделки – договоры и др. Юридические понятия могут соотноситься иерархически, имея определенную соподчиненность. Так, например, в рамках действующего этикетического позитивизма применяется иерархия нормативных правовых актов по типу: конституция – кодекс – закон – подзаконный нормативный правовой акт и т.п. В Беларуси к эту иерархию включены декреты, указы и распоряжения.

Достаточно распространенным заблуждением является мнение, что в юриспруденции понятие – это единственная форма выражения правовых установок, правил в процессе законотворчества. По этому поводу следует заметить, во-первых, что современное право, особенно гражданское, как раз крайне редко оперирует понятиями, имеющими законодательно закрепленные дефиниции. Законодательно закрепленные дефиниции содержатся, в основном, в уголовном и административном законодательстве, дающем определения преступлений и административных проступков. Во-вторых, помимо такой формы мышления, как понятие, в юриспруденции широко используются простые суждения. Например, ст. 288 ГК называется «Понятие обязательства и основания его возникновения». Однако никакого понятия, имея в виду дефиницию, отражающую существенные признаки понятия обязательства, данная статья не закрепляет. В данной ситуации слово «понятие»

из указанной нормы следует исключить. Соответственно, ориентируя субъектов гражданского оборота и правоприменителя на то, что здесь они найдут то, что обычно понимается под понятием, законодатель вводит указанных лиц в заблуждение, дезориентирует.

Данная статья ГК является простым суждением, состоящим из предположения, что «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности». Очевидно, что для становления полноценного научного понятия обязательства еще не пришло время.

Помимо понятий в юриспруденции широкое применение имеет высшая форма мышления – теория. Юридические понятия, суждения и умозаключения являются достаточно известными и распространенными инструментами правоведения. А вот теории хотя и широко известны профессиональным юристам, но официального признания, осознанной легализации в законодательстве, судебном и административном правоприменении не имеют. Хотя практически, на подсознательном уровне они применяются, а порой крайне активно навязываются обществу. Например, известна и широко применима позитивистская теории права. На ее основе в странах СНГ традиционно устанавливается иерархия нормативных правовых актов по их юридической силе. Высшая сила придается конституциям, затем идут законы, а наименьшую юридическую силу придают подзаконным нормативным правовым актам, которые также могут строиться по иерархии, в зависимости от уровня органов государственного управления, которые их принимают.

Существуют специальные юридические теории в рамках отдельных институтов гражданского права. Так, известна еще с XIX в. теория социальной реальности юридического лица. На ее основе признается реальность существования юридических лиц как субъектов товарного оборота, их способность к самостоятельному волеизъявлению. Благодаря такому пониманию юридических лиц стал возможен переход от индивидуальной легализации юридических лиц королевской или правительственной властью, что имело место при господстве теории фикции юридических лиц в средние века к достаточно свободному их созданию в XX в. На основе теории социальной реальности в странах СНГ легализован нормативно-явочный способ их создания. Беларусь пошла еще дальше в этом направлении, введя явочный порядок учреждения юридических лиц, обеспечивая им почти такую же свободу участия в товарном обороте, как и физическим лицам. Формально ука-

занная теория законодательно не признана. Но она действует независимо от сознательного официального отношения к ней, как элемент правовой культуры, как теория, ставшая адекватной для своего времени и приемлемой для общества.

Юридические теории применялись и применяются во всех правовых порядках, в рамках всех известных социально-экономических формаций и государств с тех пор, как наука стала осознанным явлением. Они определяют в юриспруденции то, что является «душой» юридической лексики, истинным отражением природы общества, тождеством понятия юридической практики.

Юридическая теория является важнейшим элементом доктрины. Следовательно, доктрина является таким же традиционным и естественным источником права для цивилизации, как и нормативные правовые акты. Более того, исторические факты свидетельствуют, что она стала применяться в обществе еще раньше, чем появилось законодательство. Примерами первых доктрин являются предсказания культовых служителей у первобытных и античных народов. Они же осуществляли и правосудие в период до появления государства [5, с. 165–169, 202, 206 и др.].

Юридические понятия следует рассматривать как явления, в их статике, и как процесс, в их динамике, развитии. Так, например, реорганизация юридического лица в своей статике есть способ изменения или прекращения правового статуса юридического лица. Данный способ имеет свои формы (виды), включая объединение, разделение, присоединение, выделение и преобразование. Каждой форме реорганизации сопутствует свое правовое содержание. Например, при объединении нескольких юридических лиц в одно лицо может возникнуть новое юридическое лицо, которое может принять различные организационно-правовые формы, если они не противопоказаны законодательством. Статическое понимание реорганизации позволяет выявить его самостоятельность как отдельного института гражданского права, как одну из возможных форм прекращения юридических лиц или изменения их правового статуса.

С точки зрения своей динамики реорганизация это есть, во-первых, процесс изменения или прекращения правового статуса юридического лица, позволяющий обеспечить права и законные интересы субъектов реорганизации, а также других частных лиц и государства. Во-вторых, реорганизация – это совокупность, система определенных событий и действий, которые образуют определенную цепь оснований изменения или прекращения правового статуса юридического лица, а также условий, которые необходимо соблюсти для совершения реорганизации. В рамках этих процессов выделяется аспект передачи прав или обязанно-

стей реорганизуемого юридического лица другим юридическим лицам.

Вопрос о применении новых юридических понятий естественным образом возникает в процессе изменения права. Допуская применение новых юридических понятий, нужно учитывать ментальность населения, воспитывавшуюся длительное время. Поэтому в Беларуси сегодня правомерно учитывается указанная выше ориентация населения на государственную поддержку. Это выражается в сохранении некоторых льгот для отдельных категорий населения. Сегодня нереально требовать от большинства населения полного погашения затрат на коммунальные услуги. Переход на такое полное погашение коммунальных затрат государства возможен поэтапно, с учетом уровня доходов различных слоев населения.

В процессе реформирования понятийного юридического аппарата опасным для общества является юридическое экспериментирование, введение новых, ранее не использовавшихся юридических понятий и институтов, особенно когда такое экспериментирование публично не оговаривается, носит достаточно скрытый характер.

Важнейшим критерием научности юридических понятий является отражение в них общих и особенных свойств юридических явлений. Но в настоящее время остается острой проблема такого понятийного юридического мышления. Для него характерен уклон в сторону выделения особенных свойств юридических явлений, абсолютизации индивидуального, дифференцированного правового регулирования общественных отношений. А общее и тождественное в содержании правоотношений и юридических понятий отвергается или учитывается поверхностно. Между тем, признание общего во всех правовых явлениях формирует и адекватные представления об их понятиях. Однако сегодня даже общее понятие права носит, преимущественно, дискретный, узкий характер. При этом определении доминируют правовой позитивизм и нормативизм. Концепция естественного права и социологический подход в отечественной юриспруденции практически не воспринимаются, имеют сугубо теоретическое значение. Между тем, с методологической точки зрения понятие права должно быть синтетическим, комплексным, поскольку современное понятийное мышление носит синтетический, комплексный характер. Поэтому все указанные представления, имеющие научную ценность, интегрируются в единое синтетическое понятие права. Понятие права должно содержать общие признаки, имеющиеся при естественно-правовом, социологическом и позитивистском подходе. Но это только один из аспектов синтетической, комплексной природы права и его понятия. Таких подходов много, минимум два (с методологической точки зрения, а фактически не-

обозримое число). Все зависит от критериев оценки синтетической и комплексной природы права.

Методологический постулат, что общее понятие права должно содержать в единстве его общие и особенные признаки, в отечественном законодательстве не соблюдается. Так, согласно абз. 20 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10 января 2000 г. (в редакции от 4 января 2002 г.), «право – система общеобязательных правил поведения». Как видим, данная дефиниция никаких указаний на единичное применение права не содержит, и в этом ее методологический порок, поскольку далеко не все нормы права носят общеобязательный императивный характер. Значительная их часть носит диспозитивный характер, дающий субъектам права и правоприменения индивидуализировать правовое регулирование общественных отношений. Это значит, что диспозитивные нормы при их использовании и применении никогда не бывают общеобязательными. Наоборот, они нацелены на казуальное регулирование. Даже тогда, когда участники правоотношений отказываются индивидуализировать их содержание, тогда диспозитивная норма то же еще не станет обязательной. Они могут ее не применять на протяжении всего процесса осуществления своих прав. И только в случае спора между ними диспозитивная норма станет общеобязательной.

Надо отметить и то, что казуальное регулирование применяется не только в частных, но и публичных отраслях права. Такое регулирование характерно для административных правоотношений.

Помимо того, в праве есть еще факультативные нормы, которые вообще могут не применяться. Они еще более, чем диспозитивные нормы, нацелены на самостоятельное и индивидуальное использование субъектами правоотношений своих прав. Согласно ч. 3 ст. 2 ГК участники гражданских правоотношений «свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договоров». Эта норма имеет целью дать участникам гражданских правоотношений право самим регулировать свои отношения на основе договоров и освобождает их от ограничений, за исключением одного. Данные лица ограничиваются только в случаях, установленных законодательством. А значит, решать вопросы того, следует ли участвовать в договорах, регулировать ли договорные отношения и как регулировать договорные отношения, они решают самостоятельно.

Факультативный характер имеют и нормы, адресованные государственным органам, судам. Так, согласно ч. 1 п. 1 ст. 179 ГК «сделка, совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное

значение, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения». Это значит, что суду дано право не признать сделку недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения при определенных индивидуальных обстоятельствах совершения сделки. Во-первых, суд может посчитать то, что истец считает заблуждением, вовсе не имеющим характера заблуждения. Во-вторых, суд может признать наличие заблуждения истца, но не признает его имеющим существенное значение, требующееся как обязательное условие недействительности сделки. Все это также неоспоримо указывает на казусный, разовый характер норм права. Таким образом, суд может признать применимость или не применимость нормы, закрепленной в указанной ч. 1 п. 1 ст. 179 ГК для всякого конкретного дела.

Известно, что в любом обществе всегда есть определенная категория населения, которая вовсе игнорирует право. Причем речь здесь не идет о тех случаях, когда лицо нарушает закон, но в силу общеобязательности норм права они подлежат применению к правонарушителю принудительно. Речь идет о гражданах, которые имеют право игнорировать многие права, особенно имущественные. Известный древнегреческий киник Диоген игнорировал право собственности, жил в бочке, а днем с фонарем искал человека на многолюдных улицах, но не мог его найти. Безразлично относились к светскому законодательству и праву и множество христианских святых, которые уходили жить отшельниками в глухие уголки славянских земель. Современные лица без определенного места жительства продолжают эту традицию. Они безразличны к праву собственности, и принудить их к использованию такого рода норм нельзя. А коль скоро нет использования этих норм, то не может быть и их исполнения и применения.

Принципиальная особенность частного права и законодательства состоит в том, что общеобязательность применения норм этого права, как общий признак права, здесь не применим, по крайней мере, в своем абсолютном выражении. Согласно ч. 3 ст. 2 ГК «участники гражданских правоотношений приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своих интересах». Это значит, что граждане самостоятельно решают, использовать ли им нормы гражданского законодательства и права или нет. Применение любых норм гражданского права находится в исключительно компетенции граждан. Например, граждане могут правомерно игнорировать даже императивные нормы права. Они могут не использовать нормы о сроках исковой давности, исполнять обязательства по своим понятиям, в том числе и за пределами этих сроков.

Факультативный, не обязательный для граждан характер имеют и нормы уголовного права. Так, по делам частного обвинения вопрос об уголовном преследовании ложится сугубо на плечи граждан. Государственные правоохранительные органы в такие уголовные правоотношения вмешиваться не имеют оснований. В семейных, соседских и иных отношениях уголовное право также игнорируется гражданами. Родители, как правило, никогда не инициируют возбуждение уголовных дел против своих детей, если те похитят у них из трехлитровой банки крупную сумму денег. Также заглаживаются и вопросы причинения телесных повреждений и т.д. Таким образом, разветвленная система законодательства есть достаточно искусственное средство запугивания граждан. Хотя фактически оно действует на них также как и нормы морали, имеющие рекомендательный характер. Общеобязательную применимость нормы права могут найти в лишь в случае споров и иных конфликтов между гражданами, либо иными субъектами, когда их призваны решать частные примирительные и судебные организации, а также органы государства. Добровольное исполнение предписаний законодательства не есть результат наличия и действия этого законодательства. Это результат саморазвития социальной формы материи, сообщества граждан.

Закон о нормативных правовых актах с течением времени с понятийной точки зрения изменяется не лучшим образом. Так, согласно абз. 12 ст. 1 Закона о нормативных правовых актах (в редакции от 15 июля 2008 г.) установлено понятие локального нормативного правового акта, под которым понимается «нормативный правовой акт, действие которого ограничено рамками одной или нескольких организаций». А согласно абз. 13 ст. 1 того же закона «нормативный правовой акт – официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путем референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение». Между этими двумя определениями есть противоречие. Абзац 12 ст. 1 не ограничивает виды и формы организаций, в которых принимается и действует локальный нормативный правовой акт. А из определения понятия нормативного правового акт, установленного абз. 13 ст. 1, следует, что это акт, принятый или санкционируемый государственными органами (должностными лицами) или референдумом. Такое ограничение сферы применения локальных нормативных правовых актов противоречит и иному национальному законодательству. Например, в отрасли трудо-

вого права, согласно ст. 1 и ст. 7 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г., «локальные нормативные правовые акты – коллективные договоры, соглашения, правила внутреннего трудового распорядка и иные принятые в установленном порядке нормативные акты, регулирующие трудовые и связанные с ними отношения у конкретного нанимателя». Такого рода нормативные правовые акты принимаются директорами юридических лиц, в том числе частных, самостоятельно, их коллегиальными органами управления, а также по согласованию с профсоюзными организациями. Таким образом, нормативные правовые акты и соответствующие нормы права в Беларуси легально могут устанавливаться не только государственными, но и частными организациями и иными лицами.

Статья 2 Закона о нормативных правовых актах Республики Беларусь в момент его принятия 10 января 2000 г. учитывала это обстоятельство. Согласно ч. 14 ст. 2 указанного закона «устав (положение) – нормативный правовой акт, определяющий порядок деятельности государственных органов, предприятий, объединений, организаций, учреждений, а также порядок деятельности государственных служащих и иных лиц в определенных сферах деятельности». Таким образом, устав государственных и частных организаций и учреждений признавался нормативным правовым актом локального характера. Это делало данный закон вполне гармоничным внутренне и в сочетании с трудовым и иным законодательством. При внесении изменений в этот закон 14 января 2002 г. слова «предприятий, объединений, организаций, учреждений» из указанной дефиниции были исключены. Таким образом, первоначальная редакция Закона о нормативных правовых актах, допускавшая частное правотворчество путем принятия уставов частных юридических лиц, в действующей редакции рассматриваемого закона изменена. Понятие устава сведено к акту государственных органов и их должностных лиц. Это привносит не только противоречивость, но и интеллектуальную деградацию рассматриваемого закона. С понятийной точки зрения он не отражает общего между государственными и частными нормативными правовыми актами.

К не менее крупной проблеме игнорирования общего у правовых явлений относится современное законодательное закрепление понятия частной собственности. В отечественной истории имели место различные подходы к правовому урегулированию отношений частной собственности. До октябрьской революции 1917 г. понятие частной собственности признавалось, но она рассматривалась в марксистско-ленинской литературе как основа эксплуатации всех слоев трудового населения, наемных работников села и города. Поэтому в советский период

понятие права частной собственности было отвергнуто и объявлено о том, что собственность отдельной личности имеет право на существование, если она носит исключительно производный характер от общественной собственности и предназначена сугубо для удовлетворения личных потребностей. Такое право собственности получило наименование не частной, а личной. Соответствующее понимание личной собственности строго регулировалось всеми отраслями права. Всякая попытка использования личной собственности для целей производства даже в рамках личного хозяйства, получения какого-нибудь дополнительного прибýtка, дохода каралась конфискацией не только такого дохода, но и самой собственности как источника дохода. Попытки такой деятельности ограничивались уголовными, административными и налоговыми мерами, вынуждая людей вырубать собственные сады, резать домашний скот, дабы не попасть под всяческие имущественные и личные репрессии. А факты перепродажи имущества вовсе квалифицировались как уголовное преступление в форме спекуляции.

В современном белорусском (*авт. ред.*) обществе с конца 1990 г. вновь легализовано понятие права частной собственности. Возникает вопрос о том, соответствует ли современное законодательное определение права частной собственности в Беларуси научному его пониманию с точки зрения отражения в нем общего.

Во-первых, надо отметить, что определения, в смысле специальной дефиниции права частной собственности, в ГК Беларуси нет. Такое определение может вытекать из системы гражданско-правовых норм, а также из доктринальных определений. Система гражданско-правовых норм, регулирующих право частной собственности, позволяет сделать следующие выводы. Современное понятие права частной собственности иное, чем понятие права личной собственности в советский период. Современное понятие права частной собственности в законодательстве допускает получение дохода от использования этой собственности. Кроме того, другой особенностью права частной собственности является то, что доход от такой собственности может получаться путем использования (эксплуатации) наемного труда, а также эксплуатации чужой собственности, т.е. собственности государства и иных частных лиц (разумеется, на законных основаниях). Являются ли указанные признаки и особенности права частной собственности сущностными, способны ли они принципиально ее отграничить от понятия права личной собственности.

Представляется, что с понятийной точки зрения здесь различий нет. Дело в том, что признаки допустимости получения дохода и использования чужого труда и имущества внешние для частной собственности, а

не имманентно ей присущие внутренние признаки. Не надо было менять термины «личная» на «частная» для того, чтобы только допустить указанные возможности для «частной собственности». Достаточно было лишь дополнить законодательство соответствующими дозволениями получать доход и эксплуатировать чужое. По существу современная «частная» собственность есть личная собственность, поскольку она всецело ориентирована на личное потребление. Даже при производственном использовании частной собственности потребление результатов такого использования осуществляется сугубо самим собственником и в его интересах. Иные интересы, интересы общества, государства, интересы наемных работников законодательно в рамках существующего в Беларуси понятия «частной» собственности не учтены. Обязанность уплаты налогов это не форма и не способ использования частной собственности. Это плата государству и обществу за личное потребление своей «частной» собственности. Тем более, что государство дозволяет заработную плату наемных работников и плату за законное использование чужого имущества включить в расходы, которые налогом не облагаются. При таком капитализме частный собственник, эксплуатирующий чужой труд и имущество, может и не иметь так называемой прибыли. Достаточно принять себя же на работу в свое частное предприятие и получать сверхвысокую зарплату. При этом не надо будет вовсе делиться с государством путем уплаты ему налогов. Такая собственность есть сугубо личная и не носит обобщенного, сколько-нибудь социально-значимого характера. И выступать против понятия личной собственности нельзя. Она, как и ранее, имеет право на существование. Нельзя претендовать на чьи-либо личные права, в том числе и имущественного содержания. Вопрос, как уже сказано, в другом.

Он носит понятийную нагрузку. А именно, можно ли считать и при каких обстоятельствах личную собственность частной, т.е. принципиально другой, не личной. Для этого в ее понятие нужно ввести типовой и сущностный признак права частной собственности.

Понятие частной собственности, принципиально отличающееся по внутренней своей природе от права личной собственности, может иметь различные признаки. Поскольку частная собственность предназначается не только для личного потребления, но и для участия в процессе общественного производства, то в этом может содержаться ее общественная сущность, если такое участие в производстве носит взаимообусловленный характер, обеспечивающий личные и общественные интересы. Такая собственность не должна и не может способствовать удовлетворению односторонних интересов ее собственника. Одним из признаков явления и права, имеющего общественный характер,

может быть то, что данное явление выполняет некую социальную функцию. По этому поводу философский позитивизм XIX в. в лице О. Конта и Дюркгейма стал идеологической основой нового понимания гражданского права французским профессором Леоном Дюги. Он писал, что человек не имеет более прав, коллектив их также не имеет. Всякий индивид должен выполнять в обществе какую-либо функцию, обязанность, удовлетворяющую какую-либо нужду [15, с. 18, 33, 110].

Не абсолютизируя эту крайность в ограничении прав личности, зарубежное законодательство включает в понятие частной собственности признак ее социального функционализма. Формально юридически это выражается в закреплении в ст. 14 Конституции ФРГ, Гражданском кодексе Японии и законодательстве других стран того положения, что частная собственность должна служить общим интересам. На этом акцентируется внимание в законодательстве множества стран, особенно принимаемого после Второй мировой войны [7, с. 10–13]. Признак служения частной собственности общим интересам как раз и подчеркивает ее общую социальную, а не только личную значимость и ценность. То, каким образом такое понятие частной собственности должно выражаться в специальном законодательстве, решается по-разному. Следует отметить, что при опросе сами немцы не вполне понимают значение такого определения права частной собственности. В их сознании остается неизблемым представление о традиционной буржуазной декларации священности и неприкосновенности частной собственности. Конституция Республики Беларусь по этому поводу тоже содержит некоторые ориентиры. Согласно ч. 2 ст. 21 Конституции каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. Представляется, что эта норма распространяется и на наемных работников, которые вправе иметь достаточное питание, одежду, жилье, соответствующие современным представлениям об этих вещах, применительно к местности, времени и другим обстоятельствам действительности. Но данная Конституция, в частности, ее ст. 59, и правовая ментальность населения ориентированы на то, что соответствующие условия для реализации указанной ч. 2 ст. 21 лежат на государстве, его органах и должностных лицах. Ориентации частной собственности на социальный функционализм Конституция не дает. Нормы ч. 4 ст. 4 Конституции и абз. 3 ч. 2 ст. 2 ГК о социальной направленности регулирования экономической деятельности обязывают опять же государство реализовать соответствующую социальную функцию. И если государство не направляет к этому частную собственность, то она якобы свободна от социальной ориентации. Социаль-

ный функционализм ей внутренне якобы и не присущ. Понятие частной собственности и культурные ценности частных собственников не ориентированы на социальный функционализм даже декларативно. Понятие частной собственности будет содержать указанный признак социального функционализма, если соответствующая дефиниция будет закреплена в Конституции или хотя бы в ГК Беларуси. Такое понятие будет иметь не только научное, но и практическое значение, являющееся социально детерминированным. Разумеется, что такого рода перестройка законодательства, а тем более ментальности населения потребует рождения и воспитания новых поколений.

Юридические понятия отражают многофункциональные юридические явления, поэтому и сами юридические понятия многофункциональные. Так, договоры выполняют самые различные функции в гражданском обороте. Во-первых, договор – это правовая форма общественных отношений. Данная форма отражает юридическое содержание экономических отношений в промышленности, агропромышленном комплексе, финансовой сфере, культуре и других сферах общественных отношений. Во-вторых, договор является способом самоорганизации указанных экономических отношений. В-третьих, договор – это средство в механизме правового регулирования общественных отношений. Поэтому возможно многообразие дефиниций юридических понятий, отражающих одно и то же явление, но под различным углом зрения, с точки зрения различных критериев, имеющих социально-юридическую значимость.

Юридические понятия дают знания о праве как явлении, его формах, системе, действующем правовом режиме в обществе и др.

Прежде всего, юридические понятия дают знания, информацию о праве и законодательстве, его содержании, практике применения. Познание, усвоение права производится путем толкования его норм и понятий.

Знания о праве носят не только информационный, но и организующий характер. Так, общее понятие права как явления, как целого носит концептуальный характер. Имея характер определенного алгоритма, такое широкое понятие формирует, по принципу обратной связи, национальное право страны, либо право группы союзных стран. А вот примеры того, что на международном уровне имеется множество международных договоров (соглашений, конвенций), участницами которых является ограниченное число стран, нет таких международных договоров, участницами которых были бы все страны мира, говорит о том, что на глобальном международном уровне международное право представляет собой беспорядочно организованную систему. Понятий-

ный аспект алгоритмов международного частного и публичного права практически отсутствует, а соответственно, не оказывает своего организующего влияния.

Концепт понятия и теории должен опираться не только на практическую и ценностную составляющие, но и соответствовать требованиям внутренней согласованности всех ее элементов, внутреннего совершенства [11, с. 33–35]. Понятие права, система представлений о нем должны отражать внутреннюю согласованность всех элементов понятия и системы права. В обстановке, когда законы внутренне не согласованы, их нормы противоречивы, как показано выше с Законом о нормативных правовых актах и других, тогда о совершенстве законов и права в целом, о понятийном подходе к правотворчеству и правоприменению говорить не приходится.

Значительную несогласованность в систему права вносит противоречие между декретами и указами, с одной стороны, кодексами и законами, – с другой. Так, согласно ч. 2 п. 2 ст. 3 ГК в случае расхождения декрета или указа с ГК или другим законом ГК или другой закон имеют верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом.

Поскольку прямого законодательного делегирования полномочий на издание декретов или указов с 1998 г., времени принятия ГК, не было, то можно предположить следующее. Под предоставлением указанных полномочий разумно понимать наличие диспозитивных норм ГК и других законов, которые предоставляют возможность специального законодательства компетентных органов и должностных лиц, в том числе в форме декретов или указов. В противном случае следует признать искусственный характер норм о делегировании права принятия декретов и указов, их нежизнеспособность. Но по этому вопросу имеется и другие толкования ученых, что только усугубляет понятийный подход к вопросу о соотношении указанных нормативных правовых актов. И, как следствие, это негативно сказывается на национальном праве, его формах и его системе.

Помимо информационной, познавательной и организационной функций юридические понятия выполняют регулятивную функцию. Данная функция вытекает из того объективного факта, что всякое право есть мера, масштаб, граница поведения. А понятия, выраженные в терминах или словосочетаниях, также представляют собой определенную границу расчлененного знания. На определенность сферы действия понятийного знания указал, по мнению современных ученых, еще Аристотель [13, с. 301]. Таким образом, юридические понятия всегда содержат определенные ограничения, хотя и ориентированы на пре-

доставление свобод. В таких ограничениях и выражается регулятивная роль права, его норм и понятий.

Право – это и явление, и система. Поэтому юридические понятия отражает юридические явления как факт (социальное явление), и как систему. С точки зрения своей феноменологии право рассматривается как форма социального регулирования (социальная регулятивная система), как отрасль права, как наука, учебная дисциплина, объективное право и субъективное право. А с точки зрения системного подхода выделяют такие понятия, как система права, система законодательства, система отрасли права, система принципов и институтов права и др.

Формами права будут право публичное и право частное. Каждая из этих двух форм права имеет свою систему и содержание.

Право может делиться на формы и по предметному критерию. В связи с этим выделяют отрасли права, такие, как гражданское, трудовое, семейное, земельное, административное, уголовное право и др. Каждая из этих отраслей также имеют свою систему и содержание. В рамках отраслей права тот же предметный критерий позволяет выделить вещное право, право интеллектуальной собственности, договорное право и др.

Правомерно так же выделять спортивное право, энергетическое, экологическое, хозяйственное, корпоративное право и другие формы права, основываясь на понимании комплексной, полимерной природы всякого предмета регулирования. При этом следует иметь в виду, что выделение вещного и обязательственного права в рамках отрасли гражданского права имеет более выраженную монистическую природу предметов указанных подсистем. Но и здесь нельзя в рамках динамики гражданского оборота абсолютно разделять вещное и обязательственное право. Не случайно в англо-саксонской системе права не выделяются формы (виды) правоотношений. Соответственно там нет оснований для абсолютизации деления права на вещное и обязательственное. Там даже нет строгого деления права на частное и публичное. Право и его элементы едины. В нормативных правовых актах Всемирной торговой организации (ГАТТ) вещные права тоже служат исключительно вспомогательную роль для обеспечения правового регулирования торговой деятельности. Германское гражданское право учитывает взаимосвязь вещных и обязательственных права, поскольку оно оперирует понятием вещных сделок.

Система права может рассматриваться как совокупность отраслей, подотраслей, институтов, субинститутов, норм и общеправовых понятий, регулирующих общественные отношения. В рамках этой системы существует подсистема (форма) гражданского права как одной из от-

раслей права. Она рассматривается как совокупность субинститутов, институтов, норм и понятий, регулирующих гражданские отношения. Здесь выражается институциональное определение юридических систем и подсистем.

В то же время юридическая система может рассматриваться и как совокупность отношений, регулируемых соответствующей отраслью права. Соответственно, подсистему (форму) гражданского права можно определить и как совокупность гражданских отношений, включая имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Эти отношения традиционно рассматриваются как предмет гражданского права.

В рамках гражданского права его система (институт) права собственности включает систему норм, регулирующих такие субинституты, как основания возникновения и прекращения права собственности, формы и виды права собственности, особенности их правового режима и др. Одновременно систему права собственности можно рассматривать и как систему отношений. К регулируемым правом собственности отношениям причисляются отношения общественного производства, обмена, потребления и распределения.

Таким образом, понятие системы (формы) права, его отраслей и институтов может быть различным и зависит от критерия, определяющего эту систему. На этой основе мы видим, что законодательное определение системы гражданского законодательства и права, данное в ч. 1 п. 1 ст. 1 ГК, носит сумбурный характер. Здесь смешаны два подхода к определению системы гражданского права. Один подход носит институциональный аспект. В первых словах ч. 1 п. 1 ст. 1 ГК говорится, что «гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности <...>». В данных фразах дается перечисление гражданско-правовых институтов, да и то в урезанном виде. После указанных слов ставится запятая и, продолжая предложение, законодатель указывает, что это законодательство «регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, договорные и иные обязательственные, а также другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения». Таким образом, во второй половине ч. 1 п. 1 ст. 1 ГК, заключенной в единое предложение, отражена система отношений, регулируемых гражданским законодательством и правом, но опять же не вся. В анализируемой норме ничего не говорится об объектах гражданских отношений, об институте и отношении-

ях, складывающихся в сделках, наследовании имущества и др. Понятие гражданского законодательства и права в ч. 1 п. 1 ст. 1 ГК нужно отразить более корректно с методологической точки зрения.

Юридические понятия и их формы расчленяются на свои составляющие и строятся по иерархичной системе с точки зрения соотношения рода и вида, а также подвида и иной составляющей более индивидуального характера. Соответственно, в рамках отрасли права существует иерархическое строение систем и подсистем ее подотраслей, институтов и понятий этой отрасли. Но любой из институтов права с точки зрения системного его аспекта может определяться по-разному. Поэтому различными и многообразными являются иерархические структуры юридических понятий. Например, реорганизация юридических лиц может рассматриваться как система норм и правовых понятий, обеспечивающих реализацию прав и обязанностей заинтересованных лиц в процессе изменения или прекращения правового статуса юридических лиц (институциональный подход). Одновременно реорганизация может рассматриваться как система правоотношений по изменению или прекращению правового статуса юридических лиц (предметный подход). Каждый из этих подходов образует свою иерархию юридических понятий в рамках соответствующего института, в данном случае реорганизация является составной частью гражданско-правового института юридического лица.

Показательным является иерархическое строение института оснований гражданских прав и обязанностей (юридических фактов). На вершине данной иерархии стоит общее, родовое понятие юридического факта как такого фактического жизненного обстоятельства, с которым законодательство связывает возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей [10, с. 457]. Далее общеправовое понятие юридического факта включает отраслевые его юридические формы с учетом деления права на отрасли административного, уголовного, гражданского права и др. В гражданском праве под юридическим фактом следует понимать такой жизненный факт, с которым законодательство, договор и принципы права связывают возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Таким образом, в отличие от общеправового понятия юридического факта в понятие гражданско-правового юридического факта добавляются такие существенные признаки, как зависимость прав и обязанностей от договора и принципов права, а не только от законодательства. При этом следует учитывать, что данное дополнение может касаться и иных частных отраслей права. Что же касается отечественного уголовного права, то, по общему правилу, договору и принципам права не придается регуля-

тивной силы. Хотя исторически в древности уголовное и гражданское право не разграничивались, уголовные правоотношения длительное время сохраняли договорную природу. В условиях последующей дифференциации права на определенные его отраслевые формы, сохранялись и сохраняются ныне его общие признаки, свойства и отношения. Например, за отдельные виды преступлений в уголовном праве можно откупиться, уплатив определенную, установленную законом денежную сумму (штраф), равно как и при возмещении вреда в гражданском праве. Либо, согласно законодательству некоторых стран, наказания за уголовные правонарушения назначаются по соглашению между стороной обвинения и стороной защиты.

Такое соглашение тождественно гражданско-правовому договору, отступному, прощению долга, а также гражданскому процессуальному институту мирового соглашения и др.

Возвращаясь к рассматриваемой иерархии системы юридических фактов в гражданском праве, необходимо выделить такие понятия юридических фактов, как действия и события, как наиболее общие и, вместе с тем, разнородные гражданско-правовые юридические факты (п. 1 ст. 7 ГК). Затем в числе действий отмечается такая наиболее распространенная и значимая их форма, как сделки, которые размещаются на более низкой ступени этой иерархии. А в другом ответвлении рассматриваемой иерархии юридических фактов идет такая их форма, как события. Причем понятие события как юридического факта в гражданском праве тождественно общеправовому понятию юридического факта. Гражданско-правовое значение имеют только такие события, которые установлены законодательством (подп. 9 п. 1 ст. 7 ГК). К таким событиям относятся обстоятельства непреодолимой силы, иные обстоятельства, не зависящие от воли тех лиц, в отношении которых они оказывают правовое воздействие.

В рамках действий выделяются свои правовые формы и их понятия. Действия, имеющие юридическое значение, представляют собой относительно самостоятельную и разветвленную систему. Но мы продолжим рассмотрение иерархии понятий юридических фактов в рамках таких действий, как сделки. В составе сделок на более низкой ступени понятий юридических фактов стоят следующие их формы: сделки действительные и сделки недействительные; односторонние сделки и сделки-договоры и др.

В составе субинститута недействительных сделок выделяются свои формы, субинституты ничтожных и оспоримых сделок.

Из числа двусторонних сделок формируется институт договорного права. Он включает субинституты, нормы и понятия этого права. Суб-

институтами (формами) договорного права являются типы и виды (формы) договоров.

Договоры как юридические факты имеют свое иерархичное строение. Среди договоров родового характера выделяются такие их правовые формы, как договор купли-продажи, договор подряда, договор найма имущества и др. По сложившейся традиции их в настоящее время называют типами договоров. Тип договора купли-продажи включает такие его виды (формы), как договор розничной купли-продажи, договор поставки, договор контрактации и др. В свою очередь, договор розничной купли-продажи подразделяется на такие подвиды (правовые формы), как общий договор розничной купли-продажи, купля-продажа в кредит, купля-продажа по почте и др.

Такое расчленение юридических явлений и понятий может углубляться и далее до бесконечности. Известно, что нормы права, как составная часть любого института права, содержат в себе в единстве дозволения, запреты и предписания. Такое единство дозволений, запретов и предписаний усматривается не только в норме как системе, но и в составе ее частей (элементов), как-то гипотезе, диспозиции и санкции. Поэтому правовые понятия могут продолжать делиться вглубь по иерархии на основе характера сочетания в них дозволений, запретов и предписаний. Всякое право и обязанность расщепляются и выступают в своих различных проявлениях. Преобладание дозволения, запрета или предписание зависит от конкретных обстоятельств реализации соответствующих прав и обязанностей, правового статуса субъектов этих прав и обязанностей, правового режима объектов соответствующих правоотношений, состояния применимого законодательства и практики его применения, времени и места применения законодательства и многих других обстоятельств [7, с. 128–154]. Такое решение проблемы структуры юридических понятий стало возможным благодаря идее практического моделирования понятий, без которого чувственное познание не достаточно [8, с. 294].

Определяя юридические понятия, следует выделять в этих понятиях различные аспекты познаваемых правовых явлений. Так, понятие правоотношения имеет структурный, функциональный, институциональный и иные аспекты. При этом, будучи конкретно-общими и синтетическими понятиями, юридические понятия в современном правоведении отражают многовариантную форму, структуру и содержание. Принцип инвариантности и симметрии – важнейший при формировании научных знаний и понятий [11, с. 41]. Симметричность правовых понятий выражается, в частности, в связке понятий прав и обязанностей. При этом речь не идет о корреспондирующей связи прав и обя-

занностей, характерной частному и в особенности гражданскому праву. Симметричность предполагает возможность рассматривать всякое право и как обязанность, равно и наоборот. Так, субъекты торговой деятельности имеют общее право продавать товары согласно номенклатуре продаваемых ими товаров. Но эти же лица, являясь субъектами публичных договоров купли-продажи, обязаны продавать товары согласно предписанной им номенклатуре товаров всем гражданам. Таким образом, их право торговать одновременно есть и симметричная обязанность торговать.

С методологической точки зрения всегда следует видеть симметричное расчленение всякого права и обязанности на свои составляющие. Причем, как уже сказано, право может содержать в себе и запрет на его реализацию. Так, общее право продать вещь имеет и симметричную обязанность не продавать вещь, например, нельзя продавать оружие несовершеннолетним гражданам, а также совершеннолетним гражданам, не имеющим на то специального разрешения.

С точки зрения структурного аспекта понятие правоотношения включает субъектов, объекты и содержание правоотношения. Эту структуру мы выделяем в понятии сделки как правоотношения, договора, вещных прав и других гражданских правоотношений. Но структура правоотношения может рассматриваться и иначе. Так, частное, например, гражданское правоотношение всегда связано с публичным или иным частным правоотношением. Деление права на частное и публичное, а также на отрасли права явилось следствием углубления абстрактности правового мышления, а не естественного деления общественных отношений и правоотношений по отраслям. Поэтому объективно все правоотношения неразрывны. Но прямая правовая связь множества частных и публичных лиц должна быть закреплена законодательством либо вытекать из принципов права и существа правоотношений. Тогда юридическая договорная связь субъектов данного договора-правоотношения будет связана с другими частными и публичными правоотношениями. Наиболее характерным примером юридически закреплённой связи нескольких правоотношений являются правоотношения в области предпринимательской деятельности, вещные и иные правоотношения, которыми затрагиваются права и законные интересы граждан-потребителей, жильцов многоквартирных жилых домов и иных лиц. Так, поставка товаров в розничную торговую сеть всегда затрагивает права и законные интересы розничных покупателей. Ремонт одной квартиры в многоквартирном доме затрагивает права и законные интересы соседей. В этой связке правоотношений выделяется основное, доминирующее правоотношение, возникновение которого порождает

связь с другими правоотношениями. Связанные с ним правоотношения можно назвать производными, смежными правоотношениями. Такая модель связи (структуры) правоотношений названа юридическим континуумом [17, с. 13, 19]. Смежные правоотношения в юридическом континууме могут быть связаны с другими правоотношениями. Такие смежные правоотношения могут трансформироваться в основные, когда, например, возникает вопрос о защите прав субъектов смежного правоотношения от неправомерных действий или бездействий субъектов основного правоотношения. Примыкающие к такому новому основному правоотношению иные смежные правоотношения образуют новый уровень структуры правоотношений. Структуры правоотношений могут оказаться взаимосвязанными в бесконечную цепочку правоотношений по вертикали и горизонтали, поскольку они отражают родовой и видовой характер правоотношений в общей структуре.

Сочетание нескольких правоотношений образует одну форму их структурного строения. А вторую форму их структуры составляет указанное выделение в составе правоотношений их субъектов, объектов и содержания. При этом все формы структуры правоотношений взаимосвязаны и дополняют одна другую.

Следует учитывать, что с функциональной и институциональной точек зрения юридические понятия различаются. Но функциональный, институциональный и иной правовой аспект юридических понятий взаимно связаны. Так, различными будут понятия сделки, договора или вещных прав с точки зрения их функционального и институционального аспектов.

Вещные права с функциональной правовой точки зрения определяют особенности правовой связи субъектов вещных правоотношений по поводу имущества. Общей социально-правовой функцией права собственности является предоставление собственнику наиболее полного объема правомочий в отношении имущества. При этом предполагается, что собственник благодаря своему праву собственности приобретает возможность непосредственного воздействия на вещь для удовлетворения своих потребностей.

Вместе с тем, исторически объем и социальный характер правомочий собственника, т.е. функциональное назначение права собственности, менялось. Так, в период становления универсального права собственности в процессе буржуазных революций правомочия собственника включали наиболее широкий объем правомочий собственника. Собственник тогда не считался связанным интересами общества и третьих лиц. Но, как показано выше, с течением времени современное понятие права частной собственности предполагает ее социальное обременение

обязанностью служения этой собственности общим интересам. Современное общество уже не намерено охранять частную собственность, которая служит сугубо для целей удовлетворения потребностей собственника. Таким образом, функциональный аспект понятия права собственности изменился за последние двести лет.

Надо отметить, что само понятие функционализма отличается многообразием. Помимо функций, рассматриваемых с точки зрения и интересов собственника и общества, следует учитывать функцию права собственности, которая является основой наполнения содержания правоотношения собственности. В этой связи своеобразное функциональное содержание со своим набором прав и обязанностей будет складываться между субъектами права собственности и неопределенным числом третьих лиц в рамках абсолютного правоотношения. Обязанности третьих лиц перед собственником здесь носят пассивный характер. Третьи лица в таких правоотношениях обязаны воздерживаться от вредоносных действий в отношении имущества собственника. Иное функциональное наполнение содержания правоотношения собственника с учрежденным им юридическим лицом, которому передано имущество на праве хозяйственного ведения или на праве оперативного управления. В таком правоотношении юридическое лицо, учрежденное собственником, обязано к совершению ряда активных действий в отношении собственника. Оно обязано обеспечивать сохранность и приумножать имущество, переданное ему собственником, приносить собственнику доход.

Соответствующие вещные правоотношения образуют свою юридическую форму и понятие. Иными словами, они формируют вещно-правовые институты. Данные институты называются правом собственности, правом хозяйственного ведения, правом оперативного управления и др. Придание юридическим явлениям институционального характера необходимо. Благодаря этому юридические нормы и понятия группируются и систематизируются в составе соответствующего института, чего нельзя сделать должным образом, оперируя только функциональным аспектом права собственности.

Институты вещного права оказывают обратное воздействие на вещные правоотношения и формируют различные правовые режимы имущества у лиц, наделенных соответствующими правами и обязанностями. Так, один правовой режим имущества у юридического лица собственника, другой правовой режим имущества у юридического лица, владеющего имуществом на праве хозяйственного ведения, третий правовой режим у имущества субъекта права оперативного управления. Понятие правового режима отражает совокупность правомочий

субъекта этого права с учетом функционального назначения данного института. Поэтому понятие вещных прав может иметь различные определения, дефиниции в зависимости от отражаемых в них аспектов.

Помимо изложенной функции, вещные права выполняют и иные функции. Так, вещные права включают права и обязанностей обладателей (субъектов) вещных прав в статике гражданского оборота, т.е. в период, когда это имущество не используется в товарно-денежных обменных правоотношениях, находится в личном владении и пользовании. А вот основной функцией договорных и иных обязательственных имущественных отношений является определение прав и обязанностей его субъектов в процессе динамики гражданского оборота, в том числе при производственном использовании имущества, при его обмене и иных товарно-денежных отношениях эквивалентного и взаимного характера.

С функциональной правовой точки зрения понятие договора отражает, прежде всего, правовую форму общественного отношения. Она призвана конкретизировать юридическое содержание этого общественного отношения. В процессе конкретизации юридических форм договора формируются его разновидности. В гражданском праве эти разновидности форм договора подразделяются, как уже сказано выше, на типы, виды и подвиды договоров. Но, не смотря на процесс все более глубокой специализации при формировании новых договоров, их юридической индивидуализации, их формы и содержание всегда носят универсальный, общий характер. Благодаря этому возможно дальнейшее углубление специализации и индивидуализации договоров в рамках их подвида, расширение понятийного аппарата договорного права.

Своя диалектика формирования понятия содержания юридических понятий. Так, понятие содержания договора включает совокупность его условий (пунктов), на которых договор заключается. Соответственно условия подразделяются на существенные, обычные и случайные. И в этом различие понятия содержания договора как правоотношения и понятия содержания договора как правовой формы общественного отношения. Выше было показано, что содержание понятия договора как правоотношения включает совокупность прав и обязанностей участников договора. Совершенно очевидно, что понятия условий договора и понятия прав и обязанностей по договору нельзя смешивать. Каждое из указанных понятий содержания договора выполняет в договорном праве свою функцию. Понятие условий договора, в особенности существенных условий, предназначено для определения того, можно ли считать договор заключенным или нет. А понятие прав и обязанностей по договору служит целям определения объема и характера пра-

вомочий и взаимных притязаний сторон в рамках их договора. При этом договор, признанный незаключенным в связи с отсутствием в нем существенных условий, не порождает никаких прав и обязанностей. А заключенный договор сохраняет права и обязанности даже за пределами срока его действия.

Понятие договора есть самостоятельный объект познания и применения. Соответственно, содержанием понятия договора будет совокупность признаков, присущих всем договорам. К таким признакам относится, во-первых, то, что договор – это соглашение двух и более лиц. Во-вторых, признаками (содержанием) понятия договора являются признаки сделки. Поэтому содержание юридических явлений и содержание их понятий различаются.

Форма и содержание юридических понятий взаимно связаны. При этом сами понятия формы и содержания, имеющие наиболее общий, категориальный характер, требуют своих определений, дефиниций. В философской литературе под содержанием и формой понимается такое их единство, в рамках которого содержание является определяющей стороной всякого познаваемого объекта (целого), отражающей единство всех составных элементов этого объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций. А форма есть способ существования и выражения содержания. Содержание представляет подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему его устойчивых связей. Развитие содержание влечет изменения формы.

В этой связи право, как целое, имеет своим содержанием нормы поведения, а не правила, как записано в Законе о нормативных правовых актах [10, с. 278–279]. Формы права могут выражаться в разновидностях норм и регулируемых ими общественных отношений. Поэтому выделяются, во-первых, право частное и право публичное. Предполагается, что публичное право имеет своим содержанием нормы, регулирующие публичные отношения и интересы, в которых связаны общество в лице государства и личность. А частное право имеет своим содержанием нормы, регулирующие частные отношения и интересы между равноправными, а также имущественно и лично обособленными лицами. При этом в рамках частных отношений не должны ущемляться публичные интересы, а также интересы третьих частных лиц. Равно и, наоборот, в публичных отношениях не должны ущемляться права и законные интересы частных лиц. Таким образом, особенности содержания публичного и частного права указывают на определенную их обособленность и самостоятельность. Однако полностью разорвать или абсолютизировать самостоятельность публичного и частного пра-

ва нельзя. Поэтому применяется еще один, более дифференцированный подход к определению форм права. Речь идет о выделении в составе права его отдельных отраслей как специфических форм. При таком подходе к формообразованию права удается более глубоко произвести размежевание частных и публичных отношений и интересов при одновременном определении более конкретной степени согласованности частных и публичных интересов. Поэтому нельзя говорить о том, что такое понимание форм права не корректно. Дело в том, что понятие права выступает не только как абстрактное родовое понятие относительно указанных его форм. Само право есть одна из конкретных форм в системе социального регулирования общественных отношений. Наряду с правом к таким формам социального регулирования относятся мораль, религия, культура, техника, экономика и др.

Еще одной из важнейших особенностей юридических понятий является то, что они отражают не только знания о действительных юридических явлениях, но и о не существующих, а также не действительных юридических явлениях. К числу понятий, отражающих не существующие юридические явления, следует отнести юридические фикции. Примером юридической фикции является объявление гражданина умершим по правилам ст. 41 ГК, хотя впоследствии гражданин может объявиться и будут приняты юридические меры к охране и восстановлению его прав, за исключением некоторых, которые в связи с истечением времени и по некоторым личным обстоятельствам фактически невозможно восстановить (ст. 42 ГК). К юридическим фикциям следует относить и такие условности, которые не имеют никакого действительного проявления, существуют сугубо формально. Например, фикцией является то, что к животным применяются нормы о вещах (ст. 137 ГК), хотя животные являются достаточно разумными существами, что никак не относится к вещам.

Юридические фикции как пример легализованного отражения в правовых терминах не действительного, реально не существующего следует отличать от иных примеров применения в юриспруденции не действительного, более того, волюнтаристского характера. Примером тому является волюнтаристское законодательство и вся применяемая им система терминов и понятий. Это характерно для таких форм государственного правления, как олигархия, охлократия, диктатура и т.п.

Легализованные законодательством или иным правомерным способом внедряемыми в юриспруденцию юридические понятия могут отражать не точно установленные факты действительности, а предположении о вероятности их наличия. Такие юридические понятия именуются презумпциями. Презумпции также используются как регуляторы

общественных отношений, направленные на установление объективной истины. На основе презумпции принимается соответствующее административное или судебное решение. Презумпция – это законодательно установленное утверждение о наличии определенных юридических актов без использования доказательств их реальности.

Презумпция есть лишь одна из форм юридических регуляторов, являющаяся гипотезой существующего положения дел. По своей юридической сущности презумпция занимает промежуточное положение между конкретно-определенными юридическими понятиями, с одной стороны, и фикциями – с другой. Обычной презумпцией гражданского права является предположение, что лицо, нарушившее гражданское обязательство, является виновным в данном нарушении. Поэтому лица, чьи права и законные интересы нарушены должниками по обязательству, не должны доказывать вину нарушителя. Она предполагается как данность. Согласно п. 2 ст. 372 ГК Беларуси отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим гражданское обязательство. Оно может воспользоваться этим правом либо признать достоверность факта своей вины.

В уголовном праве Беларуси, наоборот, действует абсолютная презумпция невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления. Сторона обвинения, прокурор должен доказать в суде наличие вины такого лица, иначе оно подлежит полной реабилитации. Такая законодательная абсолютизация не воспринимается множеством развитых стран. Например, согласно антитрестовскому законодательству США при совершении противоправных действий корпорацией ее должностные лица предполагаются виновными, если не докажут обратного.

С точки зрения общенаучной методологии понятия могут быть как истинными, так и ложными [1, с. 22]. Но абсолютизация ложности или истинности научных понятий не допустима. Любые правила имеют свои исключения. Это есть и общеметодологическая истина [14, с. 378], а также принцип профессионального правового мышления и регулирования общественных отношений. По этому поводу англичанам приписывается поговорка, что «плох тот закон, который не нарушается». Речь в данном случае идет не о банальном нарушении закона, а о том, что законы и правовые понятия должны иметь исключения из своего определения (правила). Каждая юридическая мировоззренческая установка, теория или юридическое понятие должны предполагать возможность разовых исключений из этих определений, понятий.

Юридические понятия отражают юридические явления антиподы, как, например, понятия «права» и «не права», права и обязанности, должника и кредитора, преступника и потерпевшего, действительной и недействительной сделки и т.п. Такие юридические понятия несут зна-

ния, отрицающие действительность юридического явления. Однако, как утверждает современная физика, одна вещь в одно и то же время существует и не существует. Она в одно и то же время проявляет себя в различных свойствах, проявлениях. Выше было показано, что юридические понятия также проявляют себя по-разному в одно и то же время. Они могут выделять различные аспекты юридических явлений, включая функциональные, институциональные и др. При этом юридические понятия антиподы не исключают одно другого. Они имеют определенное юридическое значение, влекущее правовые и фактические последствия. Некоторые авторы утверждают, что понятие недействительной сделки вовсе не уместно по самому факту ее не существования. Однако это не так. Недействительные сделки тоже являются элементами юридической действительности.

Так, согласно первому предложению п. 1 ст. 168 ГК, недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью. Связанные с недействительностью сделки последствия выражаются в необходимости восстановления прежнего состояния субъектов такой сделки и иных действиях. Согласно п. 2 ст. 168 ГК при недействительности сделки каждая сторона должна возвратить другой все полученное по сделке, а при невозможности исполнения этого требования в натуре возместить его стоимость. Такие последствия называются двусторонней реституцией и действуют как общее правило. Исключением их этого правила является то, что, согласно ч. 2 ст. 170 ГК, при признании недействительной сделки, которая прямо запрещена законодательством, совершенной по умыслу обеих сторон, например, обмен национальной валюты на иностранную вне установленного порядка, влечет обращение полученного обеими сторонами сделки в доход государства (недопущение реституции). Кроме того, согласно ч. 3 ст. 170 ГК, при наличии умысла у одной стороны она возвращает все полученное другой стороне, а все полученное или причитающееся другой стороне взыскивается в доход государства (односторонняя реституция). Это только один из аспектов фактической и юридической действительности последствий, порожденных фактом недействительности сделки. Юридическая и фактическая реальность последствий недействительной сделки выражается и в нормах о неосновательном обогащении, которые применяются при признании сделки недействительной (ст. 972 ГК). Есть и другие факты, указывающие на фактическую и юридическую действительность недействительных сделок.

Некоторые юридические понятия антиподы, как понятие недействительной сделки, могут признаваться частично действительными (ст.

181 ГК). Либо они могут признаваться временно действительными до момента, служащего основой прекращения этой действительности. По общему правилу, установленному тем же первым предложением п. 1 ст. 168 ГК моментом недействительности сделки, по общему правилу, является момент ее совершения. Вторым предложением п. 1 ст. 168 ГК установлено, что если из содержания сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время. Таким образом, сделка юридически сохраняет действительность до установления такого момента будущего времени.

Не оспаривая юридическую значимость закрепленного в анализируемой норме, следует отметить, что редакция ст. 168 ГК неудачна. Во-первых, в одном первом предложении соединены два различных понятийных аспекта недействительности сделок. В первой части этого предложения речь идет о характере юридических последствий недействительности сделок. Виды таких последствий определены в других нормах, в частности, в п. 2 ст. 168 и ч. 2 и ч. 3 ст. 170 ГК. Включение в первое предложение п. 1 ст. 168 ГК временного аспекта недействительности сделок во второй части этого предложения, носит хаотичный характер, поскольку этот аспект отражается во втором предложении п. 1 ст. 168 ГК. Причем наличие в первом предложении п. 1 ст. 168 ГК обоих аспектов не носит характера перечисления. Получается, что второй, временной аспект дополняет первый аспект содержательного определения последствий недействительности сделки. Поэтому временной аспект недействительности сделки следует из первого предложения вынести. В аналогичной ст. 167 ГК России временной аспект частично вынесен в самостоятельный п. 3 этой статьи. Но для понятийного подхода к регулированию рассматриваемых отношений этого не достаточно исходя из следующего.

Второе предложение п. 1 ст. 168 ГК Беларуси (п. 3 ст. 167 ГК России) содержит понятие «прекращения» сделки, которое никак в ГК не определено. В этой связи возникает вопрос о его соотношения с другими аналогичными понятиями, используемыми в ГК.

Используемое в ст. 168 ГК Беларуси (ст. 167 ГК России) понятие прекращения действия сделки не применяется в качестве общего последствия ее недействительности, на что ориентирована ст. 168 ГК Беларуси (ст. 167 ГК России). Общие последствия недействительности сделки, как показано, выражаются в реституции или ее недопущении. Понятие «прекращения» сделки не может применяться по правилам главы 26 ГК «Прекращение обязательств», поскольку этому препятствует ряд обстоятельств. Дело в том, что сделки признаются недействи-

тельными только по основаниям, предусмотренным законодательными актами, последствия недействительности тоже устанавливаются только законодательными актами. Эти нормы императивные, изменению субъектами сделок не подлежат (п. 1 ст. 167 ГК Беларуси). А прекращение обязательств возможно по основаниям, установленным иными актами законодательства, а также по соглашению субъектов договорных обязательств (п. 1 ст. 378 ГК Беларуси). Принципиально важным различием применения понятий недействительности сделок и прекращения обязательств является то, что они влекут различные последствия. При прекращении обязательств реституция (недопущение реституции), по общему правилу, не применяется. Поэтому временной аспект (вторая часть первого предложения п. 1 ст. 168 ГК Беларуси и второе предложение п. 1 ст. 168 ГК Беларуси) следует выделить в отдельную статью как особый случай положений о последствиях недействительности сделок.

Поскольку прекращение действия сделки на будущее следует рассматривать как особый случай признания сделок недействительными, то следует вывод, что до определенного момента, с которого прекращается действие сделки, она будет иметь значение действительной сделки. При этом речь должна вестись об оспоримых сделках, предполагая, что ничтожные сделки всегда недействительны с момента их совершения. Однако ст. 168 ГК Беларуси (ст. 167 ГК России) таких утверждений не делает. Это доктринальные выводы [16, с. 424–427]. Таким образом, отдельные недействительные сделки из числа оспоримых в силу ГК признаются действительными и устанавливают права и обязанности до определенного момента в будущем. Проще говоря, недействительная оспоримая сделка определенное время считается действительной и по закону, и по существу.

А если субъекты сделок или иные лица не ставят вопрос о признании оспоримой сделки недействительной, либо о последствиях совершения ничтожной сделки, то фактически права и обязанности по таким сделкам исполняются. Это самым непосредственным образом определяет правовую ситуацию в обществе. А значит, отказ от реализации своих прав по оспариванию недействительных сделок легализует действительность недействительного в праве. Таким образом, недействительная сделка одновременно может быть и действительной. А действительная сделка, оспоримая, одновременно несет в себе основания для признания ее недействительной. Понятие действительной сделки и его антипод – понятие недействительной сделки есть лишь различные юридические формы, юридические способы существования правовой реальности.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие общие выводы. Юридические понятия, с методологической точки зрения, являются основой формирования права, его формы, системы и содержания. Выступая внешне как абстракции, воспринимаемые как мотив действия, они выполняют организующую, системоформирующую и регулирующую функции в процессе осуществления прав, в особенности в рамках правоприменения. Однако в современной системе источников права понятия используются крайне редко. А имеющиеся попытки их использования зачастую влекут недоразумения.

С понятийной точки зрения право и его нормы, построенные на юридических понятиях, относятся к числу динамичных, постоянно развивающихся и изменяющихся явлений. Причем они могут одновременно отражать различные аспекты, состояния юридических явлений. Всякое юридическое понятие отражает одновременно общие и специальные признаки юридических явлений. Поэтому никогда не допустима абсолютизация каких-либо аспектов юридических понятий.

Юридические понятия могут использоваться субъектами правоотношений каждый раз индивидуально, независимо от того, что всякое понятие есть одновременно и конкретное (индивидуальное), и универсальное, общее представление о правовой действительности, правовых явлениях, институтах и учреждениях. На этой основе можно утверждать, что право по своей сущности есть явление оценочное, определяемое не только государством, но и гражданами, а также иными субъектами правоотношений. Принципы права, как особый институт оценочного характера есть только вершина того оценочного айсберга, который называется правом.

Список использованных источников

1. Манеев, А.К. Понятие – вид мысли и средство научного обобщения (понятие и суждение, понятие и слово, структура понятия) // В кн. : Диалектическая концепция понятия / М.К.Буслова, П.А.Водопьянов, В.А.Героищенко и др. ; ред. А.П.Шептулин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

2. Манеев, А.К. Аналитическая и синтетическая общность понятий как форм научного обобщения их связь с законами соотношения содержания и объема понятий // В кн. : Диалектическая концепция понятия / М.К.Буслова, П.А.Водопьянов, В.А.Героищенко и др. ; ред. А.П.Шептулин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

3. Зеленков, А.И. Диалектика традиций и новаций в развитии научных понятий // В кн. : Диалектическая концепция понятия / М.К.Буслова, П.А.Водопьянов, В.А.Героищенко и др. ; ред. А.П.Шептулин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

4. Царенков, В.А. Качественное многообразие условий развития научных понятий и проблема их типологии // В кн. : Диалектическая концепция понятия / М.К.Буслова, П.А.Водопьянов, В.А.Героищенко и др. ; ред. А.П.Шептулин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

5. Витушко, В.А. Цивилизационное право : монография / В.А.Витушко. – Минск :

БИП-С Плюс. – 2011 – 224 с.

6. Героименко, В.А. Внутренняя организация понятия и структура объекта // В кн. : Диалектическая концепция понятия / М.К.Буслова, П.А.Водопьянов, В.А.Героименко и др. ; ред. А.П.Шептулин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

7. Витушко, В.А. Гражданско-правовое регулирование рынка / В.А.Витушко. – Минск : БГЭУ, 1996. – 176 с.

8. Лукашевич, В.К. Диалектика становления общенаучного понятия модели // В кн. : Диалектическая концепция понятия / М.К.Буслова, П.А.Водопьянов, В.А.Героименко и др. ; ред. А.П.Шептулин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

9. Готт, В.С. Диалектика развития понятийной формы мышления : монография / В.С.Готт, Ф.М.Землянский. – М. : Высш. школа, 1981. – 319 с.

10. Вишневецкий, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф.Вишневецкий, Н.А.Горбатов, В.А.Кучинский ; под общ. ред. В.А.Кучинского. – Минск : Амалфея, 2002. – 656 с.

11. Степин, В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска / В.С.Степин // В кн. : Идеалы и нормы научного исследования / науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники, Сов. нац. об-ние истории и философии естествознания и техники (Белорус. отд-ние), каф. Марксистско-ленинской философии гуманитар. фак. Белорус. гос. ун-та им. В.И. Ленина ; ред. кол. М.А.Ельяшевич и др. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 432 с.

12. Зеленков, А.И. Идеалы науки и ценностная природа познания / А.И.Зеленков // В кн. : Идеалы и нормы научного исследования / науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники, Сов. нац. об-ние истории и философии естествознания и техники (Белорус. отд-ние), каф. Марксистско-ленинской философии гуманитар. фак. Белорус. гос. ун-та им. В.И. Ленина ; ред. кол. М.А.Ельяшевич и др. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 432 с.

13. Попович, М.В. Логика в культурно-историческом контексте / М.В.Попович // В кн. : Идеалы и нормы научного исследования / науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники, Сов. нац. об-ние истории и философии естествознания и техники (Белорус. отд-ние), каф. Марксистско-ленинской философии гуманитар. фак. Белорус. гос. ун-та им. В.И. Ленина ; ред. кол. М.А.Ельяшевич и др. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 432 с.

14. Чудинов, Э.М. Строительные леса научной теории: проблема рациональности / Э.М.Чудинов // В кн. : Идеалы и нормы научного исследования / науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники, Сов. нац. об-ние истории и философии естествознания и техники (Белорус. отд-ние), каф. Марксистско-ленинской философии гуманитар. фак. Белорус. гос. ун-та им. В.И. Ленина ; ред. кол. М.А.Ельяшевич и др. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 432 с.

15. Дюги, Л. Общие преобразования гражданского права / Л.Дюги. – М., 1919.

16. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Т.Е. Абова [и др.] ; под ред. проф. Т.Е.Абовой и А.Ю.Кабалкина ; Ин-т государства и права РАН. – М. : Юрайт-Издат; Право и закон, 2002. – 880 с.

17. Витушко, В.А. Теория механизма правового регулирования экономических отношений : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук / В.А.Витушко. – Минск, 2001. – 42 с.

18. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2-х т. / Ф.Бэкон ; сост., общ. ред. и вступит. статья А.Л.Субботина. – М. : Мысль, 1971. – Т. 1. – 590 с.

ОСНОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI в.

Довнар Таусия Ивановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Аннотация: рассматриваются причины и основания систематизации законодательства в Великом княжестве Литовском, приведшие к созданию знаменитых европейских памятников права – Статутов 1529, 1566, 1588 гг.; говорится об их характерных чертах и важнейших положениях, отразивших новые прогрессивные тенденции в праве; подчеркивается, что в этих сводах законов нашла отражение отечественная прогрессивная политико-правовая мысль и богатая правовая культура белорусского народа.

The summary: the reasons and the bases of ordering of the legislation in the Great principedom Lithuanian, led to creation of the well-known European monuments of the right – Statutes 1529, 1566, are considered 1588; it is spoken about their characteristic lines and the major positions which have reflected new progressive tendencies in the right; it is underlined, that the domestic progressive politico-legal thought and rich legal culture of the Belarus people has found in these codes of laws reflexion.

Поступила 10.02.2013 г.

К концу XV ст. в Великом княжестве Литовском, которое возникло «на территориальной, этнографической и культурной основе белорусской» [1, с. 7], было накоплено весьма значительное количество нормативных актов, что затрудняло их использование. Изначально правовая система государства формировалась на основе обычного права древних белорусских княжеств (Полоцкага, Витебского, Турово-Пинского, Новогрудского и др.). Постепенно на протяжении XIV–XV вв. увеличивалось количество писаных законов – различных правовых актов на белорусском и латинском языках, которые в зависимости от содержания, формы и порядка принятия назывались ухвалами, уставами, грамотами, листами, привилеями, универсалами, артикулами и тд. В целом развитие права в Великом княжестве Литовском ученые разделяют на два периода – привилейный, характерной особенностью которого было принятие отдельных нормативных актов в виде общеземских, областных, волостных, городских и иных грамот (привилеев), и статутный, когда в государстве была осуществлена общая систематизация права и последовательно введены в действие Статуты 1529, 1566, 1588 годов [2].

Законодательство Великого княжества Литовского начала XVI в.,

которое представляло собой весьма многочисленные и иногда противоречивые нормативные акты, уже не удовлетворяло растущим потребностям государства, в связи с чем поднимается вопрос о его систематизации. Тем более, что в шляхетской среде начинает вызревать идея реформирования существующих общественных отношений, чему способствовало появление значительного количества мыслителей и просветителей, увеличение образовательного уровня шляхты, развитие книгопечатания и др. Постепенно в государстве создавались идейно-теоретические основания реформирования всех сфер общественной жизни, в том числе и правовой. Неудивительно, что характерной особенностью XVI в. стало появление выдающихся памятников мировой правовой мысли – Статутов 1529, 1566, 1588 гг., которые в последующем привлекали внимание многих ученых, мыслителей, политических деятелей белорусского, русского, украинского, польского и других народов, представителей самых различных поколений, научных школ и взглядов.

Как отмечают ученые, первые «кодификационные тенденции» возникли в самом начале XVI в. [3]. Великий князь Александр, издавая в 1501 г. Волынскую грамоту, заявил, что она будет действовать до того времени, пока «права Статута в отчизне нашей установим». Однако вопрос о подготовке Статута оставался без движения до Виленского сейма 1514 г., когда, по словам епископа Перемышльского Петра Томицкого, находившегося тогда в Вильно, «станы» сейма подняли вопрос о том, чтобы государь (господар) издал новый писанный закон. Однако и на этот раз не было принято никаких мер в отношении выполнения просьбы шляхты. Только в 1522 г., когда на сейме в Гродно шляхта вновь обратилась с аналогичной просьбой, Великий князь с панами радой «право им прирекли дата и тыи вси члонки, как ся подданный наши мають справовати и родити, казали есмо <...> выписати» [4]. Из данного постановления видно, что уже в начале 1522 г. было дано распоряжение начать работу по подготовке проекта Статута. Интересно, что всего спустя два месяца по окончании работы Гродненского сейма новый, Виленский сейм в июне 1522 г. постатейно обсуждает предварительную редакцию Статута, о чем очень скупо упоминают некоторые сохранившиеся документы. Это наводит на мысль, что работа по обобщению правового материала, вероятно, велась ранее без официального указания. Кроме того, обсуждение первого проекта Статута на сейме дает основание считать, что в составлении его с самого начала принимали участие не только паны-рада, но и сейм. Об этом пишет М.К.Любавский: «так великий вальный сойм в Литовско-русском государстве начал принимать участие в законодательстве гораздо

ранее, чем формальным образом было признано его право на это участие» [5]. После одобрения Виленским сеймом решено было Статут немедленно ввести в действие, о чем совершенно определенно сказано в специальном листе Великого князя, изданном 6 декабря 1522 г., т.е. за три дня до окончания работы сейма. Однако в дальнейшем, в связи с разногласиями участников сейма относительно положений Статута и необходимостью уточнения ряда статей, в силу вошла только некоторая часть закона, а его обсуждение было продолжено на последующих сеймах. Борьба между отдельными группировками феодалов относительно текста Статута затянулась до 1529 г., когда, наконец, на Виленском сейме 1528–1529 гг. он был принят. 29 сентября 1529 г. специальным указом великого князя Статут был введен в действие.

Источниками Статута послужили не только принятые ранее нормативные акты и судебно-административная практика государства, но и в некоторой степени римское и церковное право, хотя большинство ученых главную роль отводят обычному праву, нормы которого столетиями вырабатывались на землях древних белорусских княжеств. Кроме того, следует отметить, что для принятия нормативного акта такого уровня должны были предварительно созданы существенные основания, в том числе теоретико-правовые, так как прежде чем закон приобретает окончательную форму, он должен первоначально созреть в умах ученых и законодателей.

Подготовкой проекта Статута занималась специальная кодификационная (статутная) комиссия, точный состав которой неизвестен. Однако несомненно, что в первую очередь над проектом первого Статута работали паны-рада, т.е. феодалы, которые входили в состав главного на то время властного и законодательного органа государства – рады. Современные литовские ученые отводят значительную роль в подготовке проекта закона виленскому воеводе и канцлеру государства Альбрехту (Войтеху) Гаштольду, мотивируя тем, что именно в обязанность этого должностного лица входило руководство законопроектной деятельностью. Кроме того, в научной литературе высказано весьма обоснованное предположение, что в подготовке проекта Статута 1529 г. принимал участие Франциск Скорина, который имел к этому времени степень доктора медицины и доктора свободных наук, в том числе и доктора права, а значит имел самое высокое для того времени юридическое образование. Тем более, что в этот период он являлся личным секретарем и лекарем главного католического епископа, который занимал одно из первых мест в раде. В пользу этого служит и тот факт, что Скорина намеревался издать Статут в своей типографии. Несомненно, хоть и опосредованно (Скорина был горожанином и не мог

входить в состав рады), однако он принимал участие в подготовке проекта Статута. Об этом свидетельствуют высказанные Скориной прогрессивные правовые идеи, нашедшие затем отражение в положениях этого закона.

В своих «Предисловиях» и «Послесловиях» к опубликованной в 1517 г. Библии, других книгах Скорина значительное место уделял общественным проблемам, причем в качестве основы его политико-правовых взглядов выступала гуманистически интерпретируемая христианская мораль. Соответственно ей Скорина обращал внимание на необходимость соблюдения требований христианской этики, нравственной ответственности христианина за всего его дела. Высшим принципом, регулирующим общественные отношения (в том числе отношения политические и правовые), объявлялась Скориной любовь человека к человеку. С позиций христианского гуманизма он стремился развить и обосновать принципы естественного права и человеческого общежития в вопросах происхождения государства и права.

Заслуга Скорины прежде всего в развитии теоретических вопросов, касающихся надлежащего функционирования государства и права. Мыслитель определяет государство как «собрание людское», «посполитое доброе», «отчина своя», т.е. относится к государству как к важному и необходимому политическому институту. Главнейшей целью государства, на его взгляд, является достижение всеобщей пользы и как можно лучшей жизни людей. Политический идеал мыслителя – просвещенная, гуманная и крепкая монархия. Соответственно этому Скорина предъявляет и требования к руководителю государства. По его мнению, монарх должен быть набожным, мудрым, образованным, чутким и справедливым, а главное – он обязан руководить государством в строгом соответствии с законами и следить за справедливым исполнением правосудия. Весьма важным в этом плане стало обоснование Ф. Скориной необходимости верховенства закона и справедливости во всех сферах общественных отношений, в том числе в важной сфере отправления правосудия. В отношении деятельности судей он писал: «Да судят людей судом справедливым, и да не уклонятся ни на жадную старану, ни да не зрят на лица и не приимають даров <...> не справовали суть их, яко цари или властители, вышнии силу имеющие над ними, но яки ровнии и товариши, раду им даючи и справедливость меж ими чинячи» [6].

В его теоретических положениях содержится целый комплекс позитивных правовых принципов, основанных на теории естественного права. Если их взять в комплексе, то явственно видно, что там не только присутствует идея правового государства, но имеется и определен-

ное теоретическое обоснование данной идеи. Уделяя особое внимание принципу законности, Скорина считал, что в государстве писанный закон должен быть «почтливый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле прирочения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный, не имея к собе закритости, не к пожитку единого человека, а к посполитому доброму написанный» [7]. При этом он обращает внимание на то, что закон прежде всего должен пользоваться уважением всех людей и потому основываться на высокоморальных принципах, и в первую очередь на человеколюбии и справедливости. Кроме того, закон должен быть точным, определенным, не содержать возможностей его разного толкования. Скорина является, по существу, первым мыслителем Беларуси, который поднял вопрос о соотношении права и закона, хотя под понятием права у него выступала система раннехристианских нравственных норм, образующих его идеал – «прирочное право». Именно на основе этих норм, по его мнению, должна строиться система норм писаного права, т.е. действующее законодательство.

Теоретико-правовые взгляды Скорины, в том числе в сфере правового понимания, содействовали не только дальнейшему развитию теоретико-правовых воззрений и повышению правовой культуры феодального общества, но имели и практический результат. Ученые высказывают мнение, что предложенная мыслителем классификация права (деление его на посполитое, международное, государственное, уголовное, военное, городское, морское и торговое) была использована при подготовке Статута 1529 г. [8]

Необходимо подчеркнуть, что Статут был написан на белорусском языке, «прочно утвердившемся к тому времени в качестве языка великокняжеской канцелярии» [9]. Когда Александр стал Великим князем, маршалок Леватор Хрептович от имени народа давал наказ взошедшему на престол князю: «и чтоб не итальянским, которое противное (это слово добавил Стрийковский), и не чешским или немецким обычаем, а только правильным литовским и Витольдовским примером правил и судил» [10]. В практических целях текст Статута часто переписывался. Сохранилось несколько его списков, четыре из которых (Слущкий, Фирлеевский, Замойский, Дзялынский) были написаны на языке оригинала (т.е. древнем белорусском), остальные – на латинском и польском.

Статут 1529 г. состоял из 13 разделов и 244 статей (артикулов). Позже в него включались новые статьи, количество которых увеличилось до 283. Главное, что отличало Статут от подобных европейских законов, – это его конституционная направленность и собственные

основания правовой систематизации. Законодатель не повторял ставшую классической римскую систему права, а разработал собственную, весьма сходную с современной. Так, первые три раздела включали в основном нормы конституционного права, хотя в них содержались и иные нормы, 4 и 5 разделы содержали в основном нормы наследственного и брачно-семейного права, 6 – судебно-процессуального, 7 – уголовного, 8 – земельного, 9 – административного (лесного и охотничьего), 10 – гражданского, 11–13 – уголовного и процессуального права. Естественно, что в этот период отраслевая структура права только зарождалась, однако статьи Статута были расположены в определенном системном порядке относительно степени важности и тех приоритетов, которые имели в виду законодатели. В целом Статут в структурном отношении включал интитуляцию, преамбулу, разделы и статьи, которые следовали от более важных правовых положений к менее важным. Такая схема размещения правового материала, подобная важному правовому акту античности – Афинской Политии, перекликается и с современными систематизированными законами.

Для Статута характерными были не только новая система размещения правового материала, но и высота правовой мысли. Некоторые ученые ошибочно называли его кодексом. Об этом писал, например, В.И. Пичета в статье «Литовский Статут 1529 года и его источники» [4]. И.А. Юхо подчеркивал, што Статут является сводом законов, так как в нем получили юридическое закрепление основы общественного и государственного строя, полномочия органов государственной власти и суда, правовое положение различных категорий населения, вопросы гражданских правоотношений, преступления и наказания и др. [11]. Такой же позиции придерживаются и другие белорусские ученые, например, А.Ф. Вишневецкий, Т.И. Довнар, С.Г. Дробязко. Несомненно, Статут являлся сводом законов Великого княжества Литовского, так как стал вершиной пирамиды предыдущего этапа систематизационной деятельности, когда были приняты Судебник 1468 г. и самые важные общеземские грамоты конца XV – начала XVI вв. Статут возвысился над своим временем и основным содержанием нормативных актов того времени (регулированием гражданских и уголовных правоотношений), включив в него нормы конституционного права, не только регулирующих, но и гармонизирующих государственно-правовой уклад Великого княжества Литовского.

Являясь законом феодального государства, Статут 1529 г. много внимания уделял нормам, обеспечивающим права феодалов, в том числе в сфере имущественных отношений (собственности, наследования, опеки и др.). Статут определял prerogatives великокняжеской власти

(раздел 1), регламентировал вопросы «обороны земской» (раздел 2), закреплял личные и сословные права шляхты (раздел 3), говорил о семейных отношениях, землевладении, в том числе и женском (раздел 4), об опекуном праве (раздел 5). Отдельный, 6-й раздел был посвящен организации суда и судебного процесса. Остальные разделы говорили об уголовных преступлениях против личности и собственности шляхты, а также о других видах преступлений и нарушений прав разных особ – «О квалтех земских, о боех, о годовщинах шляхетских» (раздел 7), «О права земские, о границах и о межах, о копах» (раздел 8), «О ловы, о пуци, о бортное дерево, о озера, о бобровые гоны, о хмелища, о соколы гнезда» (раздел 9). Специальный раздел был посвящен так называемому «заставному» праву – «О имениях, которые о в долзех и о заставы» (раздел 10). В последующих главах Статута были определены «Головщины людей путных и мужицкие и паробочкие» – денежные штрафы за преступления, совершенные землевладельцами против личности людей простого звания (раздел 11), вопросы «О грабежи и о навязки», т.е. о штрафных санкциях за разного рода преступления имущественного характера (раздел 12). Последний раздел «О злодействе всякого стану» был посвящен уголовным преступлениям. Однако не всегда система размещения правового материала в Статуте строго выдержана, так как впервые создавался закон такого высокого уровня.

Стремясь к установлению справедливого государства, законодатель регламентирует, насколько считает необходимым, функционирование органов государственной власти. Статут 1529 г. внес значительный вклад в законодательное оформление функции и прерогативы различных государственных органов и прежде всего – высших. Он удостоверяет, что во главе государства стоит Великий князь (господар). Несмотря на то, что его власть к моменту появления Статута была значительным образом ограничена панами-радой, во введении он выступает как единоподержавный, «Божьей милостью» монарх, дарующий права своим подданным. В Преамбуле Статута говорится о титулах князя и правах подданных: «Мы, Жиггимонт, з ласки Божии король польский и Великий князь литовский, руский, пруский, жомойтский, мазовецкий и иных, маючи себе достаточное розмышлене умыслом добрым и з ласки нашео господарское хотячи обдаровати правы хрестьянскими, всим прелатом, княжатом, паном хоругвным, велможам, рыцерем повышоним, шляхте и всему посполству и их подданым а тубылцом земель Великого князьства нашего Литовского, которого бы колвек стадла а стану были, вси их права и привилы костелные, так латынского закону, яко и греческого, тэж и светцкие, которые от памяти королей и великих князей и от неколи отца нашего Казимера и брата нашего Александра, предков наших, за

живота их, на которые бы колве добра и волности мети мають под которою-колве датою латынскою або рускою даны волности и в себе замыкаючи справедливо слушные, справные вышли, даны, взычоны, которые хотим так мети моцне, якобы в тые листы наши слово от слова были выписаны...» [12]. Великий князь не только дарует эти права всем подданным государства, невзирая на принадлежность к той или иной религии и сословию, но и постановляет, что отныне все жители государства должны руководствоваться только ними и судиться в соответствии со статутными нормами: «Всих у Великом князьстве Литовском одним правом сужоно быти маеть» (ст. 9, р. 1).

Следует отметить, что, несмотря на тенденцию замалчивания договорных (унийных) отношений с Польшей, которая красной нитью проходит в Статуте, титул короля польского везде пишется первым. Трудно сказать, подчеркивается ли этим личная уния Великого княжества Литовского с Польшей или титулу короля придается первенствующее значение лишь из соображений этикета. Как монарх Великого княжества Литовского, Великий князь в Статуте везде выступает под именем государя (господара). Это положение формально сохраняется даже в Статуте 1588 г. В большинстве статей Статута 1529 г., начиная с первой, Великий князь формально выступает как единодержавный (чаще всего в первом лице множественного числа) законодатель, единолично «даруя» своим подданным права (законы) и привилегии. Власть государя изображается как ничем не ограниченная и подкрепляется соответствующими формулами: «господар шлюбует», «уставляем», «обещуем», «хочем и вставляем», «хочем и теж приказуем» и т.д. Однако, исходя из содержания всего Закона, видно, что права Великого князя регламентируются только в рамках статуса высшего должностного лица государства. Например, как и прежде, за ним закрепляется положение верховного судьи. Хотя разбирать все судебные дела (даже вместе с панами-радой) великий князь просто физически был не в состоянии, однако они, в том числе и рассматриваемые радой или отдельными должностными лицами (врядниками), решаются от его имени и формально все судебные решения считаются великокняжеским (или, в крайнем случае, решенным от имени рады). Из анализа ряда статей Статута вытекает также право великого князя выступать при окончательном решении любых дел в качестве высшей апелляционной инстанции. Решения великокняжеского (господарского) суда было окончательным и, как свидетельствует статья 23 первого раздела, даже простое несогласие с ним рассматривалось как преступление.

За Великим князем, согласно статьям Статута, сохранялось право на различного рода пожалования, как имущественные, так и должно-

стные (последние чаще всего с согласия рады), о чем косвенно сказано в статье 25 первого раздела. Подтверждалось право Великого князя жаловать земли, города, держания и вотчины, а также «вряды» и различного рода почетные титулы (ст. 3, р. 3). В этом контексте весьма важной является ст. 4 раздела 3, в которой от имени Великого князя гарантируется сохранение всех прежних прав и привилегий за основными «врядами» и должностными лицами, начиная от «канцлерства», должности воевод Виленского и Трокского воеводств, и заканчивая вообще всеми «врядами».

Из вышесказанного следует, что, несмотря на ряд статей, ограничивающих права Великого князя, он все-таки обладал значительной властью в государстве, которая не только была юридически закреплена Статутом, но и основывалась на поддержке всего класса феодалов. Великокняжеская власть имела под собою прочную экономическую основу – огромные земельные владения и другие богатства Великого князя. Так, немаловажную статью дохода великого князя составляли многочисленные штрафы, заклады и судебные пошлины. Они, наряду с выморочными имуществами, «спадковыми» и конфискованными имениями, постоянно пополняли великокняжеское состояние, которое в значительной мере составляло основу его сравнительно сильной политической власти. Однако Великий князь вынужден был разделять эту власть с панями-радой. В 1492 г. привилей Александра признал за радой главные права не только в области исполнительной, но и законодательной власти. В нем регламентировалось, что при возникновении разногласий между Великим князем и радой преимущество принадлежит раде.

Привилей 1506 г. еще более определенно формулировал прерогативы рады в законодательстве. К началу XVI в. рада вообще осуществляла значительную часть тех же полномочий, что и Великий князь, особенно в период его пребывания в Польше в качестве короля.

Ко времени появления Статута 1529 г. рада состояла из двух частей: духовной и светской, в количестве примерно 35–50 человек, причем каждый член рады занимал строго предназначенное для него место в 1-й, 2-й и так далее в «лавницах» рады. Членство в раде, как правило, было связано с исполнением какой-либо высокой государственной должности, которая давалась великим князем «з ласки господарской», однако с «призванием» той же рады. Доступ в раду был ограничен определенным, сравнительно узким кругом родовитых феодалов. Подавляющее большинство членов рады происходило примерно из 50 княжеских и феодальных семей (Радзивилы, Ильиничи, Кишки, Воловичи, князя Гольшанские, Острожские, Слуцкие и др.). Бывшие удельные князья

принимали участие в раде «по личному праву». В ряде случаев происходило возвышение некоторых незнатных «врядников».

В Статуте 1529 г. функции рады были не только закреплены, но и значительно расширены, прежде всего в области законодательства. Имеются специальные статьи (с. 6, р. 3; ст. 25, р. 6 и др.), в которых прямо подтверждены прерогативы рады в области законодательства. Наиболее четко оно сформулировано в статье, повторяющей почти дословно положения привилеев 1492 г. и 1506 г.: «Тэж о захованье старых привильев земских и звычайев, которые у тых привильях описаны, потвержоны и вхвалены, або новых деланью, множенью, што бы ся мело причинити к нашему и речи посполитое пожитку, только старым размышленьем и тэж з ведомостью а с порадою, и с призвалением рад наших и Великого князьства Литовского радити и справляти будем» (ст. 6, р. 3).

Статья 25 6-го раздела подтверждала за радой право, наравне с Великим князем, принимать и утверждать новые законы и необходимые дополнения к самому Статуту. В разделе «О обороне земской» также говорится, что законы принимаются Великим князем «с призволеньем рад». О том, что постановления («выроки» и др.) принимаются Великим князем вместе с панами-радой, явствует также и из ст. 23 первого раздела. Хотя в большинстве статей заявления делаются от имени Великого князя, однако в ст. 17 раздела 1 эта форма нарушается в пользу рады: «уставляем тэж и допускаем с порадаю рад наших <...>». И вряд ли эта случайное явление, ибо такое положение вытекает и из текста многих других статей.

Так, рада закрепила за собой и право активного участия в вопросе раздачи различного рода привилегий и пожалований, о чем определенно говорится в ст. 25 раздела 1: «А привильев на вечную речь не маем инде никому давати, олиж кгда будем весполог с паны радами нашими на вальном сойме». Именно в этой статье впервые говорится о существовании такого важного органа, как сейм государства.

Статут 1529 г. оформил прерогативы рады и в области судебной власти, причем рада осуществляет суд как вместе с Великим князем, так и без него. Во введении к шестому разделу за радой закрепляется право участвовать в высшем апелляционном суде, а в случае отсутствия Великого князя – суд вершит она сама. Такое же примерно право рады, хотя и несколько уже, оговорено и в стст. 5, 18, 20 раздела 6, ст. 6 раздела 4, где речь идет о разборе жалоб на «врядников». Таким образом, во многих статьях Статута были не только закреплены, но значительно расширены функции и задачи рады во всех сферах государственной деятельности.

Учитывая, что сейм появился значительно позже рады (в период принятия Статута 1529 г. он исчислял свою историю несколькими десятилетиями), постепенно оформляется его функция как представительного органа сословия шляхты. Первый Статут еще не смог подробно регламентировать его статус, хотя законодатель стремился к этому. Только в нескольких статьях закона глухо говорится о его деятельности. Так, в ст. 25 раздела 6 указывается, что новые статьи в дополнение к Статуту должны объявляться и, конечно, обсуждаться на сейме. Еще определеннее об этом говорится во введении к разделу 6: «<...> на вальном сойме тот члонок иный, чога потреба вкажеть, маеть уписано бытии». Из этих, хотя и очень скупых формулировок, можно заключить, что принятие новых законов должно производиться в соответствии с нормами Статута на сейме. Функции сейма в области судебной деятельности также нашли отражение в ряде статей. Как и в области законодательства, здесь также в качестве высших судебных инстанций выступают Великий князь и рада, однако отправляющие правосудие на сейме: «а естли бы ся видело подле всказанья которой стороне кривда, а бачили бы сторона, иж ей не подле права писаного сказывано, тогды маеть листа просити в судей сказанья своего, котрым обычаем всказали на нем. А судьи повинни будуть ему лист дати под печатью своей, а он маеть з оными судьями перед нами або перед панами радами нашими на первом сойме говорити и лист тых судей вказати» (ст. 1, р. 6). Подобные же положения встречаются в ст. 5 данного раздела и во введении к шестому разделу. Следовательно, и в этой области функции сейма ясно не определены. Сейм является лишь тем местом, где совершается суд, но вершат его Великий князь и рада. В целом прерогативы и функции сейма в Статуте 1529 г. еще четко не определены, в связи с чем некоторые ученые отмечают, что в Статуте лишь глухо упоминается о сейме.

Первый Статут был типичным памятником феодального права, который прежде всего обеспечивал правовую охрану прав и привилегий сословия шляхты, особенно верхушки класса феодалов, ограничивая права свободных простых людей и закрепляя бесправие людей зависимых и челяди невольной. Во многих его статьях речь идет об охране земельной собственности и имущества феодалов, прежде всего родовых имений. В нем говорится: «По смерти отцов дети, сынове и девки, добра отчизного и дедизного не мають быти отдалены» (ст. 9, р. 3). Особой заботой законодателя было ограждение земельной собственности от претензий иностранцев. Статья 3 раздела 3 озаглавлена: «Держаней и честей чужоземцом не мають даваны быти».

Статут 1529 г. юридически определил и воинские повинности клас-

са феодалов, которые первоначально регламентировалось обычным правом, а затем отдельными нормативными актами (грамотой Ягайлы 1387 г., законом 1528 г., Уставом 1529 г. и др.). Статей 14 раздела 2 Статута не только зафиксировали основное содержание прежних документов, но и значительно их дополнили. Этот раздел на долгие годы явился основным законом государства в области воинской повинности и построения земского ополчения. Уже во введении к разделу подтверждается главная обязанность всех землевладельцев – «войну служити и выправляти на службу военную, колько бы коли надобе было подле уфалы земское, яко на тот час потреба будеть вказывати, то ест з людей как отчизных, так похожих, и з имения как отчизного, как выслужоного, так купленного <...>». Интересно отметить, что после перечисления всех категорий представителей господствующего класса специально оговаривалось: «<...> и всякий иный человек, лета зупольные маючи и земское именья маючи». Таким образом, воинская обязанность касается всех, и главным критерием для несения воинской службы является владение имением. В Статуте впервые ясно определен и порядок отбывания воинской повинности духовными феодалами: «з имения закупноного» они обязаны лично сами являться на службу, «з имения дедизного» снаряжать определенное количество воинов, «<...> а их самих парсуны будуть на ласце нашей господарской» (ст. 2, р. 2). Следовательно, шляхта добилась того, что все землевладельцы почти со всех имений (исключение составляли только заложенные великокняжеские имения) обязаны были отбывать воинскую повинность. При этом Статут детально оговаривал сам порядок прохождения воинской службы, о чем говорят названия ряда статей: «Кождый не маеть без ведома гетманского з войны проч отъехати» (ст. 10), «Кого пошлють в заставу, або был там на рок, а он на рок положоный там не будеть» (ст. 12) и др.

С принятием первого свода законов произошло окончательное оформление статуса шляхты – так называемых шляхетских вольностей, о чем говорилось в разделе 3 Статута, озаглавленном «О слободах шляхты и о размножении Великого князства». Наиболее важными статьями, гарантирующими сословные привилегии землевладельческого класса является ст. 7 и ст. 10 раздела 3. Так, в ст. 7 от имени Великого князя сказано: «Шлюбуюем своею парсуною господарскою, иж всю шляхту княжата и паны хоругвовные, и вси бояре посполитые, и мешчане, и их людей заховати при слободах и вольностях, от предков наших и тэж от нас данных им». Видимо, не случайно в данной статье единственный раз, вопреки принятому строгому порядку перечисление различных категорий феодалов, Великий князь начинает со шляхты, как

бы подчеркивая ее высокое положение. Статья 8, озаглавленная «Волно всим з земли господарское для навчения вчинков рыцэрских до всяким земля, кром земель неприятелских <...>», дает право всем феодалам (княжатам, панам хоругвным, шляхте и боярам) свободно выезжать для обучения рыцарскому искусству в чужие страны, однако кроме неприятельских государств, и с оговоркой, что с оставляемого имения будет исполняться воинская повинность.

В период, когда завершался процесс консолидации класса землевладельцев в единое шляхетское сословие и рядовая шляхта все активнее начинала участвовать в общественно-политической жизни государства, актуальным становился вопрос о недоступности вхождения в привилегированное сословие выходцам из других сословий. В связи с этим законодательно закрепляется правило: «Простых людей над шляхту господар не маеть повышати» (ст. 10, р. 3). Кроме того, в период подготовки Статута вплотную встал вопрос о порядке установления принадлежности к шляхетству того или иного лица, когда в этом возникали сомнения. Этот вопрос на принципиально новой основе был решен еще до принятия Статута в 1522 г. на Виленском сейме изданием специального постановления «<...> о выводе шляхецтва <...>». Это постановление, в котором указывались два способа подтверждения шляхетства (свидетельство двух шляхтичей или даже одного под присягой, или наличие соответствующего документа, где бы указывалась принадлежность лица к шляхетству), с некоторыми изменениями легло в основу ст. 11 раздела 3 «О звод шляхетства». Так, в статье Статута опущена вторая часть постановления, касающегося наличия соответствующего документа (листа). Это, видимо, само собой разумелось, так как в этот период письменным документам придавалось исключительное значение. Кроме того, в статье подробно описан порядок доказательства шляхетства для иностранцев. В связи с оформлением статуса шляхты закон особое внимание обращает на защиту шляхетской чести. Так, обвинение шляхтича в том, что он незаконнорожденный («Хто бы кому приганил а назвал его, иж не ест чистого ложа»), должно было рассматриваться судом (ст. 12, р. 3).

Несмотря на охрану прежде всего прав шляхты, Статут, являясь прогрессивным для своего времени законом, от лица Великого князя объявлял: «<...> иж вси подданные наши, так вбогие яко и богатые, которого раду колве або стану были бы, ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны бытии» (ст. 9, р. 1). Заявление статьи относительно «вбогих яко и богатых», судя по содержанию Статута в целом, касается в основном господствующего класса, в рядах которого находились и паны-магнаты с их несметными богатствами и обшир-

нейшими владениями, и «убогая шляхта». Однако эти положения могли трактоваться и в отношении иных сословий.

Важным положением Статута было предписание судьям и другим должностным лицам судить на основании «писанных прав». Однако во введении к разделу 6 имелась оговорка: на тот случай, если окажется, что судебное дело нельзя решить на основании статутных норм, судьям предоставлялось право решать дело «водлуг старого обычая», но на следующем вальном сейме такой прецедент должен быть вписан в Статут в качестве дополнительной статьи. Данное положение в несколько иной формулировке повторено и в иных статьях (ст. 5, ст. 25, р. 6). Таким образом, нормами Статута была закреплена весьма определенная и достаточно прогрессивная для своего времени процедура внесения изменений в закон.

О прогрессивных тенденциях в праве свидетельствует и закрепленное в преамбуле и ряде статей Статута право подсудимого обжаловать государю и панам-рады судебное решение любой инстанции, особенно, если ему казалось, что дело решалось не на основании статутного закона. Однако во всех случаях он должен был дожидаться окончательного решения суда, даже в случаях, «<...> естли ж бы хто мел листы наши таковые, абы его ни хто не судил, кром нас, господара, тогды таковой не мает ся перед правом тыми листы нашими закрывати и до нас отзывать, але маеть перед панами радами нашими право достояти на том земском року <...>» (ст. 5, р. 6). Предусматривались определенные санкции и для лиц, не явившихся в судебное заседание. Эти положения, по мнению законодателя, должны были пресечь излишнюю волокиту, а также стремление некоторых тяжущихся не являться в суд или уехать до завершения дела. Ускорению судопроизводства в какой-то мере служила и ст. 10 раздела 1, в которой выдача «заповедных листов <...> ку отволочению права» ограничивается лишь тремя случаями: пленом, исполнением государственной службы и болезнью. Такие листы, конечно, чаще всего могли получить у Великого князя крупные магнаты и, пользуясь ими, они часто не являлись на суд, что порождало чрезвычайную волокиту, осложняло и без того слабое судопроизводство. В связи с этим в статье говорилось, что таких листов государь и его потомки больше выдавать не будут, а в случае, если кто будет иметь такой лист, судебные и государственные инстанции не должны обращать на него внимание.

Одновременно Статут повышал ответственность за невыполнение судебных решений. В условиях произвола крупных феодалов великокняжеская власть прибегала к таким мерам пресечения преступлений, как достигавшие иногда огромных сумм великокняжеские «заруки»

(заклады). Последние оформлялись специальными «заручными листами» – санкционированным Великим князем обязательством двух лиц не посягать друг на друга. Неисполнение обязательства, кроме общего уголовного наказания за преступление, влекло за собой уплату денежного взыскания за непослушание государю [13]. Дополняя предыдущую судебную практику, указывалось, что такие листы в отсутствие великого князя могут выдавать и паны-рада (ст. 12, р. 1). Институт «заруки» свидетельствовал, что законодатели (Великий князь, паны-рада и члены вального сейма), обсуждавшие и одобрявшие статьи Статута, оставили указанный прецедент судебной практике, не очень надеясь на эффективность решений судов, тем более, что это было неплохим источником финансовых поступлений в великокняжескую казну. В целом же данный институт содействовал охране прав личности.

Статут 1529 г. заботился об уважении к судебной власти. В ст. 17, и ст. 18 раздела 6 предусматривались строгие меры наказания за нарушение порядка в зале суда – хулиганство, совершение различного рода насильственных действий, причем как со стороны тяжущихся сторон, так и судей. Даже в случае обнажения меча во время судебного заседания предусматривалось отсечение руки, в случае же ранения – смертная казнь.

Статут сыграл важную роль в упорядочении феодального судопроизводства и судопроизводства, оговаривая последствия за неявку истца на суд, или безосновательного вызова в суд (ст.ст.12,13,15, р.6; ст. 20, р.8), упорядочивая вопросы составления и вручения «позвов» – судебных повесток (ст. 14, р. 6), регламентируя порядок представления в суд свидетелей (ст. 23, р. 6; ст. 15 и ст. 16, р. 8) и другие процессуальные вопросы. Он подтверждал установленные предыдущими законами принципы судебной и индивидуальной ответственности человека за совершение преступления. Закон говорил: «за проступок яко право найдеть маеть быти каран», «не маеть никто ни за кого терпети, але кождый сам за себе» (ст. 7, р. 1). Получило дальнейшее теоретическое развитие в Статуте понятие преступления как противоправного деяния, которое было уже известно привилею Витовта, данного «всей жидове» в 1388 г., т.е. наиболее раннему из законов Великого княжества Литовского.

В целом положения Статута свидетельствуют о прогрессивных тенденциях в праве Великого княжества Литовского. Принятие его определило границу между партикулярным средневековым правом и новым систематизированным законодательством. С этого времени судьи выносят решения уже не в соответствии с обычным правом, а «водлуг обычая права и Статута земского», «яко в статуте господарском описуеть», а в сложных случаях обращаются к князю «за наукой» [14].

Введение в действие Статута 1529 г. активизировало политическую жизнь сословия шляхты, которая на сеймах начинает поднимать все более актуальные вопросы государственной жизни, требует при этом большего внимания к своим правам. Этот период характеризуется для Великого княжества Литовского не только активизацией общественно-го движения, но и противоборством различных религиозных течений (в первую очередь – католицизма и православия). Значительную роль в этом сыграло реформационное движение, развернувшееся в Беларуси и Литве с середины XVI в. Среди политической элиты особенно была распространена кальвинистская идеология, которая готовила тот мыслительный материал, на почве которого позже сложилось классическое политико-юридическое мировоззрение буржуазии. В контексте Реформации активно развивалось просветительство, которое содействовало широкому распространению идей свободы, справедливости, гуманизма и веротерпимости, а также более прогрессивных взглядов на государство, право, личность [15]. На волне Реформации усиливается интерес к праву и юридической деятельности, чему способствовало печатание в типографиях западноевропейской литературы. Повышение интереса к праву сказалось и на издании специальной юридической литературы. По сведениям А. Аннушкина, в XVI в. в типографиях Великого княжества Литовского было издано 16 юридических книг [16]. В связи с началом судебной реформы возникла потребность в юридическом образовании и профессиональных юридических кадрах. Постепенно все большее количество литвинов получают образование в западноевропейских университетах, в кальвинистских и арианских школах, появившихся на территории Беларуси (Слущком кальвинистском училище, арианских школах в Ивьё, Клецке, Койданове, Любче, Лоске, Несвиже, Новогрудке и др.).

Повышению уровня правосознания содействовала и активизация во второй половине XVI в. политической жизни государства. В первую очередь это касалось деятельности органов так называемой «шляхетской демократии» – сейма и поветовых сеймиков, а также органов городского самоуправления в городах с магдебургским правом. Шляхта на сеймах и сеймиках все чаще начинает обсуждать вопросы разграничения сфер светской и духовной власти и юрисдикции. Все более публично обсуждаются законопроекты.

В связи с социально-политической активностью, а также новыми экономическими явлениями (образование внутреннего рынка, развитие международной торговли и т.д.), усиливалось общественное внимание к проблемам усовершенствования государственной жизни. Вопросы реформирования государства постоянно находились в поле зрения не

только государственных деятелей, но и мыслителей, которые все более целенаправленно начинали высказывать и обосновывать идеи справедливости и верховенства закона, отделения судебной власти от исполнительной и др. Именно поэтому, как отмечают ученые, сам процесс централизации Великого княжества Литовского и реформирования его политико-правовых институтов шел не через насилие (как, например, в Московском государстве), а посредством постепенной подготовки и проведения необходимых реформ, в том числе административно-территориальной, законодательной, судебной.

Во второй половине XVI ст. создаются необходимые предпосылки для реформирования общественных отношений, в том числе и теоретико-правовые. В произведениях белорусских мыслителей все большее распространение получают идеи свободы как важнейшего свойства человеческой природы и равенства перед законом как существенного элемента свободы личности, а также начинает обосновываться идея, что закон только тогда способен гарантировать свободу, когда он направлен на защиту интересов всех людей – граждан государства. В этот период Андрей Волан и Сымон Будный обосновывают идею частной собственности (даже в отношении горожан и крестьян) как необходимого условия свободы личности. Приверженец идеологии кальвинизма Волан вообще выступал против законодательной регламентации сословного неравенства. Пожалуй, он был одним из первых ученых, который стал рассматривать сословия как равноправных социальных партнеров, каждый из которых вносит посильный вклад в общее дело экономического и политического развития государства. Из необходимости всемерной защиты свободы человека Волан выводил естественную функцию права, которая заключалась в подавлении низменных инстинктов людей и справедливом регулировании их отношений. Он считал, что созданное разумом человека право должно стоять на защите общей справедливости и соответствовать трем принципам – быть справедливым, выступать гарантом свободы и равенства, быть разумным. С последнего тезиса вытекала необходимость постоянного совершенствования законодательства.

Сформулированные в контексте естественно-правовой доктрины важнейшие принципы естественного права Волан широко использовал как аргументы для критики феодальных социально-политических институтов и сословно-классовых отношений. Одновременно он стремился сформулировать новые социально-политические и правовые ценности, делал практические предложения по усовершенствованию государственной жизни, в том числе касавшиеся развития правовой науки и законодательной политики, рационализации юридических уч-

реждений, оценки моральных качеств будущих должностных лиц, судей и др. Правосудие он считал «хранителем общественного покоя», а важнейшей обязанностью судьи – справедливое и разумное применение закона. Волан подчеркивал, что судья должен быть честным и мудрым человеком («большой мудростью наделен, чтобы за ошибкой и глупостью своей большого вреда и беды гражданам не принес»), а также мужественным человеком, «что б ни к просьбам, ни к милосердию не склонялся, что б угроз могущественных не боялся» [17].

Многие мыслители того времени затрагивали проблемные вопросы совершенствования государственной жизни, создавая тем самым теоретические основания совершенствования законодательства. Эти идеи находили затем отзвук в новых законах Великого княжества Литовского, тем более, что некоторые мыслители участвовали в работе сеймов, входили в состав законодательных комиссий, т.е. принимали самое непосредственное участие в подготовке законопроектов. Из известных членов законодательных комиссий многие являлись приверженцами кальвинизма. Так, Павел Островицкий, активно пропагандировавший идеи реформирования общественных отношений, укрепления государственности и сохранения суверенитета Великого княжества Литовского, был членом комиссии по подготовке Статута 1566 г., лютеранин Агрипа Вацлав – писарь, каштелян минский и смоленский, который писал полемические трактаты о свободе и справедливости, принимал активное участие в создании Статута 1588 г. и т.д.

Новые социально-политические и экономические явления в жизни государства потребовали изменений в праве. В среде шляхты возникает инициатива «поправки» Статута 1529 г., в связи с чем создается новая статутная комиссия. В ноябре 1551 г. Великий князь Жигимонт-Август, отвечая на просьбы депутатов сейма, решил, с согласия пановрады, создать комиссию из 10 человек (5 католиков и 5 православных) для пересмотра и усовершенствования статутного законодательства. Перед ними ставилась задача «сесь Статут добра обачити и разважити и выразумети то, чога бы потреба была прибавит, альбо убавиги, альбо отменити».

В подготовке проекта нового Статута участвовали не только панырада, но и многие иные известные и мало известные лица. Важным являлось то, что к разработке законодательных проектов в этот период активно привлекаются ученые-юристы. Это вызывалось главным образом необходимостью использовать знания ученых в области римского права. Некоторые исследователи отрицают рецепцию в Статутах системы и институтов римского права, но это не исключает существовавшей потребности в нем как наиболее совершенном источнике теорети-

ческого знания. Факты говорят о наличии в общественных кругах Великого княжества Литовского интереса к нему, хотя и в меньшей степени, чем в странах Западной Европы. Римское право в этот период цитируется в юридической и политической литературе (П. Роизий, А. Олизаровский, Т. Тишкевич-Скуминович и др.), используется в преподавании (Святоянская юридическая школа, Виленская академия).

В первой половине XVI в. в Вильно проживали и занимали государственные и церковные должности такие доктора права, как пан Станислав – «кустош» виленский, Вацлав Чирка из Волковыска – виленский каноник, чьи познания, вполне возможно, могли быть использованы в процессе законотворчества. Ученые предполагают, что непосредственное участие в статутной комиссии принимали два «доктора прав чужеземских»: Петр Роизий – королевский секретарь, «гишпан з Арагона», возглавивший затем Святоянскую школу гражданского права, в которой читал курсы римского, саксонского и магдебургского права, а также Августин Ратондус Мелецкий – виленский войт, знаток римского права. Работой комиссии руководил известный государственный деятель, канцлер Великого Княжества Литовского, воевода виленский, маршалок земский, староста берестейский и ковенский Николай Янович Радзивил Чёрный. Он занимался подготовкой и других правовых актов, таких, например, как «Устава на валоки» 1557 г., согласно которого вводилась новая система налогового обложения, в основу которой был положен участок земли в одну волоку (более 21 гектара). Он же участвовал в проведении административно-территориальной реформы 1564–1565 гг., а также судебной реформы, которая активно проводилась во второй половине XVI в. Благодаря его стараниям в Беларуси расширилось книгопечатание, были созданы типографии в Несвиже и в Бресте.

Второй важной особой в комиссии по подготовке проекта Статута 1566 г. был маршалок дворный, писарь (затем подканцлер), староста могилевский Астафий Валович. Это был высокообразованный государственный деятель, который активно пропагандировал идеи свободы вероисповедания и защиты государственного суверенитета Великого княжества Литовского, что и нашло отражение в Статуте 1566 г. Проект Статута систематически, начиная с 1561 г., обсуждался на сеймах, что свидетельствует об активном участии шляхты в его подготовке. В 1564 г. Статут был утвержден Бельским сеймом и должен был введен в действие с ноября 1564 г. Однако снова начались дискуссии, и было объявлено, что только часть его статей вводится в действие с 26 января 1566 г. После окончательной доработки Статут был введен в действие постановлением Виленского сейма от 1 марта 1566 г.

Статут 1566 г. был принят с приложениями к нему трех привилеев – Виленского 1563 г., Бельского 1564 г. и Виленского 1566 г., а также с сеймовым постановлением 1566 г. об изменении статей Статута. Привилей 1563 г. имел задачу не допустить междоусобной войны между разными конфессиями христианства. Особенно в этом были заинтересованы кальвинисты и их лидеры – Николай Янович Радзивил Черный, Николай Юрьевич Радзивил Рудый, Астафий Валович. В связи с Реформацией этим привилеем снова подтверждалась отмена дискриминационных норм Городельского привилея 1413 г., закрепленных предыдущими законами (Гродненским привилеем 1434 г., привилеем Казимира 1447 г. и др.). Объявлялось, что все христиане, не только католики, но православные и протестанты, могли пользоваться привилегиями шляхты. В привилее подчеркивалось: «Иж от того часу, только тые панове шляхта и бояре або потомкове их всих земель наших того панства всего нашего дарованья привилеев и наданье всех вольностей и справ земских уживати и с ним се веселити мають, которые суть подданны Римскому костелу и которых теж продкове клейносты и гербы в Коруне Польской пріймовали; але теж и вси иные стану рыцарского и шляхетского, як Литовского, так и Русского народу одно бы были веры Хрестиянское, и теж которые продкове клейнотов або ли гербов с Коруны Польской не брали, однако и заровно того всего вечными часы уживати и тых вольностей веселитись, яко перед тым здавно и до того часу тых всих вольностей стану рыцарского и шляхецкого обоего народу як Литовского так и Русского уживали и с того се веселили» [18].

Привилей 1564 г. имел важное конституционное значение, так как вводил в жизнь новый правовой принцип – отделение судебной власти от исполнительной. В Великом княжестве Литовском создавались земские суды – специальные выборные шляхетские суды. Соответственно этому закону воеводы, старосты и другие должностные лица лишались (хотя в тексте говорилось об их добровольном отказе) права вершить суд над шляхтой: «абы стародавний обычай владности суду воевод и иных врядов старых уступил судом, новым порядком в сем часе учиненых постановеных и в Статуте описанных» [18].

Виленским привилеем 1565 г. юридически оформлялось появление местного представительного органа шляхты – поветового сеймика. Великий князь этим привилеем постановил, чтобы для решения вопросов избрания послов на вальные сеймы «и иным потребам земским належачих» собирался «сойм малы ку бранью всех обывателей в каждом повете мевати» [18]. В сеймике имели право участвовать все феодалы, имеющие недвижимость в данном повете. Этот привилей, сов-

падающий со ст. 5 раздела 3 Статута 1566 г., свидетельствовал о реформировании местных органов власти и расширении прав поветовых органов в решении местных дел, а также об участии их в обсуждении и решении общегосударственных дел на общих сеймах Великого княжества Литовского.

Примечательно, что даже в органы местного управления закон требовал избирать лиц «в праве умеетных, писати умеющих».

Работа по совершенствованию Статута продолжалась и после введения его в действие. Так, 1 июля 1566 г. на Берестейском сейме были внесены изменения в ст. 1 раздела 7, предусматривающие полную свободу распоряжения всеми землевладельцами своими именными.

В структурных отношениях Статут 1566 г. в основном придерживался предыдущего Статута, однако насчитывал уже 14 разделов и 367 статей (артикулов). Значительные изменения, сравнительно со Статутом 1529 г., были внесены в систему размещения правовых норм. Так, нормы наследственного права были выделены в отдельный раздел, а бывший раздел 6 о судах и судопроизводстве стал 4-м. Перенесением раздела о судах на одно из первых мест подчеркивалась важность судебной системы. Кроме того, раздел отражал процесс выделения судебных органов в самостоятельную судебную власть.

В Статуте 1566 г. отражается вся глубина, разнообразие и противоречия социально-политической и экономической жизни общества. Он содержал нормы всех отраслей права и повторял (как правило, на более высоком теоретическом уровне) положения о единстве права на всей территории государства, государственном суверенитете, приоритете писаного права и др. Важнейшие изменения закона касались прежде всего конституционного и гражданского права, а также вопросов судостройства и судопроизводства. От имени Великого князя запрещалось пользование обычным правом. Закон требовал с этого времени руководствоваться только статутными нормами. Позже, во время принятия Статута 1588 г., законодатель осознал, что несколько поспешил с этим требованием, и поэтому отменил его.

В нормах Статута 1566 г. нашло отражение существенное развитие конституционного права. Закон твердо заявлял о суверенитете Великого княжества Литовского и его территориальной неприкосновенности, регламентировал общественный и государственный строй, основные права и обязанности шляхты и других категорий населения, важнейшие принципы судостройства и судопроизводства и многое другое. Юридически закрепляя независимость Великого княжества Литовского от Польши, Статут не только подчеркивал независимость государства, но и обязывал государя сохранять неприкосновенность его тер-

ритории и даже вернуть те земли, которые были отобраны у государства (ст. 1 и ст. 3, р. 3). Повторяя статью Статута 1529 г., закон запрещал иностранцам (в первую очередь имелись в виду поляки) давать земли, должности, чины и звания (ст. 9, р. 3).

Хотя положениями Статута 1566 г. закреплялся феодальный общественный строй, вместе с тем в нем содержались нормы, которые свидетельствовали о ростках нового буржуазного права. Так, провозглашая формальное равенство всех перед законом, подчеркивалось, что все поданные государства должны судиться «тым одним правом писаным» (ст. 1, р. 1). Конечно же, сам феодальный закон не мог быть равным для всех. Правовое положение шляхты кардинально отличалось от положения простых людей. Только шляхтич имел право занимать должности в государственном аппарате и суде, свободно покупать и продавать имения и владеть феодально-зависимыми крестьянами, без оплаты пошлины вывозить на продажу за границу выращенное на своих землях зерно и прочие культуры, активно участвовать в поветовых сеймиках и избираться депутатом сейма. Шляхте гарантировалась личная свобода, неприкосновенность имущества, освобождение от налогов и повинностей (за исключением воинской службы) и др.

В целом вся система органов государственной власти и управления строилась на общих принципах феодального права: закреплении неравенства среди различных социальных групп населения и разделении его на сословия, создание льгот и преимуществ сословию шляхты, ущемлении в правах простых людей, в том числе невозможности для них участвовать в управлении государством. Великому князю, как главе государства, принадлежали широкие права в области внутреннего управления и международных отношений. Он имел право вести международные переговоры, посылать и принимать послов, вступать в союзы, объявлять войну и заключать мир, считался руководителем всех высших исполнительно-хозяйственных органов, назначал и увольнял высших должностных лиц. Великий князь распоряжался вооруженными силами, государственной собственностью, доходами и казной. Он имел право законодательной инициативы и подписывал все наиболее важные государственно-правовые акты, осуществлял высший суд в государстве и др. Однако все эти полномочия он по-прежнему осуществлял не единолично, а с участием рады и сейма. Положения Великого князя по Статуту 1566 г. было типичным для ограниченного феодального монарха. Однако имелись и определенные отличия, касающиеся выборности должности князя и ограниченности его прав в области законодательства и суда. Права Великого князя основывались на выборном начале, на регламентации его деятельности законом. Ограниченность

власти монарха закреплялась в Статуте по-разному: в одних случаях это было выражено в форме клятвы и обещания сохранять определенные права (ст. 2, р. 1); стст. 1, 2, 3, 4, 10, 11, р. 3), в других – в форме непосредственного запрещения. Так, князю запрещалось без разрешения сейма начинать войну или устанавливать налоги на военные нужды (ст. 2 и ст. 3, р. 2), издавать законы, которые бы противоречили Статуту (ст. 12, р. 3). Существовал и ряд других ограничений, из которых следует, что власть Великого князя еще более сузилась по сравнению со Статутом 1529 г.

В ограничении власти государя первоочередное значение имела рада, в состав которой входили католические епископы, воеводы, каштеляны, некоторые старосты, иные важные должностные лица государства и некоторые крупные феодалы в силу своей родovitости. Правовое положение рады было закреплено прежде в привилегиях 1447, 1492, 1506 гг. и Статуте 1529 г., поэтому в Статуте 1566 г. паны-рады упоминаются лишь в некоторых статьях (ст. 27, р. 1; ст. 11, р. 2; ст. 38, р. 4). Рада, которая являлась постоянно действующим исполнительно-распорядительным, законодательным, контрольным и судебным органом, свои властные полномочия осуществляла совместно с Великим князем, а в его отсутствие – самостоятельно. Текущие дела в раде решали, как правило, старейшие паны, к которым относились виленский католический епископ, виленский воевода и каштелян, трокские воевода и каштелян, а также маршалок земский, гетман наивысший, канцлер, подскарбий. Эти высшие должностные лица, по сути, являлись министрами феодального государства. В отличие от Статута 1529 г., в регламентации деятельности указанных должностных лиц нормами нового закона явно обозначилась тенденция зарождения органов отраслевого управления. При решении наиболее важных вопросов рада собиралась в полном составе или созывала сеймы. Соответственно Статуту деятельность рады контролировалась Великим князем и сеймом, что заставляло раду действовать с определенной осторожностью и чаще созывать сеймы с целью заручиться поддержкой всего сословия шляхты.

Структура и компетенция местных органов государственной власти и управления в Статуте 1566 г. не получила достаточно четкой регламентации. Возможно, по той причине, что система местных органов, которая сложилась с давних времен, постепенно изменялась в связи с проводимой в государстве административно-территориальной реформой. Несмотря на появление нового территориального деления государства на воеводства и поветы, сохранялись княжества со своими органами управления, а также некоторые прежние административно-территориальные единицы.

В отличие от предыдущего Статута новый закон уделял значительное внимание сейму, в состав которого входили не только паны-рада, в том числе верхушка католического и православного духовенства, «урядники земские и дворные», но и по два депутата от шляхты каждого повета (ст. 5 и ст. 6, р. 3). Депутаты от поветовой шляхты получали указы-инструкции, которыми должны были руководствоваться на сейме. Компетенция сейма не регламентировалась законом должным образом. На нем могли решаться любые вопросы, которые выносились на обсуждение Великим князем или радой. Однако имелись дела, которые относились к исключительной компетенции сейма: избрание великих князей, объявление мобилизации военных сил, сбор средств на ведение войны, заключение военных союзов, установление новых налогов, принятие наиболее важных законодательных актов, осуществление правосудия по некоторым тяжким или особо значимым преступлениям.

Вся работа сейма заранее готовилась панами-радой. Они назначали время и место созыва сейма, подготавливали проекты сеймовых постановлений. Представители от поветов могли на сейме подавать просьбы и жалобы от шляхты своих поветов, ответы на которые давал князь, посоветовавшись с панами-радой. Благодаря сейму, повышалась политическая активность всего шляхетского сословия, укреплялась идея единства государства, так как потребности населения отдельных местностей решались в центральных органах государственной власти. Сейм постепенно начал служить форумом острой политической борьбы шляхты, ограничивая власть Великого князя и рады. Таким образом, деятельность сейма в Статуте 1566 г. получила более значительную регламентацию, что свидетельствовало о прогрессивных тенденциях в функционировании государственной власти и зарождении основ парламентаризма.

Нормы военного права, изложенные в Статуте 1566 г., были в основном перенесены из Статута 1529 г. Они дополнялись специальными постановлениями сеймов, которыми более подробно излагались права и обязанности гетмана, хорунжих и иных воинских должностных лиц, определялась уголовная ответственность за воинские преступления и др. В Статуте говорилось, что все подданные государства в случае необходимости должны «войну служыти и выправовати на службу военную» (ст. 1, р. 2).

Развивая положения Бельской грамоты 1564 г., Статут 1566 г. наметил конкретные шаги по отделению судов от администрации и созданию независимой от исполнительной власти судебной власти. Согласно закону шляхта в каждом повете избирала по четыре кандидата на должности судьи, подсудка и писаря, а затем Великий князь из этих

кандидатов назначал пожизненно судью, подсудка, писаря в состав поветового земского суда (ст. 1, р. 4). В законе говорилось также об образовании суда по земельным спорам шляхты – подкоморского, рассмотрение дел в котором производилось единолично подкоморием. Образование этих судов свидетельствовало о важном этапе в проводимой на протяжении XVI в. судебной реформе [19].

Переход к формированию основ буржуазного права проявился в нормах, которые закрепили право полной собственности феодалов на земельные владения. По Статуту 1529 г. владелец отцовского имения имел право свободно распоряжаться только одной третьей его частью, а две части можно было только передать в заставу (заклад) с тем, чтобы другие родственники могли их выкупить. Статут 1566 г. установил новое правило, согласно которому «все от сего часу и дня волно и мощно кождому именья свои отчызные и земские материстые и выслужонные купленые и яким кольвек обычаем набытые и названные, не смотречи третее и двох частей, яко перед тым бывало в Статуте обычаем стародавным, але все с домом, хто их што мать, быть тэж половицу або и которую их часть <...> отдати продати даровати и записати заставити, от детей и близких отдалити, подле баченья своего тым шафовати» (ст. 1, р. 7). Данными положениями закладывались основы права частной собственности на землю. Именно в связи с этим образовывался и подкоморский суд по земельным спорам.

Статут 1566 г. развил и дополнил статьи предыдущего Статута, направленные на охрану природы, поддержку и увеличение ее ресурсов и рациональное их использование. Природоохранные нормы свидетельствовали, что ценные породы животных и птиц, а также леса, пуши, реки и озера находятся под охраной закона. Виновные в нарушение природоохранных норм привлекались к ответственности. Эти нормы сыграли значительную роль в последующем сохранении окружающей среды, животного и растительного мира.

Уголовное право по Статуту 1566 г. соответствовало своему времени и одновременно отражало новые правовые идеи и прогрессивные тенденции. Например, закон устанавливал, что свободный человек ни за какое преступление не должен был терять свободу. Новым в уголовном праве стала статья, которой предусматривалось применение уголовного наказания только к лицам, достигшим 14 лет (ст. 8, р. 14). Впервые в Статуте была сделана попытка сформулировать понятие презумпции невиновности, однако это касалось только сословия шляхты. Регламентировалась более высокая ответственность за преступления, совершенные в отношении женщин. В целом закон внес ряд прогрессивных для своего времени дополнений, направленных на защиту

жизни, свободы и достоинства людей.

Значительному изменению подверглись и процессуальные правоотношения. Образование выборных, независимых от администрации судов, привело к радикальным изменениям в правовой теории и общественных взглядах на суд и процессуальные правоотношения. Преобразование суда в орган охраны не только государственных интересов, но и частных (в том числе и от нарушений их со стороны государственных учреждений) свидетельствовало о первых шагах по пути создания независимой судебной власти. В контексте этого зарождалась независимая оценка доказательств при сохранении формализма в судебном процессе, утверждались принципы гласности судопроизводства, состязательности сторон с участием адвокатов. Статут был призван прежде всего защищать общегосударственные интересы, однако в нем проявилась тенденция ко все большей защите прав частных лиц. Об этом свидетельствует прежде всего увеличение количества норм, касающихся прав и обязанностей адвокатов. Говорилось, что в судебном процессе стороны имеют право пользоваться услугами профессиональных адвокатов (прокураторов).

В последующие десятилетия после принятия Статута 1566 г. в Великом княжестве Литовском произошли значительные социально-экономические и политические изменения, продолжились государственные реформы. Однако самым важным изменением было то, что Польша и Великое княжество Литовское объединились в конфедерацию – Речь Посполитую, в связи с чем и возникла необходимость в изменении законодательства. Новая статутная комиссия была образована на Люблинском сейме 1569 г. Однако проект Статута готовился длительный период, поэтому в составе комиссии происходили значительные изменения. И.И. Лаппо отмечал, что на последнем этапе работа над Статутом перешла к поветовым сеймикам, что свидетельствует о значительной демократизации законотворческого процесса. Возглавили работу комиссии высококвалифицированные правоведа – канцлер государства А. Валович и подканцлер Л. Сапега. В 1584 г. работа над Статутом была закончена, но поскольку новый закон игнорировал Люблинскую унию 1569 г., Польша не соглашалась утвердить новый Статут на общем сейме Речи Посполитой.

Утверждение Статута произошло при необычных обстоятельствах. После смерти в 1586 г. короля и Великого князя Стефана Батория кандидатами на трон Речи Посполитой стали русский царь Федор Иванович, которого поддерживала православная шляхта Беларуси и Украины, и шведский королевич Жигимонт Ваза, за которым стояло католическое духовенство и значительная часть феодалов-католиков, а также

австрийский эрцгерцог Максимилиан. Однако русский царь вскоре отказался от выдвижения своей кандидатуры, и борьба развернулась между Жигимонтом Вазой и Максимилианом. Представители Великого княжества, первыми узнав о победе сторонников Жигимонта, предложили ему свою поддержку при условии одобрения Статута. Жигимонт Ваза, не зная еще о победе своих сторонников, утвердил новый свод законов привилеем от 28 января 1588 г.

Многие мыслители и государственные деятели были причастны к созданию Статута 1588 г., однако прежде всего ученые говорят о Николае Юрьевиче Радзивилле – образованнейшем человеке своего времени, горячо преданном интересам государства, Астафий Богдановиче Воловиче, накопившему за свою многолетнюю государственную службу огромный опыт, а также о Льве Ивановиче Сапеге, сыгравшем особую роль при подготовке этого закона. Некоторые даже называли «Великого Льва» творцом Статута [20]. М. Шкеленок писал: «Толькі тады, як справа гэта была даручана Льву Сапеге, – праз два гады, пайменна ў 1588 г., Статут быў гатовы. Леў Сапега вельмі добра справіўся са сваім заданнем і ня толькі апрацаваў Статут, але і выдаў яго ўласным коштам і пад асабістым даглядам у 1588 г. у Вільні» [21].

В «Обращении ко всем сословиям», предворяющим текст Статута, нашли отражение взгляды Льва Сапегина на государство и право, которые сложились под влиянием учений мыслителей и государственных деятелей античности. Центральной категорией его философии права является категория свободы. Сапега подчеркивает: «человеку почтивому ничего не маеть быти дорожшого над вольность» [22]. Сущность же свободы составляют неотъемлемые права человека – право личной неприкосновенности и право собственности. Именно с целью охраны гражданских прав и существует право. Сапега прямо говорит, что основной целью законов во всем мире является поддержание в обществе такого порядка, чтобы каждый мог сохранить в нерушимости свое доброе имя, здоровье, имущество и не претерпевать со стороны других лиц вреда: «<...> а естли ж чловеку почтивому ничего нет мильшого над тое, гды во отчызне своей безпечне мешкаючы не боитсе, абы его хто на доброй славе его не змазати альбо на теле и на здоровью его образити альбо теж на власной маетности его укывдити мог. Тогды то ничому иншому, одно праву причитати маеть <...> бо тот цель и скуток усих прав ест и маеть быти на свете, абы кождый добрую славу свою, здоровье и маетность в целости мел, а на том всем жадного уширбку не терпел». Одновременно каждая личность, по его мнению, должна знать границы своей свободы, ибо «яко Цыцero поведил, иж естесмо невольниками прав для того, абысьмы вольности уживати могли <...>» [22].

Сапега считал, что закон должен быть одинаковым для всех сословий, и главное его предназначение – защищать личность от посягательства со стороны всяких правонарушителей: «Тогда тот монштук або удило на погамованье кожного зуфальцу есть вынайдено, абы се боячы права от кожного гвалту и збытку погамовал, а над слабым и худшим не паствилсе и утискати его не мог, бо для того права суть постановлены, абы можному и потужному не все было вольно чынити» [22]. В этих словах мыслителя содержится целый комплекс прогрессивных правовых положений и идей.

Сапега гордился своими законами, а также тем, что они были написаны на родном языке: «А если которому народу встыд прав своих не умети, поготовю нам, которые не обчым яким языком, але своим власным права списанные маем и кожного часу, чога нам потреба ку отпору всякое кривды, ведати можем». Далее в «Обращении ко всем сословиям» Сапега отмечал, что закон не должен допустить использования государственной власти в корыстных целях правителя, что тирания несовместима с требованиями разума и справедливости. Он подчеркивал, что сам государь должен действовать в границах закона «одно только, колько ему право допущаеть». Из этих положений вытекает, что Сапега являлся сторонником правового государства. Его идеи получили отражение в нормах Статута 1588 г., одним из разработчиков которого он был. Сапеге принадлежит также заслуга в реформировании государственной власти и судебной системы Великого княжества Литовского, в том числе и в образовании Главного суда (Трибунала) – одного из первых в Европе высших апелляционных судов.

Статут 1588 г. был сразу же издан в Виленской типографии, причем без принятых ранее общеземских грамот, так как, по мнению Льва Сапеги, не все они были на пользу Великому Княжеству. В сравнении с предыдущими новый свод законов имел не только более значительный объем (488 статей, 14 разделов), но и более совершенную систему расположения правового материала. Законодатели на основе накопленного опыта и новых правовых идей и принципов усовершенствовали отечественную систему законодательства, создав еще более совершенный Свод законов, который, как отмечает С.Г. Дробязко, представляет собой высшую форму систематизации законодательства, основанную на инкорпорации, консолидации и кодификации, что является конечной целью правоустановления [23].

В основу систематизации были положены новые, характерные для буржуазных отношений правовые принципы: разделение властей; единство права для всего государства и всех полноправных людей; приоритет писаного права; государственный суверенитет, презумпция

невиновности и др. Об этом прежде всего свидетельствует законодательно закрепленный принцип разделения властей – законодательная власть принадлежала сейму, исполнительная – великому князю и раде, судебная – новым, образованным в результате судебной реформы судам. Конечно, в условиях феодального государства полного отделения судебной власти быть не могло. Новые суды создавались исключительно для шляхты. В целом признание различных льгот и привилегий для отдельных групп населения подрывало общий принцип единства права. Однако ученые отмечают, что весь Статут был пронизан идеей правового государства [11].

Статут являлся и своего рода конституцией, так как регламентировал вопросы государственного устройства, функционирования судебной власти, права различных категорий населения и иные важнейшие сферы государственной и общественной жизни. Он содержал важнейшие правовые принципы, основополагающие нормы, а также нормы, относящиеся ко всем отраслям права. Особо важным было закрепление в Статуте суверенитета Великого княжества Литовского, невзирая на образование Речи Посполитой.

Теоретически более точно в Статуте 1588 г. были изложены принципы ограничения власти государя, единства права на всей территории государства, и даже в определенной степени принцип верховенства закона. В Статуте мы видим много норм, которые говорят, что законодатель стремится во всех правоотношениях придерживаться принципа законности и справедливости. Неслучайно в нем часто содержится обращение – «как к богатым, так и к бедным». Статут превосходил предыдущие законы шириной охвата правовой регламентацией большинства правоотношений. Первые три раздела в основном были посвящены вопросам конституционного права. В них были закреплены такие важные конституционные принципы, как суверенитет государства, равенство свободных людей перед законом (хотя сам закон регламентировал феодальные правоотношения), право человека на собственность, охрану жизни и здоровья. Для шляхты предусматривалось право представительства в органах власти, свободного выезда за пределы государства и т.д.

Нормы Статута обязывали должностных лиц, в том числе и самого Великого князя, действовать в соответствии с законом, защищать интересы государства и народа. Именно в XVI в. не только обращается усиленное внимание на единство и независимость государства, но и начинает вырисовываться представление о едином гражданстве, так как под термином «Литва» понималось все государство, а под названием «литвин» – его гражданин. Статут декларирует, что права даются

всем лицам «<...> так латынскага закону, яко и греческого». В нем нашли свое отражение идеи веротерпимости. Так, должностным лицам предписывалось обеспечивать спокойствие всех жителей государства, независимо от того, какого учения они придерживались в вероисповедании. Сам Деликий князь обязывался «покой посполитый межы розорванными и розными людми в вере и набоженстве заховывать» (ст. 3, р. 3). В условиях наличия в обществе разных религиозных воззрений законодательное закрепление таких положений было весьма важным.

Многие статьи Статута свидетельствуют о его гуманистической направленности. Законодатель отрицательно относится к невольному состоянию человека, поэтому статутными нормами запрещает отдавать в неволю свободных людей, заменяет название «челядь невольная» на «челядь дворовую» и др. Особенно ярко гуманизм Статута проявляется в статьях, направленных на охрану прав женщин. Закон декларирует право женщин по своей воле выходить замуж, владеть имуществом, запрещает беременную женщину присуждать к смертной казни, защищает ее жизнь двойной головщиной и даже вмешивается в привилегию церкви на развод (р. 5).

Как и предыдущие законы, Статут 1588 г. был одним из первых европейских законов, направленных на охрану природы. Он закрепил порядок пользования земельными и лесными угодьями, регламентировал вопросы охоты, рыболовства, бортничества, в определенной степени охранял флору и фауну. Например, за уничтожение соколиного гнезда взыскивался значительный штраф – 6 рублей, лебединого гнезда – 3 рубля и т.д. (р. 10).

Продолжая наметившуюся в предыдущих законах тенденцию, Статут 1588 г. существенно ограничивает власть Великого князя, который по-прежнему является высшим должностным лицом Великого княжества Литовского, однако в связи с Люблинской унией 1569 г. одновременно и королем Речи Посполитой. Кроме этих титулов, государь получал титулы по названию земель, которыми он владел. Так, Жигмонт III Ваза имел титулы Великого князя литовского, русского, прусского, жамойтского, мазовецкого, лифляндского, наследного господаря и короля шведского, готского, вандальского, великого княжича финляндского и др. Хотя закон неоднократно подчеркивает главенствующее положение Великого князя и его широкие полномочия, реальная его власть была невелика. Все полномочия монарха аналогичны закрепленным Статутом 1566 г. Точно так же перечислены вопросы, которые Великий князь должен был принимать совместно с радой или сеймом (ст. 2, р. 1; стст. 1, 2, 4, 5, 12, 13, р. 3). Главная роль в ограничении власти господаря принадлежала раде, хотя, как и предыдущий Статут

1566 г., новый закон точно не определил компетенцию этого органа. Фактически рада могла решать любой вопрос внешней и внутренней жизни государства, однако главное ее назначение состояло в охране прав магнатов от посягательств со стороны государя и руководстве в его отсутствие всеми центральными органами, а также в защите территориальной неприкосновенности государства.

Значительно ограничивал власть монарха и сейм, который собирался с целью решения наиболее важных государственных дел. Порядок созыва поветовых сеймов и общего (вального) сейма законодательно был закреплен Статутом 1566 г. В новом своде законов эти нормы получили свое развитие (стст. 6, 7, 8, 9, р. 3). Созывались сеймы по мере надобности Великим князем, панами-радой или по просьбам шляхты. К компетенции сейма относились вопросы избрания Великого князя, обсуждения условий международных договоров, введение новых и изменение старых налогов и повинностей, установление таможенных пошлин, принятие нового и изменение действующего законодательства, рассмотрение отдельных уголовных дел, затрагивающих интересы государства, государя или знатных особ. После Люблинской унии 1569 г. перед каждым сеймом Речи Посполитой в Слониме созывался сейм Великого княжества Литовского (ст. 8, р. 3).

В целом в Статуте 1588 г. продолжилась тенденция упорядочения деятельности органов государственной власти. Однако структура и компетенция местных органов государственной власти не получила в нем достаточно четкой регламентации, за исключением поветовых и воеводских сеймиков – сословно-представительных органов шляхты, посредством которых она отстаивала свои интересы перед центральными органами и участвовала в политической жизни государства.

Значительно усовершенствованы были в Статуте нормы, касающиеся воинской обязанности. Закон регламентировал вопросы относительно порядка формирования войска, сбора ополчения, правового положения гетмана, ответственности военнослужащих за преступления и т.д. Хотя основная военная повинность ложилась на шляхетское сословие, во время всеобщего «рушения» она распространялась на все мужское население государства, независимо от вероисповедания (исключение составляли евреи, которые только в случае принятия католицизма обязывались участвовать в обороне).

Статут 1588 г. фактически завершил проводимую на протяжении всего XVI в. прогрессивную судебную реформу. Значительное ограничение судебной власти Великого князя и панов рады произошло в 1581 г., когда был издан закон об образовании Главного суда (Трибунала), положения которого вошли в текст Статута. Существование его (аналогичный

суд действовал в Польше) свидетельствовало о самостоятельности Великого княжества Литовского, несмотря на заключение Люблинской унии 1569 г. Суд состоял из судей-депутатов, которые ежегодно избирались на поветовых сеймиках (по два судьи от каждого повета).

На Трибунал возлагалась задача апелляционного рассмотрения дел, хотя часто он рассматривал наиболее важные дела по первой инстанции. Отдельную категорию дел составляли жалобы на незаконные действия и злоупотребления местных должностных лиц и судей. Трибунал выполнял и нотариальные действия. Декреты Трибунала принимались большинством голосов, были окончательными и обжалованию не подлежали.

Создание выборных судов открывало новую страницу в развитии правовой культуры общества, свидетельствовало о стремлении к постепенному установлению элементов правового государства. Следует отметить, что наиболее слабым местом в феодальном судопроизводстве было исполнение судебных решений, которое, как правило, возлагалось на сторону, выигравшую процесс. Хотя закон предписывал органам местной власти помогать в исполнении судебных решений, на деле часто оказывалось, что истец, исчерпав все возможности, вынужден был идти на компромисс с более богатым ответчиком, принимая его условия.

Анализ норм процессуального права, изложенных в Статуте 1588 г., показывает, что по теоретической разработке они стали более развитыми и регулировали все основные действия суда и участников процесса. В связи с судебной реформой в деятельности судебных органов все более проявляются такие прогрессивные принципы, как презумпция невиновности, устность, гласность, состязательность судебного процесса с участием адвоката и др. Конечно же, в условиях феодального государства эти принципы в значительной степени только декларировались и реально проявляли себя относительно сословия шляхты. Однако законодатель все более стремился защищать права всех людей, указывая об этом в статьях: «как высшего стану, так и низшего», «как богатых, так и бедных». Об этом свидетельствует и значительное дополнение норм, регламентирующих деятельность адвокатуры. Например, говорилось, что вдовам, сиротам и бедным людям адвокаты должны назначаться бесплатно.

Значительное теоретическое развитие в Статуте получили нормы уголовного права, в которых также нашла отражение идея гуманизма. Увеличивался возраст уголовной ответственности с 14 до 16 лет (ст. 11, р. 14). Психически больные лица не подлежали уголовному наказанию, хотя и должны были находиться под семейным надзором. Инте-

ресно, что в некоторых случаях освобождались от ответственности и лица, совершившие преступления «по глупости». Так, могли быть освобождены от наказания лица, обвиненные в распространении порочащих, ложных сведений в отношении Великого князя, «если бы кто з глупства або шаленства в том выступил» (ст. 4, р. 1). В Статуте проводится разграничение между виной умышленной и неосторожной. Если же в действиях лица не было умысла или неосторожности, то не применялось и уголовное наказание (ст. 15, р. 11). Закон значительно развил принцип презумпции невиновности, распространив его на простых людей (ст. 3, р. 14). Он установил смертную казнь шляхтича за убийство простого человека. Необходимая оборона и крайняя необходимость по Статуту выступали обстоятельствами освобождающими от уголовной ответственности (стст. 22, 24, р. 2). Несмотря на жестокость наказаний, предусмотренных Статутом, они по сравнению с наказаниями, существовавшими в иных европейских государствах того времени, были более гуманными. Это проявилось в неприменении смертной казни к беременным женщинам, освобождении от уголовного наказания детей и подростков, более высокой ответственности за преступления против женщин, относительно недолгих сроках тюремного заключения. Эти положения Статута выводили его на уровень самых прогрессивных законов того времени.

Прогрессивные тенденции наметились и в семейных правоотношениях, хотя в целом личные взаимоотношения супругов в семье строились в зависимости от их происхождения и имущественного положения. Признание в законе имущественных прав женщин, а также равные права супругов в отношении детей обеспечивали женщине определенную свободу в осуществлении ее обязанностей как хозяйки в доме, а не как рабыни или служанки мужа. Правомочия мужа более всего проявлялись в тех случаях, когда он обязан был выполнять различную государственную службу. Считалось, что муж является законным представителем всей семьи во всех государственных и судебных учреждениях. Однако на практике встречались случаи, когда женщины самостоятельно выступали в судах и заключали сделки.

Прогрессивные положения Статута 1588 г., который являлся действующим законом почти до середины XIX в., значительно повлияли на всё последующее законодательство, нашли отражение в Конституции Речи Посполитой 1791 года. Даже через 200 лет после издания он считался одним из наиболее совершенных законов Европы, о чем говорил на сейме 1791 г. известный политический деятель Гуго Калантай. Польские историки права (Ю. Бардах, Т. Островский и др.) отмечают, что в XVII–XVIII вв. в польских судах пользовались Статутом 1588 г.

как дополнительным источником права. Он использовался в качестве одного из источников права при подготовке Соборного уложения 1649 г. в Московском государстве, что засвидетельствовал российский ученый М. Владимирский-Буданов.

Статуты 1529, 1566, 1588 гг. переводились на латинский, польский, русский, немецкий и другие языки, служили образцом при систематизации законодательства. В них нашла отражение отечественная прогрессивная политико-правовая мысль и богатая правовая культура белорусского народа. Государственных деятели и мыслители Великого княжества Литовского внесли существенный вклад не только в создание этих знаменитых сводов законов, но и в развитие теоретических воззрений о государстве и права, в том числе в становление теории правового государства.

Список использованных источников

1. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории / А.Е.Пресняков. – М., 1939. – Т. II. – Вып. 1: Западная Русь и Литовско-русское государство. – С. 7.
2. Юхо, Я.А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / Я.А.Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1991. – 236 с.
3. Bardach, J. Statuty litewskie a prawo rzymskie / J.Bardach. – Warszawa : Centre for Studies on the Classical Tradition in Poland and East-Central Europe: Uniw. Warszawski, 1999. – S. 16.
4. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-исторического, политического и культурного развития) / В.И.Пичета – М., 1961. – С. 507–508.
5. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм : Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М.К.Любавский. – М. : Университетская типография, 1900. – С. 227.
6. Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі / Ф.Скарына. – Мінск, 1969. – С. 115.
7. Францыйскі Скарына і яго час : Энцыкл. давед. – Мінск : БелСЭ, 1988. – С. 337.
8. Шалькевіч, В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі : навуч.дапам. / В.Ф.Шалькевіч. – Мінск, 1999. – С. 67.
9. Pirmasis Lietuvos Statusas. – Vilnifus. – V. : Mintis, 1983. – S.12.
10. Czacki, T. O Litewskich i Polskich prawach, o ich duchu, zrodlach, zwiazku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy, 1529 roku wydanim / T.Czacki. – Krakow, 1861. – S. 54.
11. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А.Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – С. 173.
12. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. – Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1960. – С. 31.
13. Шумаков, С.А. Источники и уголовное право Литовского Статута / С.А.Шумаков // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб., 1896. – Т. 6. – С. 123.
14. Литовская Метрика (1528–1547) : 6-я кн. судных дел. – Вильнюс, 1995. – № 20, 47, 187, 207, 218.
15. Дмитриев, М.В. Православие и реформация : реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. / М.В.Дмитриев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – С. 1–42.

16. Анушкин, А. На заре книгопечатания в Литве / А.Анушкин. – Вильнюс : Минтис, 1970. – С. 82–83.
17. Волян, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А.Волян ; пераклад з лацінскай Ул. Шатона. – Мінск : выдавец Зміцер Колас, 2009. – С. 128.
18. Доўнар, Т.І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І.Доўнар, У.М.Са-толін, Я.А. Юхо ; рэдкал. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – С. 38–39.
19. Доўнар, Ю.П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім / Ю.П.Доўнар. – Мінск : БДУ, 2007. – 175 с.
20. Ptaszycki, S. Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie / S.Ptaszycki. – Lwow : Ossolineum, 1925. — S. 5.
21. Шкалёнак, М. У трохсотыя ўгодкі сьмерці вялікага канцлера Льва Сапегі / М.Шкалёнак. – Вільня, 1933. – С. 9.
22. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. сав. энцыкл. ; рэдкал. : І.П.Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 47.
23. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие / С.Г.Дробязко, В.С.Козлов. – Минск : Амалфея, 2005. – С. 244.

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ АВТОРСКОГО ПРАВА В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Козик Андрей Леонидович, кандидат юридических наук (международное право), доцент (право), заведующий кафедрой международного права, первый проректор Международного университета «МИТСО», заведующий отделением кафедры ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву, член Совета директоров международного общества права войны и права международных конфликтов (Брюссель), член комиссии по имплементации международного гуманитарного права при Совете Министров Республики Беларусь.

Аннотация: исследуются причины возникновения авторского права, его эволюции в свете развития информационных технологий; проводится анализ влияния информационных технологий на общественные отношения, возникающие в сфере создания, использования и защиты объектов интеллектуальной собственности; делается вывод о необходимости пересмотра принципов авторского права с целью обеспечения своевременного и адекватного правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере создания, использования и защиты объектов интеллектуальной собственности, в свете динамичного развития современных технологий.

The summary: in the present article author deals with the reasons of copyright origin, its evolution concerning development of information technologies. In addition, author explores influence of information technologies on relations arising in the sphere of creation, usage and protection of the objects of intellectual property. After that Prof. Kozik draws the conclusion pertinent to the necessity of reconsideration of the principles of copyright for their adequate and timely protective purposes and regulation.

Поступила 10.03.2013 г.

Введение

Информационные технологии существенно повлияли на нашу жизнь. Мы сталкиваемся с ними на каждом шагу: пользуемся мобильными телефонами; бумажную корреспонденцию заменили электронные письма; в магазинах рассчитываемся при помощи банковской пластиковой (а теперь и бесконтактной) карточки. Все это стало возможно благодаря возникновению стандартов, основанных на хранении и обработке информации в систематизированном (чаще цифровом) виде. По этой причине современные информационные технологии также на-

¹ Статья выражает мнение автора, которое может не совпадать с мнением организаций, с которыми он сотрудничает.

зывают цифровыми. Сама по себе возможность описать событие в математическом виде не является для общества ни революционной, ни требующей какого-либо особого правового регулирования. По настоящему революционной является возможность сбора, хранения, анализа и передачи информации, основанная на современных компьютерных технологиях. С момента появления технической возможности получать и обрабатывать огромные объемы информации быстрее, чем она утратит свою актуальность, общественные отношения стали претерпевать коренные изменения. Очевидный пример – сбор и хранение персональных данных. Долгое время никого не беспокоило то, что информация о состоянии здоровья и медицинских назначениях хранится в поликлинике в картотеке учета, а номер телефона обозначен в телефонном справочнике, изданном типографским способом. Сегодня информация о Вас и Вашем здоровье, Ваш телефон, а вместе с ними и информация о Вашем текущем местоположении, привычках могут быть за считанные минуты собраны практически любым обывателем. В «умелых» руках она оборачивается против своего владельца – теперь о Вас знают продавцы и покупатели, добрые люди и злоумышленники. Но самое главное – отныне Вы не можете чувствовать себя в безопасности. Отношения, регулируемые авторским правом (чему и посвящена данная статья), такой же яркий пример.

Объективные изменения в общественной жизни должны сопровождаться адекватным правовым регулированием. Это в полной мере касается как принципиально новых общественных отношений, так и тех, чье содержание изменилось под воздействием социального прогресса. Особую сложность представляет процесс выявления правовых норм, утративших с течением времени свою правовую адекватность реальным общественным отношениям. Буквальное толкование и применение таких норм неизбежно причиняет большой ущерб общественным интересам.

Выявление подобных правовых пробелов и архаизмов – более чем актуальная потребность, поскольку это не только обеспечивает безопасность государства, но и оптимизирует работу общественных механизмов, обеспечивая их прогрессивное развитие.

С сожалением следует констатировать, что рассмотрению данной проблематики ученые в Республике Беларусь не уделяют должного внимания. В Российской Федерации в том или ином контексте проблематика общественных отношений, складывающихся в связи с развитием информационных технологий, рассматривается в работах С. Петровского, В.Б. Наумова, А. Серго, Б.В. Андреева, Е.А. Вагоновой и др.

В западной доктрине особого внимания заслуживают работы

Р. Джонсона (D.R. Jonson), Д. Поста (D.G. Post), М. Макина (F.M. Ma-keen), Ф. Майера (Franz C. Mayer), Г. Перрита (Perritt H. Henry.), Д. Мен-те (D. Menthe), М. Фрумкина (M. Froomkin) и др.

Основная часть

Если задуматься о причинах существования правовой нормы, то обнаруживается, что ее возникновение является следствием осознания необходимости регулирования общественных отношений. Механизм эволюции нормы права можно условно представить следующим образом:

- возникновение новых общественных отношений;
- осознание необходимости их правового регулирования;
- создание правовой нормы;
- изменение нормы или ее отмена как следствие изменения общественных отношений.

История возникновения и развития авторского права¹ дает нам множество примеров действия этого механизма, включающего практически все этапы: возникновение нормы, ее жизни и заката (по крайней мере серьезного вызова ее существованию) под воздействием изменяющихся общественных отношений.

Следует отметить, что правовая норма обладает рядом особенностей, среди которых ее *консервативность* и *возможность практического применения*. *Консервативность* означает, что изменяющиеся общественные отношения не сразу приводят к изменению правовой нормы. Необходимо порой значительное время, прежде чем правовая норма «капитулирует» перед изменившимися обстоятельствами. Время, необходимое для таких изменений, напрямую зависит от эффективности правовых механизмов самоорганизации, действующих в государстве. *Возможность практического применения* подразумевает, что должна существовать реальная возможность принуждения/приведения к исполнению нормы права. Одной из специфических характеристик права является возможность обеспечить исполнение предписаний путем государственного принуждения. Если по каким-то причинам такое принуждение невозможно, то норма не может считаться правовой. Вряд ли мы станем считать правовой нормой, например, запрет мыслить – по крайней мере до тех пор, пока государство не научится читать мысли граждан.

Особенностью авторского права является его высокая степень уни-

¹ Здесь и далее мы будем оперировать термином «авторское право», подразумевая под ним (*mutatis mutandis*) совокупность норм, регулирующих общественные отношения как в области защиты авторских, так и в области смежных прав. Кроме того, если не указано иное, рассматривается проблематика имущественных прав авторов и исполнителей в ситуации, когда они обнародовали произведение.

фикации. Несмотря на различия в правовых системах, оно достаточно давно стало предметом международно-правового регулирования, а это, в свою очередь, обеспечило единообразное понимание основных его институтов. Деятельность специализированных учреждений ООН – Всемирной организации интеллектуальной собственности и ЮНЕСКО во многом также способствовали этому (емко о различиях и процессе сближения правовых институтов авторского права в правовых системах – см. в исследовании профессора Делии Липчик, проведенного по инициативе ЮНЕСКО [1, с. 35–48]).

Авторское право уникально еще и тем, что одним из важнейших катализаторов эволюции его норм всегда был технический прогресс, или информационные технологии (как сейчас часто говорят).

На наш взгляд, важным для понимания природы авторского права является его исторический генезис. Существование авторского права в античный период справедливо описывается позицией М.-К. Дока: «Это право существовало in abstracto, проявлялось и принимало определенные конкретные формы в отношениях авторов с представителями издательских кругов – библиополем¹ – и организаторами представлений, однако при этом отсутствовала общественная потребность его обособления в сфере права» [1, с. 27].

С развитием технического прогресса – изобретением станка Гуттенберга и дальнейшим развитием печатного дела – появилась необходимость в правовом регулировании общественных отношений, связанных с использованием произведений. Конкурирующие интересы книгоиздателей и авторов привели к принятию в Англии (Статут королевы Анны, 1710 г.), Испании (указ Кала III, 1763 г.), Франции (ордонансы Людовика XVI, 1777 г.), а затем и во многих других странах первых нормативных актов, защищающих права авторов.

Нельзя не согласиться с позицией Д. Липчик, которая отмечает: «Подобно тому как <...> [изобретение Гуттенбергом печатного станка с рассыпным набором букв и изобретение гравюры] позволили воспроизводить книги в массовом количестве и использовать произведение независимо от воли его автора, фонограф, кинематограф и эфирное вещание сделали возможными механическое воспроизведение музыкальных, литературных и драматических произведений и обеспечили их сообщение для всеобщего сведения практически в неограниченной аудитории» (1, с. 304). Усовершенствование звукозаписывающей техники привело к катастрофическим последствиям для исполнителей. В 1939 г. Международная организация труда опубликовала доклад, в

¹ Пер. с греч. – «продавец книг» (прим. А. К.).

котором отразила глубину проблемы – от 40 % до 90 % исполнителей не имели работы, тогда как безработица в промышленности была значительно ниже [1, с. 308–309]. Все это привело к принятию правовых норм, обеспечивших защиту прав исполнителей.

Итак, важнейшей причиной возникновения норм права (и причиной, по которой данные нормы продолжают существовать) стала необходимость защиты прав авторов и исполнителей от несанкционированного переиздания или доведения до аудитории произведений, что фактически лишало их возможности зарабатывать на жизнь, т.е. была обеспечена защита коммерческих интересов конкретных граждан. Это справедливо и потому нашло отражение в основополагающих актах в области прав человека. В ст. 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [2] мы находим: «2. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является». Аналогичное положение закреплено и в статье 15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [3]. Справедливости ради отметим, что сегодня произведения «на корню» скупаются посредниками, авторам же далеко не всегда достается справедливое вознаграждение [4].

При этом права авторов и исполнителей никогда не были абсолютными. В том или ином объеме предусматривались ограничения таких прав [1, с. 190]. На наш взгляд, права авторов и исполнителей должны находиться в гармонии с правами пользователей на частную жизнь. Иными словами, пользователь должен иметь возможность использовать частным образом законно приобретенное произведение – читать книгу своим детям, смотреть фильм или слушать музыку в кругу друзей, обмениваться дисками/файлами и т.д. Вмешательство в эту сферу недопустимо, поскольку охраняется двумя важнейшими свободами – правом на частную жизнь и правом собственности¹. Кроме того, такое вмешательство будет противоречить здравому смыслу, поскольку создаст ситуацию «авторы – против общественного интереса». Необходимо отметить, что законодательства многих стран содержат прямые ограничения прав авторов в указанных ситуациях (например, Бразилия, Венесуэлла, Испания, Колумбия, Перу, США).

Кроме того, доктрина «fair use», распространенная в странах с англо-саксонской системой права, подразумевает существенные ограничения прав авторов и исполнителей при условии, что использование произведения, *inter alia*, происходит без извлечения коммерческой вы-

¹ Хотя авторские права не являются вещными, в общеправовом смысле их верно рассматривать в данной категории (сравните англ. «property»).

годы. Так, например, законодательство США содержит подобные ограничения прав авторов [1, с. 195]. Практика подтверждает данный подход, более того, расширяет его, позволяя пользователям изготавливать цифровые копии произведения для личных нужд [5; 6].

Итак, права авторов и исполнителей не являются абсолютными. Они соотносятся со следующими утверждениями:

1. Должна существовать практическая разумная возможность принуждения к исполнению нормы права.

2. Права авторов и исполнителей должны находиться в гармонии с правами пользователей на частную жизнь и право собственности.

3. В случае если произведение используется в некоммерческих целях, права автора могут быть ограничены.

4. Идеей возникновения и развития авторского права явилось обеспечение коммерческих интересов авторов и исполнителей.

Бурное развитие информационных технологий бросило вызов существующему порядку в области авторского права. Рассмотрим, как изменились общественные отношения в данной области под воздействием Интернета и его составляющей – пиринговой сети.

Интернет и его составляющие едва ли сами по себе являются объектом регулирования международным правом, как и правом вообще. Интернет является лишь технологией, обеспечивающей осуществление коммуникаций [7], а это значит, что технологическая составляющая важна с точки зрения права лишь постольку, поскольку затрагивает общественные отношения. Причем лишь те, которые отвечают определенным требованиям, необходимым для того, чтобы общественное отношение было урегулировано нормой права (субъектный состав, содержание и т.п.) [8; 9].

По своей природе Интернет в своей целостности не может: быть передан одним субъектом общественных отношений другому; принадлежать кому-либо на праве собственности; быть объектом гражданского оборота [10]. Интернет фактически не содержит информацию, скорее, функционирует как транспортное средство для информации, находящейся в файлах или документах, содержащихся в компьютерах, которые осуществляют это соединение.

Интернет – это уникальное глобальное пространство («массив информации»), логически связанное посредством TCP/IP протокола и обеспечивающее доступ и использование высокоуровневых коммуникационных услуг [11]. Интернет включает в себя компьютерные (аппаратные) средства и технологические (программные) решения, обеспечивающие мгновенную и дешевую передачу информации посредством протокола TCP/IP, а также свободную возможность подключения уст-

роЙств, поддерживающих указанный протокол. Одним из существенных отличий отношений, складывающихся в сети Интернет, является их трансграничность [12]. Таким образом, «купля-продажа» в традиционном магазине и интернет-магазине – это различные по объему общественные отношения, также как и распространение экземпляра аудиозаписи «из рук в руки» и в Интернете.

Впервые термин «пиринговая сеть» (peer-to-peer или P2P) был использован в 1984 г. компанией «IBM» при разработке сетевой архитектуры для динамической маршрутизации трафика через компьютерные сети. Сегодня на технологии peer-to-peer основаны многие популярные сервисы – от простого обмена файлами до речевой и видеосвязи [13].

С технической точки зрения пиринговая сеть представляет собой множество узлов (компьютеров, коммуникаторов, смартфонов и т.п.), объединенных в единую систему и взаимодействующих методом peer-to-peer, который обеспечивает возможность создания и функционирования в сети равноправных узлов [13]. В таких сетях отсутствуют выделенные серверы, а каждый узел (peer) является как клиентом, так и сервером. В отличие от архитектуры клиент-сервер, такая организация позволяет сохранять работоспособность сети при любом количестве и любом сочетании доступных узлов.

Основная область применения технологии пиринговых сетей – это обмен файлами. Упрощенно процесс выглядит следующим образом – файл делится на составные части (пакеты) и любой компьютер в сети может затребовать в любой момент времени любой из пакетов с любого компьютера, при этом сам запрашивающий выступает в качестве «раздающего» (seeder) тех пакетов, которые он уже получил.

С точки зрения современной правовой системы защиты интеллектуальной собственности, практически любой файл есть объект защиты – как произведение или как компьютерная программа. Следовательно, все эти файлы подчинены режиму распространения, заданному владельцем исключительных прав. Более того, за нарушение установленного режима предусматривается ответственность, в некоторых странах в том числе и уголовная [14]. Однако на пути реализации этих норм встает большое количество проблем, делающих их реализацию практически невозможной.

Во-первых, остается спорным вопрос: подлежит ли защите отдельно взятый пакет, идущий по различным маршрутизаторам к конечной цели и ничего из себя не представляющий до момента «образования» целостного объекта? Тем более что вполне может случиться так, что эти пакеты никогда не создадут целого объекта в связи с отказом запрашивающего или, например, техническим сбоем. В большинстве

случаев пакет – это даже не часть произведения, не цитата, поскольку он не может быть использован. Это абстрактный набор единиц и нулей. Даже если считать передачу пакета как воспроизведение экземпляра *in potentia*, то этого явно недостаточно для привлечения пользователя к ответственности, а сам пакет не может рассматриваться как цитата произведения.

Во-вторых, как отмечалось, правовой режим многих государств позволяет воспроизводить произведение в цифровой форме для личного пользования [5; 6] и в режиме «fair use» [1, С.195]. Важнейшим ограничителем здесь является коммерческий интерес. Сама по себе технология и устройство большинства пиринговых сетей технически не позволяют извлекать коммерческую выгоду. Кроме того, со стороны пользователя, «распространяющего» файл, не требуется никаких усилий. Файл хранится на его персональном компьютере, автоматически разбивается на пакеты и они скачиваются другими пользователями. Доступ пользователей – анонимный. Причина, по которой другие пользователи скачивают пакеты, неизвестна – это могут быть образовательные, научные, иные общественно значимые цели, с которым международное и национальное право связывают ограничения прав авторов и исполнителей. Если ранее это не было проблемой – ущерб от того, что кто-то перепишет книгу от руки, невелик, то с возникновением ксерокопирования это стало серьезной проблемой – только в 1993 г. был отксерокопирован объем материалов, равнозначный 1,5 млрд книг объемом 200 страниц каждая [1, с. 196–197]. Уже тогда это вряд ли могло считаться деятельностью, подпадающей под «особые случаи» в смысле статьи 9.2 Бернской конвенции, при которых воспроизведение «не наносит ущерба нормальной эксплуатации произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора» [15]. Проблема в том, что технические возможности пиринговой сети позволяют (что и происходит на самом деле) быстро распространить информацию среди практически всех пользователей сети Интернет. Попытка заставить пользователя отчислять в случае изготовления копий вознаграждение правообладателю, на наш взгляд, обречена на провал ввиду технической невозможности ее реализации.

В-третьих, непонятно, кого считать субъектом распространения информации: ведь объект, получаемый в конце процедуры загрузки, составлен из пакетов, полученных с различных компьютеров (иногда сотен и тысяч). Может ли отвечать мистер Джонс за то, что с его компьютера был передан пакет, в итоге составивший 1 % объекта? Могут ли отвечать иные пользователи, чьи пакеты составили 99 % объекта, если очевидно, что без 1 % мистера Джонса компьютерная програм-

ма/видео файл/музыкальное произведение попросту бы не работали? Может ли правообладатель искать защиту за «намерение» и «минимальное соучастие» в незаконном распространении? Где границы такого «соучастия»?

В-четвертых, как обеспечить преследование потенциальных нарушителей, если все они находятся в разных странах под различными юрисдикциями? Как в рамках цивилизованного доказательного процесса установить, что это именно мистер Джонс инициировал отправку пакетов, а не его жена, теща или несовершеннолетняя дочь, что мистер Джонс был осведомлен о правовом режиме произведения или программы установленном правообладателем и т.д.

В-пятых, на основании каких принципов разрешить вопрос о подсудности потенциального нарушителя? Можно ли считать, что раз информация распространяется в открытой всемирной сети, то лицо подсудно юрисдикции любого государства – ведь потенциально оно является соучастником нарушения режима защиты интеллектуальной собственности и формально может подпадать под юрисдикцию многих государств? Если на территории государства гражданства «злоумышленника» данное деяние не является противоправным, а на территории третьего государства данное деяние рассматривается как нарушение закона – может ли лицо быть привлечено к ответственности [12]?

В итоге мы приходим к выводу, что общественные отношения в области авторского права существенно изменились, а прокрустово ложе существующего правового режима крайне узко для их адекватного регулирования. Судебная практика некоторых стран накопила интересные примеры. Такие прецеденты есть в США [16; 17; 18] и Великобритании [19], однако их количество – это капля в море по сравнению с реальными масштабами пиринговых сетей. Да и они, будучи в основном сконцентрированными на организаторах пиринговых сетей, не привносят ничего нового в вопрос оценки правомерности деятельности самих пользователей пиринговых сетей. Министерство юстиции Франции в январе 2007 г. обеспечило французские судебные власти рекомендацией, касающейся фактов незаконного распространения файлов, находящихся под защитой авторского права, отмечая, что подобные деяния должны преследоваться по закону и наказываться [20].

Разрозненные усилия государств не снимают проблему, а лишь усугубляют ее. Учитывая предельную сложность проведения полного расследования, у правоохранительных органов не остается иного выбора, кроме как предавать суду за «намерение» и «соучастие», но не за совершение самого деяния – что это как не «натяжка» законодательства. Фактически судебное преследование сконцентрировано на компа-

ниях, которые предоставляют свои веб-площадки для обмена информацией между пользователями (хэш-файлами) и при этом зарабатывают на рекламе, которая демонстрируется на этих сайтах. Однако сами владельцы сайтов не контролируют, какими файлами обмениваются пользователи и каково их содержание. Привлекать такие компании к ответственности означает то же, что привлекать телефонного оператора за то, что по телефону преступники договорились о совершении преступления. Все это тем более неприятно, что фактически не авторы выступают инициаторами дорогих судебных исков и лоббистами применения государственного аппарата принуждения. Этим занимаются крупные транснациональные корпорации, фактически монополизировавшие рынок меди.

В качестве примера можно привести известное дело *Corièpresse SCR vs Google IncL* [21], в котором компанию Google попытались привлечь к ответственности за публикацию в Интернете заголовков и подстрочников газетных статей, размещенных на сайтах данных изданий. Сервис был бесплатным для пользователей, а каждая статья представляла собой ссылку, по которой можно было перейти на сайт издания. Примечательно, что не издания были участниками в деле, а посредники, получившие права на коллективное управление авторскими правами. Как правило, сами издания, авторы совсем не против подобной рекламы, наоборот – каждый в ней нуждается. Однако это почти всегда является потенциальной угрозой для посредников, часто выступающих, как в случае с Google, «душителями» технического и общественного прогресса. А обеспечение выгоды посредников, очевидно не то, чего когда-то добивались создатели международно-правового режима защиты авторских прав и авторы Международного билля о правах человека.

Выводы

Очевидно, что правовое регулирование отношений в области авторского права не успевает за динамичным развитием современных технологий. Основной вызов бросают технологии, основанные не на стандартной схеме пользователь-посредник-пользователь, а на подходе пользователь-пользователь (peer-to-peer).

Основными проблемами, с которыми сталкивается правоприменение, являются: размытость термина «распространение» применительно к передаче информации через сеть (неясность правового режима передаваемых пакетов); невозможность осуществления контроля за пользователями, поскольку отсутствие коммерческого интереса переносит их действия в сферу личной жизни; наличие правовых режимов в большинстве государств, позволяющих распространять произведения

в научных или ознакомительных целях; отсутствие практической возможности привлечения пользователя к ответственности; моральный аспект – деятельность от незаконного воспроизведения произведений причиняет убытки скорее посредникам, а не авторам, ради которых существующая система и была создана.

Для реального изменения ситуации нужен пересмотр принципов правового регулирования авторского права, необходимо создание системы, основанной на тесном взаимодействии пользователей, а не посредников. Самый худший вариант – продолжение игнорирования изменений, происходящих в общественных отношениях. Правоприменитель всегда тяготеет к расширению пределов правовой нормы с целью вместить в нее то, что в момент создания нормы не прогнозировалось. Сегодня это ведет к тому, что глобальные идеи, способные порой ускорить мировой прогресс, частично решить проблему севера и юга, не находят практической реализации. Идея создания свободной мировой электронной библиотеки, обработки научных материалов, формирования банков данных с открытым доступом наталкиваются на сопротивление посредников, преследующих свои коммерческие интересы. Мы стоим на пороге коренных изменений в общественной жизни, связанных с развитием информационных технологий. Обеспечить своевременное и адекватное их регулирование – наша задача.

Список использованных источников

1. Липчик, Делия. Авторское право и смежные права / Д.Липчик ; [перев.] М.Федотов. – М. : Ладомир, 2002. – С. 788.
2. Всеобщая декларация прав человека. Права человека: сб. междунар. прав. док. / сост. В.В.Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 1–5.
3. Пакт об экономических, социальных и культурных правах / сост. В.В.Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – С. 5–13.
4. Белорусский сценарий ляжет в основу голливудского фильма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/culture/2009/03/22/ic_articles_117_161788/. – Дата доступа: 12.04.2012.
5. WTO – «Пиратов» лицензируют [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wto.ru/ru/news.asp?msg_id=22423. – Дата доступа: 11.01.2013.
6. В Дании узаконят копирование MP3-записей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osp.ru/cw/2001/24/41299/>. – Дата доступа: 11.01.2013.
7. Ван Эйк, Нико. Регулирование старых ценностей в век цифровых технологий / Н. Ван Эйк // Справочник по свободе массовой информации в Интернете / Арно Амуру Кристиан Мёллер [ред.]. – Вена : ОБСЕ, 2004. – С. 29–31.
8. Кучинский, В.А. Современное учение о правовых отношениях / В.А.Кучинский. – Минск : Интегралполиграф, 2008. – С. 320.
9. Козик, А.Л. Особенности международно-правовых отношений / А.Л.Козик // Современные проблемы правовых отношений: сб. науч. тр. – Минск, 2008. – С. 170–180.
10. Малахов, С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук / С.В.Малахов. – Москва, 2001. – С. 62.

11. Federal Networking Council Resolution: Definition of «Internet» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nitrd.gov/fnc/Internet_res.html. – Дата доступа: 12.12.2012.
12. Козик, А.Л. Трансграничность сети Интернет и связанные с ней проблемы международно-правового регулирования Интернет / А.Л.Козик // Проблемы управления. – 2008. – № 2. – С. 147–151.
13. Гуркин, Ю.Н. Файлообменные сети P2P: основные принципы, протоколы, безопасность / Ю.Н.Гуркин, Ю.А.Семенов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ccc.ru/magazine/depot/06_11/read.html?0302.htm. – Дата доступа: 27.12.2012.
14. Колосов, В. Уголовная ответственность за нарушение авторских прав в пиринговых сетях / В.Колосов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kolosov.info/comments.php?p=37>. – Дата доступа: 30.12.2012.
15. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений в редакции 1971 г. (Бернский Союз) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fips.ru/avp/law/inter/berne.htm>. – Дата доступа: 11.12.2012.
16. Elektra vs. Barker P2P case [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slyck.com/news.php?story=1745>. – Дата доступа: 30.12.2012.
17. London-Sire v. Doe case [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.techpolicycentral.com/2008/04/courts-reach-different-conclus.php>. – Дата доступа: 30.12.2012.
18. MGM vs. Grokster case [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afterdawn.com/news/archive/6261.cfm>. – Дата доступа: 30.12.2012.
19. Landmark P2P case [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itpro.co.uk/106554/peer-to-peer-user-fined-3-400-in-landmark-case>. – Дата доступа: 05.12.2012.
20. Jondet N. The French Government recommends judicial moderation in P2P cases [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://french-law.net/the-french-government-recommends-judicial-moderation-in-p2p-cases-circulaire-crim-2007-1g3-030107-3-janvier-2007.htm>. – Дата доступа: 01.02.2012.
21. Mark Turner, Dominic Callaghan. YOU CAN LOOK BUT DON'T TOUCH! THE IMPACT OF THE GOOGLE v COPIEPRESSE DECISION. European Intellectual Property Review. 2008 г., 30 (1). – P. 34–38.

КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ИМУЩЕСТВЕННЫМИ ПРИТЯЖАНИЯМИ СУПРУГОВ И УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

(сравнительно-правовой анализ законодательства
Республики Беларусь и Российской Федерации)

Козыревская Лариса Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного права Международного университета «МИТСО»

Аннотация: в статье с применением средств сравнительно-правового анализа проводится исследование специфики корпоративных отношений, осложненных участием специальных субъектов: несовершеннолетних лиц и супругов участников организаций, построенных на коллективном участии; уточняется понятие «корпоративные отношения»; выявляются коллизии брачно-семейного и корпоративного законодательства; определяется сопоставимость нормативных подходов белорусского и российского законодателя в указанной сфере; определяются достоинства и недостатки национальных законодательств названных государств и предлагаются пути их совершенствования и унификации.

The summary: in the article with the use of means of comparative legal analysis conducted a study of the specifics of corporate relations, complicated by the participation of special subjects: juvenile persons and spouses of participants in organizations built on the collective participation; clarifies the definition of «corporate relations», revealed the conflict of marriage-family and corporate legislation; the comparability of the regulatory approaches of the Belarusian and Russian law in this sphere; and outlines the advantages and disadvantages of national legislation of the mentioned countries and suggests the ways of their improvement and unification.

Поступила 20.02.2013 г.

Термины «корпоративные отношения», «корпоративное право» прочно утвердились в российской доктрине, о чем свидетельствуют научные и учебные публикации [8; 10; 21; 22]. Белорусское правоведение для обозначения внутрискруктурных отношений в юридических лицах оперирует преимущественно термином «членские отношения» или «отношения, основанные на членстве». При этом до настоящего времени данный термин применяется в различных значениях. Например, корпоративные отношения определяются как «<...> общественные отношения, связанные с образованием и деятельностью корпораций» [9, с. 1], или как «отношения, складывающиеся между участниками объединения (акционерами) и обособленным от акционеров аппаратом управления (менеджментом), а также между менеджментом и другими заинтересованными лицами такого объединения (работниками, партнерами, государственными органами и пр.), возникающие в связи с

деятельностью корпорации» [11, с. 34]. Очевидно, что в первом случае названным термином охватываются любые организационно-имущественные отношения, связанные с созданием и деятельностью корпораций, к которым, по сложившейся в российском правоведении традиции, относят хозяйственные общества. Во втором случае речь идет только об отношениях менеджмента акционерного общества с иными участниками общественных отношений. С учетом темы настоящей публикации представляется необходимым, не останавливаясь на дискуссии по поводу определения указанной категории, уточнить содержание понятия «корпоративные отношения» применительно к данной статье.

В качестве исходной методологической посылки при определении рассматриваемого понятия можно взять тезис В.А. Белова, который считал, что «говорить о корпоративном праве возможно лишь в том случае, когда мы среди <...> разнообразных общественных отношений <...> обнаружим такие, которые не подпадают под действие норм уже известных нам институтов частного права. Это и будут собственно корпоративные отношения» [7, с. 44]. Применив данное положение к анализу взаимодействий, складывающихся по поводу создания и деятельности юридических лиц, основанных на участии двух и более членов, можно выделить признаки, атрибутивно присущие анализируемому отношению. Это, во-первых, их системообразующий характер, т.е. юридическое лицо, имеющее в своем составе более чем двух участников, не может возникнуть, существовать и действовать вовне как единая целостная структура вне зависимости от особенностей взаимодействия между этими участниками и самим этим лицом. Во-вторых, их индивидуализирующий характер, предполагающий, что специфика данного юридического лица, его гражданско-правовая личность предопределяется содержанием, порядком и качествами взаимоотношений между его участниками. В-третьих, эти отношения должны иметь явно выраженную имущественную составляющую, предполагающую возможность получить какую-либо прибыль и/или понести убытки. Таким образом, учитывая выделенные существенные признаки, корпоративные отношения можно определить как *систему внутрискруктурных организационно-имущественных отношений, складывающихся в объединениях юридически равных, имущественно обособленных, самостоятельных субъектов гражданского правооборота (юридических лицах, основанных на коллективном участии) между участниками этих объединений, обособленным управленческим аппаратом и самим объединением по поводу деятельности данного объединения.*

Как уже отмечалось, сами корпоративные отношения, их субъектный состав, а также порядок и особенности реализации отдельных полномо-

чий не раз становились предметом научного исследования. Однако вопросы взаимодействия норм корпоративного права и иных правовых институтов, особенности реализации корпоративных прав специальными субъектами изучено еще не достаточно, особенно средствами сравнительного правоведения. Вместе с тем, с одной стороны, принимая во внимание развитие интеграции с Российской Федерацией и необходимость унификации законодательства, а с другой – учитывая возрастающую значимость корпоративного дохода как источника материальных ресурсов семьи, несомненную актуальность приобретает изучение вопросов правовой защищенности имущественных интересов несовершеннолетних и супругов – участников объединений корпоративного типа. Причем эта проблема имеет не только узко практическую, но и теоретическую значимость, поскольку позволяет уточнить особенности правового регулирования корпоративных отношений, выстроить иерархию общественных приоритетов при конкуренции интересов как участников различных объединений, так и третьих лиц, связанных в, частности с последними брачно-семейными отношениями.

В основе любого современного правового института (отрасли, подотрасли) лежит система общезначимых идей, определяющих в совокупности основной вектор нормотворчества в соответствующей сфере – правовые принципы. Принимая во внимание конституционные принципы социальной направленности регулирования общественных отношений, экономической свободы, равноправия форм собственности, приоритетности прав и свобод человека, а также общие принципы гражданского права, можно сформулировать базовые принципы корпоративного права: верховенство права; автономность; свободное членство; охрана интересов третьих лиц; имущественное участие; внутрикорпоративная демократия; приоритет прав организации по отношению к ее членам; беспрепятственное осуществление корпоративных прав; информационная доступность [4, с. 97]. Данные принципы задают масштабы правового регулирования корпоративных отношений как целостного социального явления, однако включение тем или иным способом в эти отношения в качестве их субъекта несовершеннолетнего гражданина существенным образом модифицирует их систему и содержание. Исходным моментом в определении специфики правового статуса указанных лиц является конституционное положение о защите детства [6, ч. 2, ст. 7, ст. 38]. Аналогичная норма закреплена и в Конституции Республики Беларусь [5, ст. 32]. Иными словами государство принимает на себя обязанности по защите прав и интересов детей, в том числе и от посягательства на них со стороны родителей [3, ст. 66-1], как это прямо закреплено в Кодексе о браке и семье Республики

Беларусь. Применительно к корпоративным отношениям это означает, что принцип автономности (невмешательства государства во внутри-структурные отношения организации) должен быть ограничен принципом государственной защиты прав несовершеннолетних, участвующих в таких отношениях. В Семейном кодексе Российской Федерации отсутствует соответствующий общий принцип, однако в российском кодексе имеется целая глава «Права несовершеннолетних детей», которая раскрывает систему специальных прав несовершеннолетних, в том числе имущественных [19]. В Кодексе о браке и семье Республики Беларусь помимо специального раздела «Охрана детства», включающего главы, посвященные защите и обеспечению как имущественных, так и неимущественных прав ребенка, белорусским законодателем включена глава «Имущественные правоотношения родителей», устанавливающая права родителей (опекунов, попечителей) в отношении имущества несовершеннолетних, а также пределы их реализации [3]. Таким образом, анализ содержания названных кодексов России и Беларуси позволяет утверждать о специальной правовой защите имущественных и личных неимущественных прав несовершеннолетних со стороны государства.

Исследование содержания правосубъектности несовершеннолетних применительно к корпоративным отношениям следует начать с определения порядка и оснований вступления их в качестве субъекта в рассматриваемые отношения. Условно все способы приобретения прав и обязанностей участника организации корпоративного типа (созданной двумя и более учредителями) можно разделить на производные и первоначальные. К первоначальным следует отнести ситуации, когда вступление в члены ассоциации основано только на свободе волеизъявления несовершеннолетнего и отсутствует правопреемственность в какой бы то ни было форме. К первоначальным способам установления корпоративных отношений относится учредительство, а также вступление в члены организации при одновременном увеличении уставного фонда (паевого фонда в кооперативах).

Учредитель, т.е. лицо, принявшее решение об учреждении юридического лица, становится его участником после государственной регистрации данной организации [15, ст. 11, 13; 17, ст. 11; 16, ст. 9, 10]. Учреждение хозяйственного общества по своей правовой природе и по юридической форме представляет собой выражение воли двух и более лиц (в Российской Федерации достаточно воли одного лица). Иными словами акт вступления в организацию корпоративного типа является гражданско-правовой сделкой, т.е. действием субъектов права, направленным на установление гражданских прав и обязанностей (ст. 154 ГК

Республики Беларусь и ст. 153 ГК Российской Федерации). Вывод о том, что учреждение хозяйственного общества является сделкой, позволяет утверждать, что к учреждению хозяйственного общества должны применяться общие положения о сделках. По общему правилу лица в возрасте от 14 до 18 лет совершают сделки, за исключением прямо поименованных в п. 2 ст. 25 ГК Беларуси (п. 2 ст. 26 ГК России), с письменного согласия своих законных представителей. Возможность учреждать юридические лица в числе сделок, совершаемых без согласия такого представителя, в действующем законодательстве не указана. Таким образом, принимая во внимание отсутствие специальных правил относительно учреждения юридических лиц несовершеннолетними гражданами, приходится делать вывод, что указанные лица вправе с письменного согласия своих законных представителей учреждать хозяйственные общества. Учитывая, что ни белорусское, ни российское законодательство не содержит специальных правил относительно возраста участия физического лица в хозяйственных обществах, сделанный вывод о возможности учредительства организации в полной мере относится к вступлению несовершеннолетнего в уже созданную организацию. В отношении кооперативов в п. 2 ст. 26 ГК России (п. 2 ст. 25 ГК Беларуси) содержится прямое указание, что лица, начиная с 16 лет, могут быть членами кооперативов. Применяя буквальное толкование приведенной нормы, следует заключить, что несовершеннолетние не вправе учреждать кооперативы.

Всякая сделка порождает взаимные права и обязанности сторон, направленные на какой-либо объект действительности: вещь, имущественное право, иной объект гражданско-правовых отношений (ст. 128 ГК Республики Беларусь и ст. 128 ГК Российской Федерации). Так как учреждение как коммерческой, так и некоммерческой организации (хозяйственного общества, кооператива) является сделкой, следовательно, у ее сторон возникает целый комплекс прав и обязанностей. В частности, учредители должны согласовать с регистрирующим органом наименование организации; определить предполагаемое место ее размещения; принять решение о ее создании и подготовить учредительные документы, открыть временный счет для аккумуляции денежных средств, вносимых в уставный фонд; провести оценку неденежных вкладов в уставный фонд, заключив соответствующий договор с субъектом оценочной деятельности и т.д. При этом ни белорусское, ни российское действующее законодательство не дает однозначного ответа на вопрос, следует ли получать письменное согласие законного представителя на совершение каждого отдельного из перечисленных действий, или достаточно единого согласия на учредительство юриди-

ческого лица (особенно это актуально применительно к отношениям с банком и лицами, осуществляющими оценочную деятельность). Однако, опираясь на общие принципы гражданского права, цели ограничения правосубъектности несовершеннолетних, а также комплексное толкование гражданско-правовых норм, можно заключить, что в тех случаях, когда предполагается установление отношений с третьими лицами на договорной основе (например, заключение договора с независимым оценщиком) такое согласие законного представителя будет обязательным. В качестве исключения следует указать на возможность внесения денежных средств в банки или небанковские кредитно-финансовые организации и распоряжения ими (п. 2 ст. 25 ГК Беларуси). Сопоставление указанной нормы с аналогичным положением российского законодательства позволяет выявить одно, но весьма существенное отличие относительно объема право- дееспособности лиц в возрасте от 14 до 18 лет в Республике Беларусь и в Российской Федерации.

Российский законодатель предоставил право несовершеннолетним вносить в кредитные учреждения вклады (а не денежные средства), в свою очередь вклад – это договор по, которому кредитное учреждение (банк, небанковская кредитно-финансовая организация), принявшая поступившую от вкладчика сумму, обязуется возвратить сумму вклада и выплатить на нее, предусмотренные договором проценты (п. 2 ст. 26, ст. 834 ГК России). Таким образом, российский законодатель вполне определенно ограничил права несовершеннолетних в отношениях с кредитными организациями: открытие иных счетов, помимо счета банковского вклада, в том числе и спецсчета для формирования уставного фонда, не относится к сделкам, совершаемым указанными лицами без разрешения их законных представителей. Принимая во внимание положения ст. 37 ГК России, которая устанавливает порядок распоряжения имуществом подопечного, включая и права в этой сфере законных представителей, можно сделать вывод, что внесение вклада несовершеннолетним лицом в уставный фонд организации допустимо только с письменного согласия его законного представителя и предварительного разрешения органа опеки и попечительства [1, ст. 37]. Более того, круг таких кредитных организаций ограничен федеральным законом «Об опеке и попечительстве», в соответствии с которым опекун вправе вносить деньги подопечного, а попечитель давать согласие на внесение денежных средств подопечного только в кредитные организации, не менее половины акций (долей) которых принадлежат Российской Федерации [18, ст. 19].

Учреждение юридического лица достаточно серьезный шаг, требующий определенных знаний и опыта. Поэтому вряд ли обоснован-

ным является имеющаяся в Республике Беларусь при буквальном толковании соответствующей нормы возможность для лиц в возрасте от 14 до 18 лет вносить без разрешения их законных представителей без ограничения денежные средства в кредитные учреждения, в том числе и на специальные счета для формирования уставных фондов. В связи с этим уместно было бы по примеру российского законодателя ограничить взаимоотношения несовершеннолетних с банковскими учреждениями правом открывать вкладные (депозитные) счета, переформулировав норму ст. 25 ГК Беларуси.

Что касается установления членских отношений путем вступления в уже созданную организацию, то применительно к хозяйственным обществам и товариществам имеют место те соображения, что были высказаны относительно учредительства. Отдельного рассмотрения требует возможность членства в кооперативах, поскольку такое право для лиц, начиная с 16 лет, прямо предусмотрено законодательством. И здесь имеется целый ряд сложных юридических проблем.

Во-первых, каждый вступающий в члены кооператива обязан внести имущественный паевой взнос (ст. 107, ст. 116 ГК и России, и Беларуси). Но в соответствии с ГК, как уже было сказано выше, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно, без согласия своих законных представителей, распоряжаться только собственными доходами, вносить вклады в кредитные учреждения и использовать их, а также совершать мелкие бытовые сделки и сделки, направленные на безвозмездное получение выгод. В связи с этим возникает вопрос, имеет ли право лицо в возрасте до 18 лет, не имеющее собственного заработка, вступить в кооператив, и не будет ли этот акт впоследствии признан недействительной сделкой по иску законных представителей такого лица. В соответствии со ст. 26 ГК России (ст. 25 ГК Беларуси), как уже отмечалось, несовершеннолетнему в возрасте от 16 до 18 лет не требуется согласия законного представителя для вступления в кооператив. Однако такое согласие по правилам той же статьи будет обязательным для внесения паевых и вступительных взносов при отсутствии собственных источников доходов. В Российской Федерации в отличие от Республики Беларусь принят целый ряд специальных законов о кооперативах (например, федеральные законы «О производственных кооперативах», «О сельскохозяйственной кооперации» и др.), но ни один из них не содержит специальных правил относительно вступления в указанную организацию несовершеннолетних. Такое положение, безусловно, нарушает права как самих несовершеннолетних лиц (во избежание проблем для организации проще не допускать членства таких граждан), так и кооперативов, которые оказываются в

состоянии правовой неопределенности относительно правового режима членских взносов несовершеннолетних.

Второй проблемой членства в кооперативе лиц, не достигших 18 лет, является невозможность возложения на них субсидиарной ответственности по обязательствам этого юридического лица при отсутствии у них собственных доходов. Это связано с тем, что законные представители таких граждан несут субсидиарную ответственность только в том случае, если обязательство возникло из сделки, на которую было получено их письменное согласие. Таким образом, нарушаются общеправовые принципы равноправия и ответственности.

К производным основаниям возникновения корпоративных отношений относятся: получение права собственности на долю (акции) в порядке наследования, дарения и т.д. В отличие от российского, белорусский законодатель прямо закрепил указанные способы установления членства в организациях корпоративного типа. В частности, в ст. 13 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» определяется, что участниками хозяйственного общества являются также лица, получившие право собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления на долю в уставном фонде (акции) хозяйственного общества [15, ст. 13]. Нужно отметить, что формулировка, используемая белорусским законодателем, непротиворечива, поскольку верна лишь отчасти (в отношении открытых акционерных обществ). Имущество, составляющее уставный фонд, находится в собственности организации. В соответствии со ст. 63 ГК Беларуси конституирующим признаком хозяйственных обществ является разделенный на доли уставный фонд. Еще более определенно подошел к вопросу уставного капитала российский законодатель, установив, что уставный капитал общества составляется из номинальной стоимости долей (акций) его участников [17, ст. 25]. Таким образом, получается парадоксальная ситуация – уставный капитал (фонд) как единое целое принадлежит организации на праве собственности, а его части, выраженные в номинальной стоимости доли – участникам. Представляется, что в данном случае субъект может приобрести не вещное, а только обязательственное право по отношению к обществу. Данное заключение подтверждается установленным специальным порядком отчуждения и наследования долей в уставных фондах обществ с ограниченной и дополнительной ответственностью, а в Республике Беларусь – и акций закрытых акционерных обществ. Однако сказанное не умаляет сам вывод о существовании производных оснований установления корпоративных отношений, и именно такие способы установления взаимодействий с той или иной организацией представляются наиболее практически

значимыми применительно к теме настоящей работы. Системный анализ российского законодательства позволяет утверждать, что и в России имеет место такой способ установления корпоративных отношений. Что касается правового режима кооперативов, то он также допускает, по крайней мере, наследование пая.

Учитывая масштабы распространения в экономике рассматриваемых государств названных организационно-правовых форм юридических лиц, провозглашение частной собственности и эволюцию парадигмы наследственного права, для выявления содержания правового статуса несовершеннолетних в корпоративных отношениях необходимо исследовать особенности правового регулирования таких отношений, возникающих на основе производных оснований. Наиболее распространенным способом включения несовершеннолетних в корпоративные отношения является наследование долей (паев, акций) в уставном фонде организаций корпоративного типа.

Правовой режим наследования указанного имущества в Российской Федерации и Республике Беларусь различается только относительно акций закрытого акционерного общества. Российский законодатель не закрепляет специального порядка принятия в ЗАО лиц, тем или иным способом получивших акции. В Беларуси, в соответствии со ст. 73, в уставе ЗАО может быть установлено, что акции переходят к наследникам только с согласия общества. При наличии такого уставного ограничения для установления членских отношений в срок, определенный уставом, должно быть получено письменное согласие всех акционеров общества, либо не получен письменный отказ ни от одного из них. В противном случае акции, полученные по наследству, должны быть приобретены акционерами, пропорционально количеству акций соответствующих категории и типа, принадлежащему каждому акционеру, или самим обществом (если все акционеры откажутся от приобретения этих акций). И только в том случае, если ни акционеры, ни общество в установленный срок не реализуют права на покупку акций – они остаются в собственности у наследника. Никакой оговорки относительно несовершеннолетних наследников законодательство не содержит. Получается, что нормы корпоративного права, более того, локальные нормы, содержащиеся в уставе юридического лица, ограничивают действие не только норм семейно-брачного законодательства, но и ставят под сомнение сам конституционный принцип повышенный защиты детства со стороны государства. Последний тезис нуждается в более подробной аргументации. Согласно правилам ст. 73 Закона «О хозяйственных обществах» цена продажи акций ЗАО при реализации преимущественного права покупки определяется согласием сторон. Но в

случае наследования этих ценных бумаг несовершеннолетним лицом цена будет согласовываться с законным представителем наследника, и нет никаких гарантий, что при этом не пострадают интересы несовершеннолетнего. При этом не совсем понятно соотношение норм корпоративного законодательства и положений Кодекса Республики Беларусь о браке и семье в части защиты имущественных прав детей. В частности, названный Кодекс запрещает родителям без согласия органов опеки и попечительства отчуждать имущество, принадлежащее ребенку. Таким образом, может сложиться парадоксальная ситуация: акционеры, в соответствии с уставом общества, готовы выкупить полученные по наследству акции, а органы опеки и попечительства в своем согласии на данную сделку отказывают. Действующее законодательство не содержит норм, позволяющих явным образом разрешить выделенную коллизию. Представляется, что следовало бы закрепить положение, согласно которому решение вопроса о принятии несовершеннолетнего наследника в члены соответствующей организации (это касается и обществ с ограниченной и дополнительной ответственностью, где используется сходный правовой режим наследования долей) отложить до наступления совершеннолетия данного лица.

Сходным по юридическим результатам является дарение акций (долей, паев) несовершеннолетним лицам. При этом надо учесть, что в Республике Беларусь дарение акций допускается только Республике Беларусь (ее административно-территориальным единицам) либо лицам, являющимся по отношению к дарителю родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, супругом (супругой), родителями супруга (супруги), родными братьями и сестрами, внуками, бабкой, дедом [13, п. 1.5-1]. Таким образом, несовершеннолетний может получить акции только от близких родственников. Во-вторых, вступление в члены ЗАО, ООО или ОДО на основании договора дарения и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации может быть обусловлено уставом соответствующей организации согласием иных участников. В этом случае возникает уже отмеченная коллизия с положениями брачно-семейного законодательства, тем более очевидная, что законный представитель не может отказаться от принятия в дар без разрешения органов опеки и попечительства [3, ст. 89].

Еще одна проблема членства несовершеннолетних в организациях корпоративного типа – это реализация данными лицами права на управление. Поскольку данное правомочие ни в Беларуси, ни в России не отнесено к сделкам, совершаемым несовершеннолетними самостоятельно, можно заключить, что от имени лиц, не достигших 14-ти летнего возраста, будут действовать законные представители, а лица, дос-

тигшие этого возраста, будут действовать с письменного разрешения этих представителей. Здесь возникает проблема практического характера, достаточно ли единого письменного разрешения на участие в общем собрании, или необходимо отдельное разрешение для голосования по каждому вопросу, включенному в повестку собрания. Кроме того, возникает вопрос, вправе ли законные представители несовершеннолетних без предварительно полученного согласия голосовать за ликвидацию, реорганизацию соответствующего юридического лица, уменьшение или увеличение его уставного фонда и т.д., ведь каждое из этих решений потенциально может угрожать имущественным интересам ребенка и сохранности его имущества. Каковы юридические последствия решений, принятых с участием законных представителей и повлекших утрату имущества несовершеннолетнего (вместо сохраняющейся возможности получить, пусть в будущем, какой-то корпоративный доход, ребенок не получает даже ликвидационной квоты по причине недостаточности имущества) – все эти вопросы требуют соответствующего законодательного решения.

Еще одной проблемой членства в кооперативе и обществе с дополнительной ответственностью лиц, не достигших 18 лет, является невозможность возложения на них субсидиарной ответственности по обязательствам этих юридических лиц при отсутствии у них собственных доходов. Это связано с тем, что законные представители таких граждан несут субсидиарную ответственность только в том случае, если обязательство возникло из сделки, на которую было получено их письменное согласие.

Также могут возникнуть коллизии, связанные с реализацией права члена кооператива быть избранным в руководящие органы этого юридического лица. Законодатель не ограничил названного права несовершеннолетних членов кооперативов, но ст. 25, устанавливая объем дееспособности таких граждан, лишает их возможности выступать в гражданском правообороте от имени других лиц. И даже с учетом действия ст. 26 ГК, позволяющей в отдельных случаях объявить лицо, достигшее 16 лет, полностью дееспособным, нельзя разрешить данную проблему. Для объявления несовершеннолетнего эмансипированным в качестве необходимого условия требуется, чтобы он участвовал в трудовой деятельности на основе трудового договора (контракта) или занимался предпринимательской деятельностью. Членство же в кооперативе, с одной стороны, не может рассматриваться как форма предпринимательской деятельности, ибо оно не связано с извлечением прибыли, а с другой стороны – член такой организации не является наемным работником и, следовательно, с ним не заключается трудовой договор.

Еще одним важным аспектом правового регулирования брачно-семейной сферы являются имущественные отношения между супругами. Наиболее проблемным в данной области представляется вопрос определения правового режима долей (акций) в уставных фондах различного рода юридических лиц, в том числе и в хозяйственных обществах.

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации установлено два вида режима имущества супругов: законный и договорной. В Республике Беларусь указанные термины в законодательстве не употребляются. Однако в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье установлено, что супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения супружеским имуществом, если иное не предусмотрено Брачным договором [3, ч. 1 ст. 23]. Таким образом, и белорусский законодатель допускает установление договорного режима на супружеское имущество. Договорной режим позволяет разрешить многие спорные вопросы имущественного характера, в частности, определить порядок раздела акций, иных ценных бумаг, а также долей в уставных фондах юридических лиц. Поэтому наибольший теоретический и практический интерес вызывает анализ содержания законного режима имущества супругов.

В соответствии с Семейным кодексом к общему имуществу супругов относятся доходы каждого из супругов, иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения, движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства [19, п. 2 ст. 34]. Таким образом, в Российской Федерации в силу прямого указания закона доли, паи, акции хозяйственных обществ и кооперативов являются совместной собственностью супругов. Что касается Республики Беларусь, здесь вряд ли возможен такой однозначный вывод, поскольку белорусский законодатель не уточняет, какие именно объекты входят в состав совместно нажитого супругами имущества.

Путем буквального толкования ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, можно заключить, что именно перечисленные здесь объекты и охватываются категорией «имущество». Но в таком случае возникает сомнение о включении долей (паев) в уставном фонде хозяйственных обществ и кооперативов к имуществу вообще, и к совместному имуществу в частности.

Хозяйственные общества и производственные кооперативы в соответствии с действующим и белорусским, и российским законодательством относятся к юридическим лицам, участники которых имеют обязательственные права на имущество данных организаций. По мнению большинства исследователей, работающих в сфере корпоративного права, обязательственные права участников юридических лиц корпоративного типа делятся на имущественные и неимущественные, включающие такие правомочия, как право участвовать в управлении соответствующей организацией, получать информацию о ее деятельности. Следовательно, при буквальном системном толковании норм КоБС, ГК Беларуси и закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах», можно заключить, что белорусский законодатель применительно к сфере корпоративных отношений в состав совместного имущества супругов включает акции (как ценные бумаги), а также имущественные права, связанные с участием в различного рода хозяйственных объединениях: право на получение дохода (дивиденда), право на ликвидационную квоту.

Реализация указанных имущественных прав предполагает, что любой из супругов может получить начисленный корпоративный доход или ликвидационную квоту. В соответствии с белорусским законом «О хозяйственных обществах», часть прибыли ООО или ОДО может быть распределена между их участниками пропорционально размерам их долей в уставных фондах этих юридических лиц. Аналогичная норма определяет судьбу имущества этих организаций, оставшегося после завершения расчетов с кредиторами при их ликвидации [15, ст. 96, 111]. В этом же акте определяется, что участник хозяйственного общества – это лицо, получившее право собственности на долю (акции) в уставном фонде соответствующей организации [15, ст. 13]. Поскольку в отношении супружеского имущества установлен режим совместной собственности, следовательно, каждый из супругов в равной мере является собственником доли (акций) в уставном фонде общества. Но данный тезис содержит в себе противоречие. С одной стороны, как уже было отмечено, неимущественные корпоративные, права ни с практической, ни с теоретической точки зрения не могут включаться в состав совместного имущества супругов. С другой стороны, законодательство содержит исчерпывающий перечень участников корпораций, чьи права могут быть ограничены в какой-либо части (например, владельцы привилегированных акций), а значит, не может один супруг-участник хозяйственного общества обладать корпоративными правами в полном объеме, а второй – только их имущественной составляющей. Кроме того, в соответствии с действующим законодательством Рес-

публики Беларусь в уставах хозяйственных обществ необходимо указывать всех участников такого объединения, а в случае изменения их состава юридическое лицо в двухмесячный срок обязано внести и зарегистрировать соответствующие изменения в учредительные документы [12, п. 22]. Таким образом, определение круга участников хозяйственных обществ имеет формальное основание – соответствующие учредительные документы. А значит, супруг-сособственник доли в уставном фонде хозяйственного общества на практике не сможет реализовать и имущественные правомочия корпоративного права, находящегося в совместной семейной собственности.

Сделанный вывод применим и в отношении открытого акционерного общества, которое хотя и должно регистрировать изменение состава его участников, однако и здесь круг акционеров, имеющих право на получение дивидендов, определяется строго формальным образом – на основании данных реестра владельцев акций [15, ст. 72]. В соответствии с белорусским законодательством акционерное общество, как эмитент ценных бумаг, обязано заключить договор на депозитарное обслуживание до государственной регистрации первого выпуска ценных бумаг [14, п. 119]. При этом в обязанности депозитария входит ведение реестра акционеров, который составляется на основании информации о состоянии счетов «депо» владельцев ценных бумаг эмитента [14, п. 131]. Следовательно, супруг, на имя которого не открыт накопительный счет «депо» у данного конкретного депозитария для учета акций соответствующего акционерного общества, не будет включен в реестр, а значит, не сможет получить дивиденды или ликвидационную квоту.

Таким образом, с учетом изложенного можно заключить, что только правовой режим доходов, полученных в связи с участием в хозяйственном обществе одного из супругов, в полной мере соответствует конструкции совместной собственности, принятой в гражданском праве Республики Беларусь. По мнению А. Караваев, «доля в хозяйственном товариществе и обществе, являющаяся общей совместной собственностью супругов, не может рассматриваться как вещь, объект вещных прав <...>, в отношении такой доли не могут применяться в полной мере не только нормы о владении и пользовании общим совместным имуществом супругов, но и нормы о распоряжении таким имуществом» [2]. С последним трудно согласиться. Если допустить возможность для одного из супругов самостоятельно распоряжаться указанным имуществом и учитывать его в составе супружеского имущества исходя из его стоимости, то это может существенно нарушить права второго супруга. Во-первых, трудно определить реальную стоимость

такого имущества, поскольку его балансовая и рыночная стоимость могут существенно отличаться. Во-вторых, в условиях развитых рыночных отношений выгоды от владения долей в уставном фонде хозяйственного общества в конечном итоге могут существенно превышать прибыль, полученную в результате ее продажи. Поэтому, как представляется, в данном случае должен иметь место особый правовой режим, выражающийся в ограничении права распоряжения долями (акциями) в уставных фондах хозяйственных обществ, приобретенными в период брака, что и должно быть соответствующим образом закреплено в действующем законодательстве.

Что касается Российской Федерации, то безусловное включение указанного имущества в состав общего семейного имущества порождает ряд проблем. В частности, п. 1 ст. 35 Семейного кодекса установлено, что владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по их обоюдному согласию. «Едва ли можно сомневаться в том, что сделки по отчуждению доли (акции) должны быть согласованы с супругом» [20, с. 50]. Но в отношении таких действий участника организации, как голосование по вопросам реорганизации (ликвидации) юридического лица, распределении прибыли, согласование квалифицированных сделок и т.д. ответ не столь очевиден. За исключением специально указанных видов имущества, согласие второго супруга на сделку с общим имуществом презюмируется. И в силу правила п. 2 ст. 35 сделка, совершенная одним из супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если другая сторона по сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки. Таким образом, любое действие, за исключением отчуждения, вытекающее из факта владения долей (паем, акцией) в уставном фонде общества или кооператива, на практике будет совершаться супругом-участником коммерческой организации единолично. Иными словами, применительно к сфере корпоративных отношений п. 1 ст. 35 Семейного кодекса вступает в противоречие с п. 2 этой же статьи.

Даже в случае, если второй супруг, например, уведомит общее собрание участников той или иной организации о недостижении согласия с супругом по вопросам повестки дня, вряд ли участник будет устранен от принятия по ним решений, поскольку в законодательстве отсутствуют такие основания для ограничения права на участие в управлении обществом. Что касается реализации права на участие в управлении супругом, номинально не являющимся участником общества, то представляется, что его реальное осуществление невозможно.

В отличие от белорусского российский законодатель определил, что список лиц, имеющих право получения дивидендов, составляется на основании сведений, которые представляет номинальный держатель акций о лицах, в интересах которых он владеет акциями [16, ст. 42]. Теоретически супруг – номинальный владелец акций может указать второго супруга в качестве лица, в интересах которого осуществляется владение акциями и тем самым обеспечить возможность совместной реализации права на получение корпоративного дохода. Но, во-первых, данный акт базируется на суверенной воле номинального владельца акций, а во-вторых, по сути, он будет означать раздел совместного супружеского имущества. В отношении супружеской собственности на долю в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью (общества с дополнительной ответственностью) на основе системного толкования норм федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [17] можно заключить, что порядок владения и пользования этим имуществом аналогичен порядку, установленному в Республике Беларусь, соответственно, выводы, сделанные относительно правового режима данного имущества на белорусском материале, в целом соответствуют и российской ситуации.

Таким образом, при внешних различиях в подходах белорусского и российского законодателя при определении режима совместной супружеской собственности на доли (акции) в уставных фондах хозяйственных обществ содержание этого режима, складывающееся под воздействием объективных факторов, является весьма схожим в указанных государствах. Проведенный анализ позволяет заключить, что владение и пользование указанным имуществом не соответствует установившейся в гражданском праве конструкции совместной собственности, лишь правомочие распоряжения предполагает согласие второго супруга на совершение соответствующей сделки.

В целом можно заключить, что правовое положение несовершеннолетних лиц и супругов – участников организаций коллективного типа имеет схожие внутренние противоречия, вытекающие из коллизии норм семейно-брачного и корпоративного законодательства. Уровень правовой защищенности названных лиц в отмеченной сфере и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации остается низким и не соответствует общеправовым принципам.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : принят Государственной Думой 21 окт. 1994 г. : текст Кодекса по состоянию на 11 февр. 2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»,

Нац. центр правовой информ. Рос. Федерации. – М., 2013.

2. Каравай, А. Семейная собственность в бизнесе [Текст] / А.Каравай // Экономическая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://neg.by/publication/2006_08_25_7229.html – Дата доступа: 11.04.2013.

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 1 янв. 2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

4. Козыревская, Л.А. Принципы правового регулирования корпоративных отношений / Л.А.Козыревская // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 97.

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) с учетом поправок, внесенных Законами № 6-ФКЗ от 30.12.2008 и № 7-ФКЗ от 30.12.2008 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 4. – 445. – Ч. 2. – Ст. 7; Ст. 38.

7. Корпоративное право : актуальные проблемы теории и практики / В.А.Белов [и др.] ; под общ. ред. В.А.Белова. – М. : Юрайт, 2012. – 678 с.

8. Корпоративное право : учеб. пособие / И.А.Еремичев [и др.] ; под ред. И.А.Еремичева, Е.А.Павлова. – М. : ЮНИТИ–ДАНА, 2010. – 439 с.

9. Корпоративное право : учебник / Е.Г.Афанасьева, В.Ю.Бакшинская, Е.П.Губин [и др.] ; отв. ред. И.С.Шиткина. – М. : Закон и право, 2007. – 439 с.

10. Кошанина, Т.В. Корпоративное право : учебник / Т.В.Кошанина – М. : НОРМА-ИНФРА, 1999 г. – 789 с.

11. Макарова, О.А. Корпоративное право : курс лекций / О.А.Макарова. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 432 с.

12. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования : Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 дек. 2009 г. № 1 (в ред. от 24.01.2013 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013

13. О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 апр. 2006 г. № 277 (в ред. от 04.03.2013 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013

14. О регулировании депозитарной деятельности : Постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 22 ноября 2006 г. № 143 (в ред. от 14.02.2012 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013

15. О хозяйственных обществах : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г. № 2020-ХП: в ред. Закона от 15.07.2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

16. Об акционерных обществах : Федер. закон Рос. Федерации, 26 дек. 1995 г., № 208-ФЗ: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 21.03.2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Рос. Федерации. – М., 2013.

17. Об обществах с ограниченной ответственностью : Закон Рос. Федерации, 8 февр. 1998 г., № 14-ФЗ: в ред. Федер. Закона Рос. Федерации от 29.12.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Рос. Федерации. – М., 2013.

18. Об опеке и попечительстве : Федер. закон Рос. Федерации, 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 18.07.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Рос. Федерации. – М., 2013.

19. Семейный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 8 дек. 2010 г. : текст Кодекса по состоянию на 12 ноября 2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Рос. Федерации. – М., 2013

20. Склоцкий, К. Права учредителя хозяйственного общества и режим супружеского имущества / К.Склоцкий // Хозяйство и право. – 2003 – № 5. – С. 46–51.

21. Степанов, П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве / П.В.Степанов // Законодательство. – 2002. – № 6. – С. 33–51.

22. Хужокова, И.М. Корпоративное право Российской Федерации: курс лекций. / И.М.Хужокова. – М. : Экзамен, 2004 г. – 376 с.